Clan Novel 4 — Setite

Новелла Клана 4 — Сетит

Машинный ознакомительный материал выполнен для TWADOMAM — https://vk.com/twadomam

Часть первая: Нью-Йорк

Суббота, 31 Июль 1999, 12:33 AM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Она сидела в самом центре своей квартиры и ждала.

Воротник ее белой хлопчатобумажной рубашки был расстегнут, как он его и оставил. Кровь на ее шее засохла, и нежная кожа на ней зудела под липкой коркой. Наручники, наконец, лежали неподвижно. Испытанные на прочность, цепи и кандалы выдержали, и она устала бороться с ними.

С помощью кандалов он привязал ее к старому, тяжелому офисному креслу — твердому ореху, слишком прочному, чтобы она могла его разрушить, даже если бы захотела. И, подумала она, он должен был знать, что она этого не сделает. Хотя красные царапины на запястьях причиняли ей боль, осознание того, что ее борьба соскребла грязные и заскорузлые узы с полированного антиквариата — бесполезно, ей-богу — причиняло почти такую же боль. Запястье — дерево — сталь — дерево — запястье, ненавистные вещи оставили широкие кирпично-красные пятна на ее коже, на блестящем орехе и на центральной опоре ее дома, и теперь она ничего не могла сделать, кроме как смотреть, и ждать, и помнить.

Он не оставил в квартире света, но через окна — огромные, красивые, выходящие на север, утренние окна, ради которых она сняла лофт, — город давал ей достаточно света, чтобы видеть.

Неон, машины, уличные знаки создавали силуэты студии, ее мастерской и придавали квартире свой собственный горизонт. Вот мольберт с полуочищенной картиной, возвышающийся над районом. Рядом с ним — современный небоскреб, все углы и

сложные изгибы: ее подставка для одеял, затянутая кавалерийским флагом и задрапированная бельем. Верстак, немного в стороне от лучшего соседства, был складом и фабрикой, крыша была занята аккуратными рядами бутылок, чистящих средств, баночек, щеток, коробок с перчатками и ватными тампонами. Стол, большой, с прямыми линиями, внушительный, был…

Стол, тусклый и темный при свете уличного фонаря, был настоящим, истинно вишневым. Он светился, как медь, когда на него падал настоящий, истинный свет — когда вставало солнце и сияло, как бог, сквозь прекрасные, огромные северные окна…

Это был письменный стол, подумала она и вспомнила.

Понедельник, 21 июня 1999, 11:46 PM
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Стол представлял собой развалину. Пыльный, грязный, покрытый шрамами, краской, запущенный, его “ласточкины хвосты” разваливались на куски, а патентные механизмы, которые сделали его -передовым— еще до изобретения этого термина, были сломаны в течение многих лет. Центральный замок в давно забытую дату был распилен и полностью удален. Три боковых ящика имели свои замки, но механизмы были настолько грязными, что даже правильные ключи не смогли бы их закрыть. Не то чтобы у нее были правильные ключи; она вообще не была уверена, что дерево вокруг замков выдержало бы эксперимент. Боковины шкафа скрипели и скрежетали при открывании, а качающийся столик внутри пел, как умирающий слон, если она осмеливалась заставить его появиться.

Она выжала отрезанную хлопчатобумажную футболку почти досуха из теплой воды и древесного мыла и начала снимать грязь с рабочего стола. На поверхности было слишком много песка, чтобы рисковать, вытирая тряпку, даже вдоль зерна, поэтому она прижала мокрую тряпку к поверхности и подняла пыль за счет сильного натяжения воды и вязания ткани.

С бесконечной осторожностью она сняла ящики. Центральный ящик и один из трех боковых дрожали в ее руках; их придется подправить и снова прикрепить. Тот, что был вырезан для хранения канцелярских принадлежностей, уже ремонтировали, причем ужасно. Она покачала головой, глядя на огромные капли клея для дерева на стыках. Четвертый ящик, к ее удивлению, оказался прочным, и все планки и перегородки, отсутствующие в других, скользили внутри него. Три из них были оригинальными для стола, и она улыбнулась, глядя на тонкие листы дерева, как ребенок на приз -Крекер Джек.

Она открыла боковую стенку шкафа, вытащила стол — на этот раз с шумом, меньше похожим на слона и больше на сломанную карусель — и наполовину заползла под него. Она отложила ведро и пылесборник в сторону и порылась в набедренном кармане в поисках фонарика.

Позади нее раздался голос, прочищающий горло.

— Это, — сказал голос, — здесь продается?

От испуга женщина уронила фонарик на пыльные доски. Она вытащила голову и плечи из пасти шкафа и посмотрела вверх темно-янтарными глазами. В магазине было темно, лампы рабочего кабинета были направлены не в ту сторону, а мужчина стоял неподвижной тенью дальше, в спокойном, слабом свете лестницы, ведущей в кабинет хозяев.

— Нет.

Она откинула грязную бандану со своих длинных, прямых, каштановых волос, смутившись.

— Может быть.

Чистой стороной платка она вытерла пыль с лица и, прищурившись, посмотрела на посадку.

— Может быть, наверное, — продолжала она, прислонившись к утешительной громадине. — Это мое. Боюсь, вряд ли это качество Резерфорд Хауса...

— Я не очень хочу покупать. Мне просто любопытно... — Тон мужчины оставил разговор открытым.

— Я пошла на распродажу с Эми Резерфорд и увидела его в нестандартном лоте. Когда она поторговалась за нужные ей вещи, мы привезли его как часть пакетной сделки.

— Почему? И, каким-то образом, голос был искренне заинтересован, и она обнаружила, что говорит дальше.

— Урна... потому что она ничего не стоила, на самом деле. Потому что нас действительно интересовали ранние маратхи — простите, ранние индийские латунные изделия. И, конечно, если бы дилер знал, что именно они нужны Эми, он мог бы перепроверить свою оценку. Как бы то ни было, мы заплатили за стол несколько долларов с лишком, а его “сувениры” забрали за копейки. Вот один в нише позади вас, — сказала она, жестом указывая на витрину справа от него.

— Но зачем все это? — Одна изящная рука указала на ведро, чистящие средства и салфетки.

Она улыбнулась и сделала неопределенный жест банданой.

— Потому что мне это нравится.

Мужчина вышел с лестничной площадки и вошел в рабочий кабинет. Он был высоким и прямым, одет в угольно-серый костюм, в котором смокинг мог показаться повседневным или джинсовым нарядом. Он был лысым или бритым, но кости его черепа были красивой формы. Он не был красив, да ему и не нужно было быть красивым; он был полным, идеально скульптурным, а его темная кожа блестела, как красное дерево при свечах. Он вошел в рабочую комнату с вежливым спокойствием гостя, взял ближайшую из ярких ламп и повернул ее так, чтобы она освещала старый письменный стол.

— Это хорошо. Это не плохой кусок. Почему вы говорите, что он ничего не стоит?

— Выдвижной, — ответила она, постучав по качающемуся столу. — Она создана для удобного хранения и сокрытия вашей пишущей машинки, примерно 1920 года. Патент находится на рассмотрении. В поместье думали, что смогут продать ее в магазин канцелярских товаров. Но вряд ли кому-то нужны

столы без ящиков для бумаг, а ручными пишущими машинками уже никто не пользуется. Какой-нибудь дурак вынул бы у бедного существа кишки и просверлил бы в нем дырки, чтобы переделать его в машинку компьютерный век.

Она погладила бисерный край рабочего стола, пробормотав:

— И я не могла допустить, чтобы это случилось с ним.

— Ним?

Женщина наполовину покраснела и сделала более деловое лицо.

— Извините. Я просто немного анимист. Могу ли я что-нибудь сделать для вас?

— Вы могли бы оказать мне честь, представив меня.

— О. — Она вытерла свою правую руку и протянула ее ему. Ее хватка была крепкой, теплой и уверенной; его — сильной, прохладной и сухой. — Элизабет Димитрос. Я здесь работаю.

— Я — Хеша Рухадзе. Очень приятно с вами познакомиться.

— То же самое.

Она сделала паузу, пытаясь определить его местоположение. Поздние посетители не были редкостью, но этого клиента она никогда раньше не видела.

— Вы пришли к Эми?

— Агнес, — сказал он, назвав имя старшего партнера. — Она берегла для меня алебастровую фигуру.

— Старое королевство ушебти?

— Да. Вы видели это?

Элизабет кивнула.

— Я помогла установить его подлинность. Это был лучший экземпляр, который был у Резерфордов по эту сторону Атлантики. — Она с любопытством посмотрела на него. — Вы интересуетесь египетским искусством?

Она вылезла из кроссовок и оставила их на скатерти. Носком ботинка она коснулась удлинителя, и лампы в рабочей комнате погасли. Чистой рукой она повернула регуляторы яркости, которые управляли системой отображения.

Главный этаж дома Резерфорда мягко светился в лучах прожекторов. Стены галереи были цвета и текстуры яичной скорлупы, изогнутые и вылепленные, чтобы обеспечить полки и ниши для сокровищ, которые они хранили. Артефакты — немногие из них были достаточно молодыми, чтобы считаться просто антикварными, — были выставлены мастерски. Здесь царили гармония, традиция и эстетика англиканского высшего класса. Но был и контраст в группировках, который говорил о более современной руке, той, которая понимала шок дзен и неторопливую дисциплинированность китайской каллиграфии. Рухадзе проследовал за ней по толстому мягкому ковру к полке, задрапированной бархатом на тон темнее стен. В углублении лежал тонкий ошейник из лазурита и золотых бусин.

— Это, конечно, ужасно обычное украшение, — сказала она, — по сравнению с вашим последним приобретением, но ибис, инкрустированный в застежку, — лучшая резьба…

Хеша покачнулся, внезапно дезориентированный. В его глазах мелькнула яркая вспышка, и эхо бодрствующего разума, совсем рядом с его собственным — от шока ему показалось, что он узнал это ощущение. Глаз? Активный? Он напрягся, пытаясь ухватиться за следы, бросив на это всю свою энергию. Его тело, оставленное без внимания, начало прогибаться.

— Сэр? Сэр!

Он привалился к стене, и женщина вскочила, чтобы не дать ему разбить голову о полку. Он полностью проигнорировал ее и сосредоточился на следовании за эманациями.

— Ты в порядке? — Ее руки боролись с его весом. Она уперлась коленом ему в спину и перевернула его не сопротивляющееся тело. Его глаза были закрыты. — Ложись.

Он почувствовал, как она подняла его ноги и поставила их на что-то твердое, а затем под его голову подложила мягкую, податливую подушку. Ее руки порхали по его щекам и лбу, и он почувствовал, как она уходит. Он был рад: даже малейшее отвлечение мешало сосредоточиться.

На мгновение смутное и ускользающее явление прочно застыло в его мысленном взоре: это был Глаз, теперь он не сомневался. Где-то в мире оно было… освобождено. Статуя была с ним в Нью-Йорке; решение взять ее с собой в последнюю минуту было неразумным, но спасибо Сету за предзнаменования, которые заставили его сделать это. Он должен отправиться к ней как можно скорее.

На него расстелили стеганое одеяло, слегка пахнущее чердаками и фургонами для переезда, и его потенциальная медсестра потянулась к его запястью, чтобы измерить пульс.

Хеша отстранил ее.

— Я в порядке.

Он сел, принимая помощь, в которой не нуждался. Внешне он был благодарен, и в полусне придумал правдоподобную ложь, чтобы объяснить свое падение. Его внутреннее “я” было хорошо замаскировано и мучилось вопросами, анализируя краткую вспышку ясности, которой он достиг. Элизабет с сомнением следила за ним, но его шаги были уверенными, а манеры — такими же отточенными, как и до обморока. Он медленно закончил свою оценку и посмотрел на часы.

— Мне действительно пора возвращаться в отель, — сказал он. — Еще раз спасибо, миссис Димитрос.

— Мисс, — сказала она непринужденно. — Но зовите меня Лиз; все так делают.

Он задумчиво смотрел ей в лицо. На мгновение маска была отложена в сторону, и проблема Глаза осталась в стороне. Но оставался еще вопрос здесь без ответа; крошечная загадка очаровала и соблазнила его.

— Не могли бы вы, — начал он, — быть для меня Элизабет? Мне бы не хотелось смешиваться с общим стадом.

Элизабет рассмеялась, и ее деловое лицо полностью исчезло.

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы, — спросил он, — отложить это ожерелье, чтобы я посмотрел на него в следующий раз, когда приду?

— Конечно.

— И не могли бы вы, — сказал он снова, — поужинать со мной в четверг вечером?

— Я совсем не против, — сказала она, удивленно смеясь. И когда он ушел, и за ним закрылась входная дверь, прошло некоторое время, прежде чем она вспомнила, что ведро, тряпка и стол все еще ждут ее.

Черный седан подъехал к Хеше у обочины. Задняя правая дверь автоматически открылась перед ним, и он без колебаний скользнул в элегантный пассажирский салон.

Машина была сделана для него на заказ. Задние стекла и защитная панель были тонированы; если поднять панель и сделать тонировку черной, заднее сиденье было защищено от

полуденного солнца. В машине помещался ноутбук и компактный офис; в ней были телефон, факс, модем и скремблеры для обеспечения безопасности всех видов. По настоянию водителя, машина была пуленепробиваемой — собственные планы Хеши были направлены скорее на избежание перестрелок, чем на защиту от них, но он уважал страхи своего клиента.

— В Гринвич, Томпсон, как можно быстрее.

Хеша снял трубку и набрал номер своего союзника, Вегеля. Младший Сетит был младшим партнером Хеши в поисках Ока. Он будет рад услышать, что Око в пути, и так же, как и Хеша, будет озадачен тем, что кто-то другой добрался до артефакта раньше них... Телефон зазвонил в шестой раз, и Хеша начал беспокоиться... Вегель срочно понадобится в Балтиморе. Хеша был рад, что отправил в Атланту целую команду на это безумие Тореадора; наличие “Сессны” в ожидании... телефон зазвонил в восьмой раз... девятый...

Телефонная компания сообщила ему, что номер сотового телефона, на который он звонил, не отвечает; возможно, абонент находится вдали от своего телефона или вне зоны действия их зоны вызова.

Хеша открыл ноутбук и вывел на экран список номеров. Он ввел один из них в телефон.

Вторник, 22 июня 1999, 12:08 AM
Парковочный гараж, Высокий музей искусств
Атланта, Джорджия

— МакДонаф, — сказал Хеша.

— Сэр! — Слабый намек на благоговение подрезал резкую, профессиональную манеру. Водитель Вегеля и раньше слышал голос шефа, но не часто.

— Номер Вегеля не работает. Найди его. Пусть перезвонит мне.

Макдоноу на мгновение задумался. Он сам попробовал позвонить на линию Вегеля, и когда слащавый голос телефонной компании начал свою речь, прервал соединение и вышел из машины. Он дважды проверил сигнализацию машины и медленно пошел по подземному гаражу к лифту. Глаза других мужчин и женщин были прикованы к нему на протяжении всего пути: охранники, водители, исполнители, игрушки и монстры, ожидающие возвращения своих хозяев с вечеринки наверху. Он обошел стороной плотный комок курильщиков у кабинок на выходе и подошел к лифту. Двери открылись перед крепко сложенным, несимпатичного вида джентльменом в смокинге. Макдоноу держал руки на виду и не опускал их. Его голос был ровным. -У мистера Вегеля важный звонок. Мне нужно с ним поговорить.

— Заходи.

Вдвоем они поднялись на цокольный этаж музея Хай, и Макдоноу встретили еще восемь охранников, все в смокингах. Они напоминали ему подобранные друг к другу ножи: гладкие, красивые, смертоносные.

— Подождите здесь, — сказал лифтер. Через десять минут он вернулся, держа дверь открытой для женщины — женщины

более красивой и более смертоносной, чем любой -нож— в комнате. Ее темные локоны развевались вокруг головы, когда она шла к нему; ее простое белое платье без рукавов рябило и развевалось при каждом шаге. Она улыбнулась ему, и вся комната перестала существовать; она заговорила, и он с трудом вспомнил собственное имя.

— Прошу прощения. Вегель, кажется, покинул мою партию, Мистер...

— Мак... МакДонаф.

— У вас было для него сообщение?

— Звонил господин Рухадзе. Телефон Вегеля не работает. Я подумал...

— Его здесь нет. Позвольте мне ответить на звонок.

И Макдоноу достал из кармана телефон — он был слишком увлечен зелеными глазами, чтобы заметить, как руки охранников автоматически потянулись к пиджакам, — и позвонил в машину в Нью-Йорке.

— Здравствуйте, — сказала она, проходя в угол комнаты. Ее лакеи отошли подальше.

— Кто это? — ровно спросил Хеша.

— Это Виктория. Виктория Эш.

— Мне очень приятно с вами разговаривать, мисс Эш....

— Виктория...

— Чем я обязан этому неожиданному восторгу?

— У меня здесь ваш человек... мистер МакДонаф... который пришел с поручением к вам. Разумеется, мистер МакДонаф не был принят на лестнице... поэтому из вежливости к вам я сам разыскал вашего непутевого друга.

— И?

— Никто не видел Вегеля с полуночи. — Жаль; он был самым очаровательным собеседником. Она сделала паузу. — Могу ли я еще что-нибудь сделать для тебя, Хеша?

— Нет, — сказал он, и в этом ровном слоге было так же мало эмоций, как в ее слове — соблазна. — Спасибо за ваши усилия, Виктория. Если Вегель снова появится...

— Я скажу ему, чтобы он позвонил тебе. У него есть номер?

— Похоже, этот номер есть у многих людей. Спокойной ночи, Виктория.

— Спокойной ночи, Хеша.

Вторник, 22 июня 1999, 12:50 AM
Рядом с площадью Эбингдон, Гринвич-Виллидж, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Хеша сидел, скрестив ноги, без плаща и рубашки, пристально глядя в каменный глаз. В руке он держал шнур полого бронзового амулета. Пока мигающие, переменчивые энергии дергали его разум и мускулы, раскачивающийся грузик прочерчивал узор на лежащей под ним бумаге. С кончика маятника падала струйка тонкоизмельченного жженого порошка. Наконец он оторвался от фокуса и посмотрел вниз на запись своей работы.

От центра расходились пять линий. Одна тонкая и ужасно короткая… возможно, еще один локус в Нью-Йорке. Другая, в трети пути по компасу от первой, была почти такой же маленькой по длине, но порошок там был сложен высоко в гребень, так сильно и часто тянули струну в ту сторону. Такая же тонкая линия, как и первая, тянулась далеко, далеко на запад. Самая длинная и толстая линия уходила от бумаги на восток… ковер портил ее хвост, но она наводила на мысль об Азии.

Последняя линия, четкая и ясная, вела на юго-запад. Позже он тщательно измерит уголь и найдет, где кончается самая длинная линия, если сможет, но он знал с уверенностью, от которой его изящные руки сжались в кулаки, что длина пути на юг составляет примерно тысячу миль и что Око Хазимеля свободно в Атланте.

Он вызвал Томпсона. Говоря как можно спокойнее — бесполезно вкладывать в голову этого человека идеи до того, как появятся факты, — он приказал:

— Томпсон, предоставьте мне отчет от вашей команды в Атланте. Я подозреваю… я хочу знать, где находится Вегель.

Вторник, 22 июня 1999, 12:53 AM
Парковочный гараж, Высокий музей искусств
Атланта, Джорджия

МакДонаф услышал выстрелы раньше, чем увидел что-либо.

Он завел двигатель.

Горстка охранников — курильщиков — бежала от выхода к своим машинам, стреляя в невидимую угрозу, а за ними тянулись темные ленты чего-то. Тех, кто оглядывался, или спотыкался, или искал свои лимузины, убивали первыми — не оружием, а эбеновыми усиками.

Во всех направлениях сработали автомобильные сигнализации. Упыри выходили из машин своих хозяев и наставляли оружие на черную массу, которая бесконтрольно спускалась по пандусу.

Макдоноу наблюдал, как джентльмен в жемчужно-сером костюме повернулся и выбросил в темноту горящий дым. Огонь исчез, и он потерял гренадера из виду. Другие люди-вещи начали появляться из-под покрова движущейся ночи. Вегеля не было...

Водитель выругался, включил передачу и рванул вперед. Он сбил девочку-подростка, чьи руки были лишь костяными лезвиями, и пронесся сквозь перестрелку, не дав ни одной из сторон и глазом моргнуть. Выезд был заблокирован, он знал — он выехал на прямую полосу, ведущую к въезду — там были оранжево-белые ворота, но, ей-богу, лимузин мог проскочить через них... и тут Макдоноу увидел, как к обочине подъехал тяжелый трейлер, полностью перекрыв выезд. Он тащил цементные кольца канализационных труб и груды железной арматуры. Из длинных серых коконов выползали стаи врагов. Уличные фонари позади него исчезли, когда надвинулась тень...

МакДонаф одной рукой достал пистолет, а другой потянулся к телефону. Код экстренной связи: Одна кнопка и команда “Передать” — но он испуганно отшатнулся, зажмурившись, когда монстр — мальчик, худой ребенок в грязной, неумелой одежде — вскочил на капот, стреляя раз за разом в пуленепробиваемое стекло. Оно разлетелось на осколки, а краснощекий ребенок засмеялся, отбросил пистолет и вонзил коготь в трещины.

Лобовое стекло разорвалось, и другая когтистая рука потянулась вниз.

Макдоноу вытащили из машины за волосы. Осколки стекла разорвали его глаза, щеки и руки. Полуослепший, он выпустил полную обойму в бок державшего его зверя. Обезумевший вампир затрясся, как собака, и черная кровь забрызгала бетон вокруг них.

Затем он глубоко вонзил свои клыки в шею смертного, осушил его и завыл.

Внутри останков машины слабый голубой огонек сотового телефона мигал снова и снова: “ОТПРАВИТЬ?”

Вторник, 22 июня 1999, 2:36 AM
Рядом с площадью Эбингдон, Гринвич-Виллидж, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Око снова закрылось, и следы оборвались. Как ни удивился Хеша, узнав, что оно открыто и находится в чужом владении, он был вдвойне разочарован внезапной тишиной. Откинув голову на высокую спинку кресла, он слушал, как Томпсон вызывает одного человека за другим. Ни водителя, ни агента из отеля, ни пилотов, ожидающих у самолета. Он позвонил в полицию округа Фултон и сообщил об угоне лимузина, на что ему ответили, что и так хватает чрезвычайных происшествий — или он не смотрел сводки новостей? Перезвоните завтра.

Томпсон положил телефон в последний раз.

— Ничего, сэр. Я думаю... я думаю, они мертвы. Его голос надломился. Рональд Томпсон выбрал команду, которая сопровождала Вегеля в Атланту. Они были его собственными агентами, а некоторые даже друзьями.

— Мы не будем делать поспешных выводов, Томпсон. Никто не нажимал на тревожную кнопку?

— Нет, сэр.

— Тогда будем надеяться, что они где-то провалились под землю. Нажатием клавиши он вывел страницу новостей на экран приборной панели.

— Завтра они могут успеть сообщить нам, — сказал он. — Возможно, они уже на пути к выходу. Хеша терпеливо позволил Томпсону остаться в комнате, давая старому полицейскому время и... общение.

Смертным понадобится день или два, чтобы привыкнуть к смертям. В сознании Хеши Вегель и его команда были уже шестью трупами, которые нужно было списать и заменить как можно скорее.

Среда, 23 июня 1999, 2:24 AM
Рядом с площадью Эбингдон, Гринвич-Виллидж, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Хеша включил ноутбук и зашел на новостной сайт. В Атланте, судя по всему, произошел теракт.

Исторический Чарльстон был охвачен пламенем поджога. Вспышки в Саванне связывали с организацией ополченцев, отрицали мэры и полицейские управления, связывали с инцидентами в Атланте, изолировали от инцидентов в Атланте — знакомая картина: -Маскарад. К завтрашнему утру официальные отчеты осядут в истории человечества. Ему придется искать правду (или то, что выдавалось за правду среди каинитов) по -виноградной лозе— или вообще не искать.

— Мы выходим, Томпсон. Когда ты будешь готов.

— Балтимор, сэр? — с надеждой спросил водитель.

— Пока нет.

Око могло быть где угодно, и даже большие возможности, доступные Хеше в его собственном убежище, не помогли бы найти его. Однако два коротких следа были совсем рядом. Где-то в Нью-Йорке был ключ к Хазимелю, и Хеша намеревался найти его.

— У меня есть вопросы к нескольким друзьям. Оружие и полный пиджак, Томпсон, на всякий случай. И позвони в Асп. У наших дверей почти наверняка будут нищие; я хочу, чтобы для них нашлось место. Пусть он присоединится к нам завтра.

Среда, 23 июня 1999 года, 7:30 вечера
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

— Мисс Димитрос? — раздался жалобный голос Агнес Резерфорд.

Элизабет закрыла лежащий перед ней потрескивающий ежедневник, аккуратно убрала его в футляр и предстала перед дверью переплетной мастерской. -Да, мисс Резерфорд?

-Я сейчас уезжаю в Лондон. Вызовите машину. Элизабет повиновалась и, подняв глаза от телефона, увидела, что ее работодатель все еще стоит в дверях.

— Звонила секретарша господина Рухадзе и попросила вас остаться, чтобы показать ему ожерелье Тота. — Элизабет кивнула в знак согласия, и Агнес продолжила. — Обычно я не оставляла бы вас одну наедине с одним из наших самых ценных клиентов, но в данном случае он, похоже, готов довольствоваться помощником. Пожалуйста, помните о наших стандартах, мисс Димитрос. Ваши манеры и поведение не всегда соответствуют нашим пожеланиям, — сказала она, оглядывая молодую женщину с ног до головы, словно статую сомнительного происхождения, — хотя я признаю, что вы лучше, чем большинство американцев, которых я нанимала в прошлом. И не снимайте эту одежду, мисс Димитрос...

Элизабет покраснела, глаза расширились от возмущения.

— Я просмотрел вчерашние записи с камер наблюдения и советую вам не бегать сегодня вечером в засаленной футболке и рваных полуботинках. Это Резерфорд Хаус, а не барахолка.

— Да, мэм. — Лиз расправила плечи под своим темным шелковым платьем и попыталась вспомнить, были ли ее простые кожаные туфли начищены на этой неделе или на

прошлой. — Сегодня я принесла на работу халат, мисс Резерфорд.

— Убедитесь, что на вас его нет, когда вы открываете дверь, мисс Димитрос.

— Да, мэм.

Элизабет проводила своего работодателя до двери на улицу, пожелала старой леди вежливо и подобострастно спокойной ночи и безопасного полета и включила за ней сигнализацию.

Аккуратно, в тонких хлопчатобумажных перчатках, она взяла ошейник с витрины и поднесла его к просмотровому столу. С осторожностью она задрапировала и приколола его на бархатную модель женской шеи и плеч и отступила назад, чтобы убедиться, что застежка упала правильно, во впадину горла. Из папок наверху она принесла документы о происхождении изделия — фотографии места, где оно было найдено ожерелье, копии отчетов о его находке, продаже, банкротствах и наследствах, последнем аукционе, в результате которого оно попало к Резерфордам, и положила на стол рядом с сокровищем фирменную папку Дома с кремовым пергаментом и золотым тиснением. На стул покупателя она положила лупу ювелира, штангенциркуль, авторучку и блокнот с кремово-золотыми канцелярскими принадлежностями для заметок. Подготовившись, она выключила свет и проскользнула обратно в рабочий кабинет. Она надела халат и с улыбкой, как дома, принялась за работу на своем столе.

— Добрый вечер, господин Рухадзе. Пожалуйста, проходите.

— Называйте меня Хеша?

— Как вам будет угодно. — Элизабет закрыла дверь и повернулась к свому клиенту. — Мисс Агнес просила передать вам, как она сожалеет, что не может сама удовлетворить ваши

потребности. Она сделала паузу. — Если вы последуете за мной…

Полтора часа спустя претензии Резерфорд Хауса на ожерелье оказались — насколько можно было судить с помощью лупы, света и письма — подлинными. Согласованная сумма была ниже первой, названной Элизабет, выше первой, предложенной Хешей, и значительно выше той, которой мисс Агнес обрадовалась бы лично.

Наконец-то они перешли к дружеской беседе. Взаимное смущение, возникшее во время их последней встречи, прошло. Появилась уверенность, что предстоящая ночь будет, по крайней мере, интеллектуально интересной, и они обнаружили немало общих вкусов.

— Итак, Элизабет. Откуда вы все это узнали?

— О. Все началось со степени бакалавра по истории искусств, которая, как обещал мне отец, ни к чему не приведет. После того как я окончил университет, мне показалось, что он был прав, поэтому я повесил первый диплом на стену и пошел за другим.

— На этот раз что-то практичное?

— Это должна была быть магистратура.

— Но это было не так?

— Моя магистерская диссертация называлась “Распространение из Месопотамии ключевых мотивов в керамике неолита”. — Она слабо улыбнулась. — Уолл-стрит не проявила никакого интереса. У моего отца был припадок.

Они некоторое время смотрели друг на друга через стол.

— Хотите кофе? — спросила она.

— Никогда так поздно, спасибо. Я бы не спал всю ночь. Но пусть это тебя не останавливает.

— Через некоторое время. Он мне понадобится, чтобы доехать до дома. — Она наклонила голову и ответила на охлаждающий вопрос: — Как ты всему этому научился, Хеша?

— Я просто вырос с этим. В моей семье была довольно… эклектичная коллекция североафриканских предметов обихода, начиная с пятнадцатого века. Не спрашивайте меня, как дедушка нашел все это. — Он задумался на мгновение. — Как продвигается работа над вашим столом?

— Прекрасно, — ответила она, слегка удивленная. — Очень хорошо, на самом деле. Я как раз собирала его обратно, когда вы пришли.

— Могу я посмотреть?

Элизабет моргнула и улыбнулась.

— Конечно.

Стол стоял великолепно, снова целый и отполированный — там, где полировка могла помочь его покрытой шрамами поверхности — до блеска. Она убрала последние инструменты и полировальные машины вместе с халатом и смотрела, как ее собеседник подходит к зданию. Хеша Рухадзе провел тремя пальцами по правой боковой панели. Он встал на колени, чтобы увидеть свет на краю зерна. Он провел большим пальцем по изогнутому блюдцу выдвижного ящика и, наконец, провел темными ладонями по гладкой поверхности отреставрированной столешницы.

Элизабет вдруг поняла, что хмурится; ей не понравилось, как его глаза блуждают по дереву. Почти враждебно она спросила:

— Почему вас так интересует мой стол?

Это был первый раз, когда она использовала слово “мой” вслух в отношении этого владения; это была защита, и она поняла это, как только произнесла его.

— Нет. — Он отстранился. — Мне интересно, почему тебя это так волнует. — Хеша прислонился к стене и изобразил очаровательную улыбку. — Почему стол — это он, а не она, Элизабет?

Она выдохнула, не столько как вздох, сколько как отчаяние. Напряжение перешло с ее шеи на плечи. Смирившись, она подошла к углу кабинета и указательными пальцами обеих рук провела по текстуре старой вишни.

— Слейпнир, позволь представить тебе господина Хешу Рухадзе. Хеша — Слейпнир. — Она произвела шуточное представление и сделала паузу.

— Слейпнир, — с сардонизмом сказал ее слушатель.

— У этого стола, Хеша, восемь ножек. Смотри сюда, — она указала на ножки, изначально вырезанные в виде ваз на пьедесталах, — восемь копыт, обломанных стульями на стальных колесах и сбитых его подручными. Кто-то когда-то заботился о нем должным образом. Вы можете видеть разницу между отделкой у центрального ящика и отделкой дальше — там была промокашка, чтобы защитить его шкуру; вы все еще можете определить ее размеры, нащупав их.

— Но был один правша, который небрежно пил кофе. Была машинистка, которая любила, чтобы ее машинка была обращена в ту же сторону, что и остальная часть стола, и которая не удосужилась отремонтировать корпус своей пишущей машинки. Сотни чернильных строк были вытатуированы возвратом каретки. Здесь и здесь, и здесь... — она ударила костяшками пальцев по темным, яйцевидным ожогам на лаке, — он видел огонь; в его компании были сигареты, оставленные по неосторожности умирать.

— Вандалы пронзили его стрелами — одному Богу известно, зачем они хотели забить в беднягу гвозди и шурупы, но дыры свидетельствуют об этом. Есть красная краска, которая пятнает его, как кровь, и есть белая, которая покрывает его, как пена. Он лишен части самого себя; его ящики были прожаты до самых костей и готовы были рухнуть внутри него. Его резали и жгли, но он упорствует. Он видел битвы и пронес писателя через них; он, вероятно, пережил больше предприятий, чем переживет его.

— Он — боевой конь, восьмикопытный. Слейпнир.

Она вызывающе закончила, стоя между рабочим светом и старым письменным столом. Ее карие глаза пылали ясным золотым огнем, а профиль был острым, как луна.

Хеша Рухадзе стоял, глядя на нее, и ничего не говорил. Око было в его мыслях, и смерть Вегела и его свиты, и воспоминание о дневном кошмаре: Тот с женщиной рядом, которую он вспоминал потом, как луну в Инундации. Он ждал, проверяя мгновения, прежде чем она заговорит, или сломается, или двинется, но молчание не было хорошим оружием против нее.

— Ты овладела искусством скальда, когда изучала норманнов, — сказал он.

Элизабет изучала его лицо. Он казался серьезным.

— Спасибо, — серьезно сказала она.

— Нет, — медленно начал он, — спасибо. И, пожалуйста, извините за вторжение в вашу личную жизнь. Я… почувствовал здесь тайну, а моя особая страсть — это… детективная работа. Вы простите меня?

Она неопределенно махнула рукой.

— За то, что я был невероятно глуп и мелодраматичен из-за стола с печатной машинкой? Конечно.

Но он видел, что это все еще беспокоит ее, и тщательно обдумывал, что сказать смертной дальше. Если он отнесется к этому легкомысленно, обида укоренится, и полезный инструмент, возможно, будет потерян. Если же он отнесется к этому слишком серьезно, она снова заподозрит насмешку и обидится. Хеша сделал три размеренных шага, чтобы сократить расстояние между ними, и заглянул в карие глаза полуосвещенной женщины.

— Все равно. Это было вторжение, и я сожалею. — Он сделал паузу, словно размышляя о презрительных губах, склоненных к его собственным. — Куда дальше пойдет Слейпнир, Элизабет? — спросил Хеша, отводя взгляд и возвращаясь к деловому голосу.

— Мой дом.

— Хорошо. — Он направился к входу в магазин и придержал для нее дверь в выставочный зал. — Вы сказали на днях, что никто больше не пользуется пишущими машинками. Должен признаться, что я все еще пользуюсь старой машинкой, время от времени. Я почти износила вопросительный знак; я постараюсь, — сказал он, обращаясь к ней через стол, на котором лежал воротничок, — не утомлять вас вопросами завтра. Его черные глаза с легкой морщинкой на веках выражали беспокойство. — Если вы еще свободны? Она слабо улыбнулась и кивнула. — Встретимся в пятом доме Чарльза в семь?

Она улыбнулась шире и ответила:

— Я приду.

Хеша устроился на заднем сиденье своей машины. Он положил футляр с драгоценностями и прилагавшуюся к нему папку в потайной сейф. Его водитель молча ждал.

— Томпсон. У меня еще одно дело в Квинсе.

Черная машина перестала работать на холостом ходу, вливаясь в поток машин, как акула в школу мелких рыб, и начала прокладывать путь на юг от Манхэттена. -Вы высадите меня у дома, — и он назвал адрес. -Отнесите ожерелье в наш собственный дом здесь. Пусть Алекс отвезет груз в Балтимор сегодня вечером.

— Да, сэр.

— Позвоните в агентство. Используйте одно из корпоративных имен; начните проверку биографии Элизабет Димитрос, средний инициал “А”, проживающей в Нью-Йорке или его окрестностях, в настоящее время работающей в антикварной компании — Резерфорд Хаус. Позже я отправлю записку Джанет с некоторыми деталями, которые я хотел бы выяснить.

— Да, сэр.

— Вернитесь в Браунстоун к трем часам. Я не думаю, что вам придется ждать очень долго.

Четверг, 24 июня 1999, 10:17 AM
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Эми Резерфорд вошла в переплетную мастерскую, держа в одной руке кружку кофе, а в другой — чек на египетский ошейник.

— Лиззи?!

— Да, миссис Резерфорд? — спросила Элизабет, оторвавшись от своей шелковой работы над дневником.

Ее начальница вздрогнула, едва не расплескав утреннюю чашку по платью.

— Тетя Агнес за океаном, и она тоже. Еще раз назовешь меня по имени моей свекрови, и я вымажу тебя в смоле и перьях. О, Господи. Ты этого не слышала. Ты понимаешь, что я живу в страхе, что ты найдешь работу где-нибудь, где семья Резерфорд не требует королевского обращения от своих чертовых сотрудников? Где, черт возьми, я был? Чек. Воротничок! Лиз? Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

Элизабет подняла голову в шоке.

— Разве цена не была достаточно высокой?

— Цена? Вы понимаете, что привезли его на четверть процента дороже, чем мы когда-либо получали от Рухадзе? — Она покачала головой. — Вам придется научить меня технике продаж.

Элизабет на мгновение уставилась на дневник.

— Я играла по правилам, Эми. Я клянусь. Я следовала инструкциям мисс Агнес до буквы.

— Значит, для тебя они работали лучше, чем для тети Агнес.

— Я просто... просмотрела происхождение и рассказал о мастерстве.

— Он тебя расспрашивал?

— Да, — сказала она категорично. — Это была нелегкая продажа, Эми. Я чувствовала себя так, будто снова защищаю диссертацию перед советом. — Она откинулась в кресле. — А потом мы заговорили о моем столе...

— Это напомнило мне, дорогая, что Антонио и ребята сегодня делают доставку в твою часть леса. Все готово к отправке?

— Все в порядке. Твердый как камень. — Элизабет сделала пометку на блокноте рядом с телефоном переплетной. — Я позвоню управляющему, чтобы он их впустил. Они могут забрать картины, пока они там; три картины у двери почищены и снова уложены в ящики.

— Замечательно. Стол. Рухадзе интересовался партой?

— Вроде того. — Элизабет прижала пальцы к вискам. — Эми, что ты знаешь об этом парне?

— Что?

— Я ужинаю с ним сегодня вечером.

Эми Резерфорд остановилась с кружкой у рта. Более слабая женщина, женщина, не имеющая Резерфордов в качестве родственников, могла бы поперхнуться или разбрызгать воду.

— Вы намеренно ждали, пока у меня во рту окажется горячий кофе. О— на постучала своими ухоженными руками по

подлокотникам кресла. — Вы имеете в виду ужин как свидание?

— Я не уверена. Думаю, да.

— О, Господи. Ты понимаешь — нет, конечно, не понимаешь. Смотрите. У нас на счету пять клиентов, ради которых мы готовы на все. Тетя Агнес и моя милая, милая свекровь перевернулись и притворились мертвыми для этих людей. Один из них — королевская семья, три — корпорации, и один — Хеша Рухадзе. Он безумно богат, невероятно хорошо связан, особенно для... ну, не хочу показаться предвзятым, но для черного человека... и знает о настоящих древностях больше, чем... чем мама. Я думаю, он сделал свои деньги в этом бизнесе.

Элизабет кивнула.

— Но я хочу узнать о нем, а не о его кредитном рейтинге, Эми.

— Предполагается, что он своего рода затворник. По крайней мере, он не бросается в глаза. Сейчас так много "знаменитостей", хватающих заголовки газет, что даже наследники Форда не могут попасть в новости без ограбления. — Она вскинула руки вверх. — Он вежлив. Он очарователен. Я не думаю, что он женат.

— Это всегда приятно знать.

— Да. — Эми покачала головой, глядя на свою сотрудницу. Она всегда считала Лиз простушкой, по сравнению с той модной продукцией, которую Нью-Йорк выпускал тысячами и называл красивой. Книжная и умная, быстро обучающаяся, с холодной головой — то ли вопреки, то ли благодаря своему причудливому воображению — но такие вещи редко приводили к приглашениям на ужин от миллионеров. — Расскажи мне обо всем, дорогая. О, Господи. Что ты собираешься надеть?

Четверг, 24 июня 1999, 6:58 PM
Charles's Fifth Avenue, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Такси с грохотом остановилось у навеса “Пятого Чарльза”, и швейцар ловко шагнул вперед, чтобы обслужить пассажира. Молодая женщина в длинном вечернем платье из атласа серебристо-пурпурного цвета деликатно вышла на тротуар. Она наклонилась к окну, чтобы передать записку водителю. Солнце, превращавшее нью-йоркский смог в нечто похожее на охристый туман, высветило несколько медных прядей в ее волосах и сделало ее светлый загар темно-умбровым. Такси отъехало.

Когда перед ней открылись стеклянные двери, Элизабет в последний раз осмотрела себя. Эми пыталась затащить ее в какой-то нелепый бутик от кутюр, но Лиз не желала заходить в то, что не может называться магазином или лавкой и подразумевать это. Серое платье вполне сойдет, и хотя Эми наконец признала это, она сообщила младшей женщине, что дальнейшие свидания с Рухадзе будут означать, что Лиз наконец понадобится больше одного “настоящего” платья.

Элизабет вошла в салон и после минутного колебания подошла к мужчине на подиуме в конце комнаты. Он уловил нерешительность и начал раньше нее:

— Мисс Димитрос? Секретарь господина Рухадзе позвонил, господин Рухадзе немного задержится. Он просил меня лично позаботиться о том, чтобы вам было удобно.

Он провел ее через переполненный ресторан к нише с маленьким, покрытым льняной скатертью столиком и двумя стульями с роскошной обивкой. С его стороны появился официант с подносом; на подносе стоял стакан с водой и маленький телефон.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, мисс Димитрос? — спросил патриархальный метрдотель, когда его прислуга поставила воду и телефон на ее место. — Наша карта вин…

— Нет, спасибо. Воды будет достаточно, пока я жду.

В 8:19 зазвонил телефон, и Элизабет на мгновение посмотрела на него, словно забыла, для чего нужны телефоны. Она проглотила последнюю порцию содовой и подняла крошечную трубку.

— Алло? — спросила она у аппарата.

— Элизабет? Это Хеша. Мне ужасно жаль. Я на деловой встрече. Мои адвокаты только что получили приказ и ожидают, что я останусь и завершу с ними сделку. Я бы ушел сейчас, просто чтобы ошеломить их, но мне придется только Завтра утром я снова увижу этих шутов, если увижу. Боюсь, я пробуду еще как минимум час.

— О. Ну, тогда, может быть, в другой раз.

— Нет. Вы, наверное, проголодались. Пожалуйста, идите и ужинайте. Я рекомендую бургиньон; это фирменное блюдо ресторана. Наслаждайтесь им и пожалейте меня с моим картонным китайским блюдом. — Его голос упал на ноту. — Я не буду тебя жалеть, Элизабет. Обещаю.

— Удачи в сделке.

— Спасибо. Скоро увидимся.

— Пока.

Четверг, 24 июня 1999, 8:23 PM
Рядом с площадью Эбингдон, Гринвич-Виллидж, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

— Да, Томпсон?

— Вас вызывает Джанет, сэр. Из агентства пришел отчет по мисс Димитрос, — сказал Томпсон, когда машина выехала из гаража на улицу. Одним глазом он следил за движением впереди, другим — за мигающей лампочкой на консоли.

— Пропустите ее.

— Добрый вечер, сэр. Вы хотите получить основные моменты, или мне отправить их вам по факсу?

— Оба, пожалуйста. Продолжайте.

— Полное имя — Элизабет Ариадна Димитрос. Родилась 28 сентября 1970 года в семье Кристофера и Мелиссы Димитрос. Одна родная сестра; старший брат — Пол Теодор Димитрос. Семья в основном греческая; дети Димитросов — третье или четвертое поколение в Америке, в зависимости от того, с какой стороны считать. Димитрос — это англизированная версия — Димитроулеас. Я избавлю вас от остальной части генеалогии.

— Спасибо.

— Биографическая справка прилагается к факсу; в основном, она искусствовед с практическими навыками музейного реставратора — несколько лет подряд она работала стажером в Метрополитен-музее — и особыми интересами в области антропологии, семиотики, символизма и еще полдюжины других вещей. Ее магистерская диссертация и профессиональные публикации также прилагаются к отчету. Она почти защитила докторскую диссертацию; ее

диссертационное предложение не было доступно для копирования во время расследования. Она проработала в компании Rutherford четыре года в качестве продавца-консультанта, реставратора произведений искусства, оценщика и покупателя. Старшее поколение Резерфордов, похоже, считает, что она все еще проходит обучение; молодые партнеры считают ее равным сотрудником — или настолько близким, насколько это возможно для постороннего человека. В агентстве не стали копать слишком глубоко; я представил работу как полную проверку потенциального сотрудника, нынешние работодатели не должны быть предупреждены. Надеюсь, все в порядке?

— Хорошо.

— Сейчас: Было несколько… подколов.

— Зингерс, Джанет?

— У нее нет постоянного места жительства. Ее почта идет прямо в Резерфорд Хаус. Срок действия ее водительских прав истек два года назад; адрес, указанный в них, сейчас занимает джазовый музыкант с тремя кошками и проблемы с алкоголем. Ее паспорт был выдан примерно в то же время, поэтому агентство ожидает, что он будет таким же устаревшим.

— Второе: в вашей записке упоминается недовольство ее отца выбором профессии? Приготовьтесь. У него действительно был приступ. Кристофер Димитрос умер от инсульта через два месяца после того, как Элизабет получила степень магистра. Его жена обвинила в его смерти дочь и почти сразу после похорон переехала жить в Калифорнию к семье сына. Пол Димитрос поддерживает связь со своей сестрой, но остальные родственники не хотят с ней общаться — даже те, кто все еще живет в Нью-Йорке и Джерси.

— Понятно. — Хеша вытянул ноги и с расчетом посмотрел на говорящего. — Другие отношения?

Джанет прочистила горло, и ее работодатель мысленно увидел точное выражение неодобрения на лице женщины. Джанет Линдберг была эффективным секретарем и образцом благоразумия, но она была уже старше среднего возраста и принадлежала к тому поколению, которое просто не обсуждало такие вещи по телефону.

— Она ни с кем не встречается в данный момент, сэр.

— Продолжайте.

— Три серьезных бойфренда; краткие описания… романов… включены в досье. Последняя связь оборвалась два с половиной года назад; агентство предполагает связь между смертью ее отца и изменением привычек.

— Спасибо, Джанет. — Хеша задумчиво постукивал ногтями по подлокотнику. — Похвалите агентство за их скорость и тщательность; лазерное письмо на канцелярском бланке компании, но с личной подписью президента-марионетки. И убедитесь, что их расследование на этом прекращено; я хочу, чтобы ее файлы и все печатные копии были изъяты из их офисов.

— Будет сделано. — Она сделала паузу. Перед тем, как связь оборвалась, он услышал, как она пробормотала: — И приятного свидания, сэр.

Четверг, 24 июня 1999, 9:57 PM
Пятый Чарльз, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

— Добрый вечер, Элизабет. — Его голос отчетливо доносился сквозь изысканный шум ресторана — глубокий, как река, и ближе, чем биение ее сердца.

— Добрый вечер, Хеша. — Она с грустью улыбнулась хозяину. — Не хочешь присоединиться ко мне? Они как раз принесли десерт.

Он сел на другой стул и махнул рукой рою официантов.

— Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо.

Воцарилось неловкое молчание, нарушенное появлением метрдотеля, который сам нес поднос с возмущенной шоколадкой и чашкой горячего чая для дамы и маленькой, дымящейся серебряной рюмкой ликера для своего покровителя.

— Ужин был замечательным, — заметила Элизабет, когда свита удалилась.

— Я рад это слышать. Жаль, что я не могу быть здесь. Тебе не было слишком скучно?

— Нет. Это было весело, в некотором смысле. — Он поднял бровь, и она продолжила. — Леди, сидящая одна в таком месте, привлекает... внимание. У меня было четыре попытки спасения от сочувствующих джентльменов, потрясенных тем, что я оказалась на мели. Одна семейная вечеринка пыталась усыновить одинокую простушку. Официанты продолжали танцевать — это был новый опыт для меня. И полдюжины туристов решили, что из-за обращения со знаменитостями я —

кто-то, кого они должны узнать. Они продолжали посылать людей мимо стола, чтобы получше рассмотреть.

Хеша негромко хихикнул. Он отпил из серебряного кубка и смотрел, как она вонзает вилку в шоколадное лакомство.

— О. Это фантастика. — Элизабет закрыла глаза и откусила еще кусочек. Она протянула чистую чайную ложку своей спутнице, указав на десертную тарелку. — Хотите немного?

— Спасибо, но кофеин...

— Даже в шоколаде? Как ужасно для тебя. Я пыталась отказаться от него однажды, — она отрезала кусочки теста, — но решила, что кататься на скакалке менее болезненно, чем пропускать десерт.

Хеша наблюдал, как она заканчивает. Она расслабилась с чашкой чая в глубине удобного кресла и, казалось, готова была сидеть тихо, если бы он об этом заботился. Он молча выпил чашку чая, а когда она закончила, поднялся, предложил ей свою руку. Она знала, как ходить в сопровождении, и они степенно проследовали через Пятый дом Чарльза к выходу. Низкий черный седан подъехал к обочине через несколько секунд после появления Хеши на тротуаре, и он улыбнулся женщине, стоявшей рядом с ним.

— Могу я предложить вам подвезти?

Она прикусила губу, сомневаясь.

— Я не хочу сбивать вас с пути. Мой дом находится не совсем на проторенной дорожке.

— Пожалуйста, — сказал Хеша, держа дверь машины открытой для нее, — садитесь. Мы отвезем вас домой.

Жар июньского воздуха был достаточен, чтобы немного согреть его пальцы, и поэтому он поддерживал ее плечо, когда она вжалась в пышную обивку. Томпсон подошел к седану со стороны хозяина, и Хеша присоединился к своей гостье на заднем сиденье. Элизабет назвала свой адрес, и машина тронулась с места.

Хеша взглянул на водителя и нажал на кнопку. Темное стекло плавно скользнуло вверх, обеспечивая им уединение, и он посмотрел на свою спутницу как бы рассеянно, прежде чем заговорить.

— Это был не совсем тот вечер, который я планировал, Элизабет, — сказал он мягко, доверительно — хотя на самом деле, конечно, так оно и было. Он приехал, как только позволило летнее солнце, и почти не спешил к ней.

Она посмотрела на него и слегка покачала головой.

— Что ты имел в виду, когда спрашивал меня?

— В понедельник? Компенсация за первую помощь. Вы пытались оказать мне услугу. Я не люблю быть в долгу, особенно перед незнакомцами. — Его глаза скользнули по ее лицу. — После прошлой ночи я с нетерпением ждал этого опыта. Вы довольно необычный человек.

Элизабет пропустила это высказывание мимо ушей, хотя тон его голоса предполагал глубокий комплимент. Она почувствовала, как на ее плечах появился румянец, и надеялась, что в темноте машины это не будет заметно.

— Я также планировал показать вам одну свою маленькую тайну, — сказал он. Она слегка нахмурилась, не понимая, и он продолжил. — Я работаю над одним произведением; это маленькая статуэтка, которая попала ко мне в руки без какой-либо истории или предыстории. Сейчас я имею

некоторое представление о том, где она могла быть вырезана, но я подумал, не расскажете ли вы мне что-нибудь о ней.

— Я сомневаюсь, что есть что-то, что я могу увидеть, а вы нет. — Элизабет колебалась. — Эми сказала мне, что вы что-то вроде эксперта по древностям.

Хеша сделал неопределенный, скромный жест.

— Это был действительно “Слейпнир”, который убедил меня, что у тебя может быть озарение. Возможно, вы посчитали это глупостью, но я был... впечатлен. То, что вы сделали, было глубоким криминалистическим исследованием обычного печатного стола..... На самом деле, смысл был в том, чтобы посвятить вас в манящую загадку, которая, как мне кажется, может вам понравиться.

— Звучит заманчиво. К какому периоду относится это произведение?

— Это было бы показательно, не так ли?

— У меня нет подсказок?

— У меня его нет с собой, — объяснил он с легким разочарованием. — Адвокаты заняли слишком много времени.

— О.

— Я не думаю... У меня завтра еще больше дел, и официальный ужин... Не будет ли слишком сложно попросить вас встретиться со мной где-нибудь около десяти или одиннадцати или около того? Я возьму с собой статую, и мы сможем поговорить без всех этих официантов, туристов и галантных гостей, пытающихся спасти вас.

— Никаких проблем. — Элизабет сглотнула нахлынувшую надежду и, чтобы подкрепить свое мужество, использовала

некоторые из своих деловых манер. — Но на этот раз, — сказала она, решительно повернувшись к нему лицом, — хозяином буду я. Я не могу сказать, что моя квартира такая же хорошая, как у Чарльза, но она тихая и уютная, и, похоже, мне понадобится весь мой арсенал книг экспертов, чтобы справиться с вашей загадкой.

— И если тебя снова свяжут адвокаты, — злобно закончила она, — я, по крайней мере, смогу сделать кое-какую работу, пока буду ждать тебя.

И Хеша, у которого были слои тонких намеков, готовых убедить ее привести его в свой дом, позволил себя переспорить и покорно согласился с ее предложением.

— Томпсон? Вы слышали номер и указания к ее двери? Организуйте обыск квартиры. Максимальная осторожность; никаких следов, которые могли бы ее беспокоить. Я буду очень признателен, если вы сами позаботитесь об этом. Томпсон не сводил глаз с дороги, но его внимание колебалось.

— Да, сэр, — сказал он, но в его ответе было меньше привычной четкости. — Могу я кое-что сказать, сэр?

— Если бы я не ценил ваше мнение, Томпсон, я бы дал это понять в самом начале нашего общения.

— Вы знаете, что я никогда не встану у вас на пути, сэр, но… она кажется милой девушкой.

— Я уверен, что это так, Томпсон. — Хеша на мгновение задумался над тоном заявления своего помощника и осторожно продолжил. — Вегель и все, что с ним было, мертвы, Томпсон. Вы ищете замену его команде — водителя, самолет, пилота и экипаж. Мне нужен историк искусства… а также замена для других возможностей Вегеля.

— Какие еще способности… сэр?

— Я еще не уверен, Томпсон. У нее есть слабые стороны; при правильных обстоятельствах их можно было бы сделать... сильными сторонами, которыми наша организация сейчас не обладает. Но она должна знать о наших реальных делах не больше, чем Алекс, или агентство, или Паттерсон. — Некоторое время они ехали в тишине, и хозяин снова заговорил, умозрительно. — Если уж на то пошло, Томпсон, вы могли бы подумать, не хотите ли вы сами заменить Вегеля в этом качестве. Томпсон ничего не сказал. Подумайте об этом хорошенько, конечно. Вы достаточно долго проработали со мной, чтобы знать, что это вряд ли можно назвать благословением; и вы воочию видели, что это может сделать с другими. Конечно, вам пришлось бы изменить характер своей деятельности, и я знаю, что вам нравится ваша работа во главе группы безопасности. Но подумайте и дайте мне знать, хотите ли вы этого и когда.

— Спасибо, сэр.

— И скоро, Томпсон. Помните о том, что произошло в Атланте. Мы переживаем опасные времена, и “живое завещание” может быть хорошей идеей.

Пятница, 25 июня 1999, 11:12 PM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Черный седан плавно остановился у входа в старый склад. Уличные фонари горели редко, движение было неинтенсивным, и хотя в зданиях по обеим сторонам улицы светилось несколько окон, помещения были стерильными. Флуоресцентные лампы с синим оттенком горели поздно и холодно для уборщиков и ночных охранников; настольные лампы согревали небольшие участки сверхурочной работы для корпоративных рабов.

Из тени пожарной лестницы вышла высокая, широкая, обрюзгшая фигура в свободном плаще. Он подошел к правой задней двери автомобиля, подождал, пока замки щелкнут, и, не говоря ни слова, забрался внутрь. Замки защелкнулись, и напряжение покинуло его помятое, красное лицо.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Томпсон. Он кивнул в знак признательности человеку за рулем и добавил: — Как дела, Асп?

— Лучше не бывает, Рон, — сказал водитель.

— Докладывайте, Томпсон.

Рональд Томпсон достал из кармана плаща небольшой перекидной блокнот. Это была привычка, оставшаяся со времен его работы в полиции; воспоминания о том, каким должен быть идеальный полицейский. Более молодой Рон Томпсон обнаружил, что в этом мире реальность не так идеальна, и ушел с грязной работы в поисках чего-то... более чистого. Теперь он сидел на заднем сиденье машины монстра и не чувствовал угрызений совести, когда на глазах у хозяина разгромил дом молодой женщины.

— Вот планировка. Дверь, небольшой шкаф и гардеробная. Открытая кухня; стойка и табуреты здесь — но не похоже,

чтобы она часто устраивала развлечения. Библиотека начинается здесь; за книжными полками железная откатная дверь, вероятно, времен склада, поэтому она хранит свои книги над ней. Библиотека переходит в кабинет, который переходит в гостиную — здесь повсюду книги. Эта зона приподнята на ступеньку и полна всякого рода вещей — антиквариата, я имею в виду, сэр. Ее мастерская, я полагаю. Ванная комната отгорожена стеной. Спальня отгорожена занавеской. — Он остановился и многозначительно сказал: — Вся эта внешняя стена — окна, сэр.

С переднего сиденья донеслось хихиканье.

— Думаю, вы не останетесь на ночь, босс.

Томпсон бросил презрительный взгляд в зеркало заднего вида. Хеша полностью проигнорировал Аспа, и детектив продолжил:

— Проверка оружия: Обычный ассортимент кухонных ножей. Дальнейшая коллекция маленьких клинков и шил в мастерской. Много маленьких, тяжелых гранат. Настоящего оружия нет; есть кремневый замок в мастерской рядом с ксерокопированной статьей о стабилизации древесины, найденной в торфяной почве. Неоперативное.

— Там, — вздохнул он, — чертовски много баллончиков и легковоспламеняющихся веществ. Но она не курит; нигде нет зажигалок. Электрическая плита. Спички, свечи и тому подобные вещи на книжной полке в кабинете, но их немного. Пожар не должен стать проблемой.

— Я выяснил, почему у нее нет адреса; она сдает в субаренду чердак из Резерфорд Хаус. Документы на это место были немного запутанными. Я сделала фото для Джанет, на случай, если вам будет интересно.

— Спасибо, Томпсон.

Хеша щелкнул защелками, и все трое, как один, вышли из машины. Томпсон следил за улицей; Асп достал из багажника бутылку, пакет и плащ; Хеша принял вещи и повернулся, чтобы войти в старое здание.

— Ваше время временно принадлежит вам. Я рассчитываю пробыть здесь не менее двух часов, но менее пяти. Я буду звонить. Если зазвонит ваш телефон, Асп, вы оба должны немедленно вернуться, ожидая неприятностей. Если зазвонит ваш, Томпсон, то сразу же берите трубку.

Томпсон взял ключи и водительское сиденье, Асп — пассажирское. Ни один из них не застал себя врасплох, пока не прозвучал зуммер интеркома, маленькая дверь на склад не открылась, и стальные засовы надежно защелкнулись за своим хозяином.

Хеша медленно шел по тускло освещенному коридору. Его шаги замедлялись у каждой двери, и он читал названия, наклеенные, приклеенные или нарисованные на них: Kelvin Photographic; Herlin, Inc.; Malay Imports; ряд из десяти дверей с названием знакомой ему юридической фирмы и надписью “Хранилища документов”, 7— A-C, D-G и так далее.

Он поднимался по лестницам и делал повороты; он проходил мимо остального алфавита юридической фирмы. В конце голого металлического подиума он подошел к ее двери. Выцветшее объявление на стене рядом с ней сообщало ему, что эти помещения принадлежат Резерфорд Хаус, и давало номер телефона, по которому следует звонить в случае чрезвычайной ситуации или несчастного случая. Изнутри не было видно ни света, ни звука. Он проверил воздух, прежде чем постучать — ржавчина, скипидар, старая краска и грязь окружали его, но сквозь щели вокруг косяка он смог уловить запах дыма. Это были хорошие сандал и ладан, сложные и недешевые.

Он постучал в дверь одной костяшкой пальца.

С другой стороны был свет — теплый и расслабляющий свет — и звук — слабые звуки чего-то кельтского — и Элизабет, ожидающая его в темно-синем джинсовом платье и с нервной улыбкой.

Она взяла вино с благодарностью и восклицаниями по поводу урожая; по его указанию она поставила его на стойку, чтобы оно подышало и успокоилось. Она предложила ему выпить или что-нибудь поесть; он вежливо отказался и перешел в комнату, которую Томпсон называл гостиной. Он накинул плащ в стратегически выгодном месте — в центре лофта, до которого легко добраться с дивана или из мастерской, но в стороне от дороги — на старый офисный стул из орехового дерева и положил пакет на его сиденье. Он внимательно огляделся по сторонам, чтобы проверить отчет своего помощника, составить собственное представление об опасностях и выходах, а также полюбоваться.

Окна, которые беспокоили Томпсона днем, были скрыты ночью; те же шторы от пола до потолка, которые закрывали ее спальню, скатывались с балок и не пропускали мрачный город. Хеша похвалил квартиру и нашел возможность попросить экскурсию.

— Нет, подожди. — Хеша засмеялся и покрутил пальцем по часовой стрелке. — У тебя все перевернуто. Теперь только задом наперед. Вот так.

Элизабет поставила пакет на то место, которое казалось ей основанием, и разрезала упаковочную ленту лезвием бритвы. Она счистила бумагу и пузырчатую пленку, как слои лука, и получила в награду бесформенную, громоздкую загадку, по-прежнему обтянутую черным бархатом.

— Закрой глаза, — сказал Хеша и снял саван со своего приза. — Хорошо, открой их.

Он был чернильно-синим, красным и черным. Его рост составлял около шестнадцати дюймов, и он мог бы быть и больше, если бы за эти годы сохранил все свои конечности, оружие и атрибуты. Оно было свирепым, казалось, что оно корчится в гневе, и с чудовищной гримасой бросало вызов тем, кто смотрел на него.

Элизабет уставилась на него, и Хеша наблюдал, как менялось ее лицо по мере того, как она вникала в детали. Сначала она откровенно оценивала необычное, как эксперт. Уголки ее рта подергивались, когда ее взгляд скользил по гротескам. Она протянула руку вперед, чтобы потрогать обломанный кончик одного из сломанный топор, и ее брови нахмурились в сомнении. Вдруг ее рука метнулась в сторону верстака. В глаза Хеше ударила галогенная лампа, и он вздрогнул.

— Извините, — рассеянно сказала историк. Она развернула лампу и прикрепленную к ней увеличительную линзу на место над необработанным краем. Сетит моргнул от ярости — свет ужалил его, и он потерял из виду ее лицо в красной миазме, которая висела перед его глазами.

Ее голос пронесся сквозь огненную пустоту:

— Это вопрос с подвохом?

Он оставил ее там и прошел на кухню. Микроволновая печь мигнула 12:01, когда он проходил мимо нее.

— Нет. Ты думала о подлоге?

— Я хотела исключить такую возможность. — Элизабет взяла блокнот и начала делать пометки. — Особенно после того, как вы так эффектно разложили загадку. Один из моих профессоров пробовал это на мне. Поспорил со мной на обед. Я заставила его заплатить за стейк и коктейли.

Хеша просматривал шкафы.

— Молодец.

Это потрясающая раскраска. Она нахмурилась, глядя на увеличенный топор и руку в объективе.

— Сначала я подумала, что это художественное стекло. Резчик был настоящим мастером.

— И почему ты так говоришь?

— Помимо того, что физическая поверхность изделия изысканна? Винные бокалы находятся под островом. Боюсь, довольно пыльные. Это из-за красного. Посмотрите, где он решил оставить красный цвет... это похоже на оптическую иллюзию. Если смотреть снизу, то фигура — это воин, возвышающийся над зрителем. Он вернулся домой с поля боя весь в крови от оружия, рук и зубов. Если смотреть сверху — это демон, восстающий из адского пламени. Его руки и доспехи трепещут от пламени, но бой еще не начался. Это завораживает. А там, где черное — самое синее, там он создал металлические атрибуты. Я не могу понять, как... — Хеша вымыл стаканы и налил на двоих. — Каковы правила, профессор Рухадзе?

— Правила? — Он поставил перед ней вино и прижал к губам свой бокал. — Для загадки... просто скажи мне, что ты видишь. Делайте утверждения, и я скажу вам, знаю ли я, что они истинны или ложны. Подумай о вопросах, которые я уже изучил, и я скажу тебе ответы. Подумайте о вопросах, которые я не рассматривал... и вы получите пятерку за курс.

— Он высечен из цельного куска камня, за исключением этого... — и она указала на белый единственный оставшийся глаз существа. Она начала с трего; два пустых гнезда под ним свидетельствовали о существовании их прежних обитателей.

— Да. — Хеша втащил в мастерскую мягкое кресло.

— Камень — халцедон. Точнее, агат, который ювелиры называют “пламя апачей”.

— Да.

Она отпила вина и резко сказала:

— Это не современный артефакт.

— Почему вы уверены?

— Потому что, — начала она и решительно продолжила. Он согласился с ее доводами, и игра продолжалась несколько часов.

— О, черт. — Элизабет взяла голову в руки и покачала ею.

— Что случилось?

— У меня была теория, — стонала она, позволяя ему наполнить ее бокал. — У меня была совершенно прекрасная теория. А потом я пошла и сделала гипсовые слепки розеток. И моя теория разрушилась. Я не эксперт, Хеша. Я не могу поместить эту чертову штуку в цивилизацию, не говоря уже о времени или месте.

Он положил руку ей на плечи и придвинул свой стул ближе.

— Что случилось со слепками?

— Посмотрите на это, — сказала она. — Я использовала полимерную шпатлевку — достаточно стабильную, чтобы придать форму отверстиям, и достаточно гибкую, чтобы выскочить из гнезд, не повредив вашего друга. И мне это не понадобилось. — Она протянула ему половину замазанного глазного яблока. В качестве ручки в него был вкручен маленький пластмассовый штифт. — Смотри сюда.

Большим и указательным пальцами она выкрутила оставшийся гипс из его посадочного места.

— И я готова поспорить на что угодно, — сказала она, осторожно прикоснувшись к третьей розетке, — что последняя — да. Она протянула ему маленький бледный камень — белый единственный сохранившийся глаз демона. В центре было отверстие для радужной оболочки, которая осталась в голове статуи.

— Белые — ввинчиваются в гнезда. У этих двух отломаны обрубки радужек. Вы можете видеть “негативы” на слепках. Основания были черными; я полагаю, что “белые” были красными. Твой — глаз духа; белый с красной радужкой.

Она положила голову на верстак, подложив под нее левую руку, и подняла глаза на непонятного мародера.

— Найдите мне околоиндийскую цивилизацию со структурой верований, чтобы дать этому существу три глаза и четыре руки, с военным искусством, чтобы дать ему в руки оружие такого типа, с механическими знаниями о том, как использовать даже примитивные винтовые резьбы, подобные этим, в качестве крепежа, и с инструментами, чтобы обрабатывать сердолик, как этот, — и я скажу вам, откуда он взялся. Мне очень жаль, Хеша. Я даже не могу придумать, из каких затерянных цивилизаций мог быть этот бедный дьявол. Неужели тот человечек, который продал его тебе, прилетел с космического корабля?

Хеша выключил горящую лампу.

— Нет.

Он откинул ее волосы с лица и поднял ее на ноги.

— А вы не делали ему углеродную датировку? В его гриве и хвосте застряла черная грязь.

— Ты не поверишь мне, если я расскажу, что случилось, когда я попытался.

— Безрезультатно? — сонно пробормотала она.

— Что-то вроде этого.

Элизабет, спотыкаясь, спустилась по ступенькам в гостиную. Она сильно прислонилась к миндалевидной колонне в центре квартиры и начала падать. Он поймал ее, обнял и отнес за занавески в ее комнату. По дороге она попыталась заговорить, и он закрыл ей рот поцелуем. Она ответила на поцелуй с каким-то сонным удивлением, и тогда он положил ее на кровать.

Он снял с нее сандалии и развязал поясок темно-синего платья. Она не издавала никаких звуков: час и крепкое вино с наркотическим запахом одолели ее. Хеша опустил взгляд на притихшее тело и пристально изучил его. После минутного раздумья он снова приподнял ее, свернул одеяло и накрыл ее им. Удовлетворенный произведенным эффектом, он снял туфли и бесшумно прошелся по квартире.

Он взял шпатлевку и сделал слепки глазниц демона для себя. Он завернул статую в бархат, пластик и бумагу и поставил пакет у двери.

Он подошел к ее столу — современному творению из ДСП и ламината, а не тяжелому антикварному, который стоял пустым в студийной зоне, — и просмотрел ее бумаги. Он просмотрел ее диссертационные заметки, записную книжку, ее финансы. Он нашел коробку со старыми письмами и с интересом прочитал открытки с соболезнованиями по поводу смерти ее отца; ядовитые слова матери Элизабет; дружескую переписку брата Пола и его жены и кивал, когда тон становился все более резким и натянутым со временем. Были и любовные письма; из них он тоже почерпнул все, что мог.

Маленькие серебряные часы на столе сообщили ему о солнце, и он собрал бутылку и стаканы. Он сполоснул их в раковине от остатков вина и наркотиков. Он достал из кармана фляжку и вылил то немногое вино, которое ему пришлось притвориться, что он пьет сам.

В шкафах он нашел маленький синий стакан для сока, в ящике — резинку, ручку и обрывки бумаги, а в стойке на двери кладовки — полиэтиленовую пленку. Он размял указательный палец левой руки. Спрятанный там коготь выдвинулся вперед в чешуйчатых ножнах, и с его помощью он вскрыл самую верхнюю вену на правом запястье. Из пореза медленно потекла красно-черная жижа. Хеша выдавил кровь вперед, и тонкая струйка быстро заполнила маленький стаканчик. Рана закрылась.

Он оторвал лист пластика и накрыл сквозняк. Мелким-мелким почерком он написал на клочке бумаги “Лекарство от похмелья” и прикрепил его резинкой к стакану. Он положил кровь на верхнюю полку холодильника.

Из своего плаща он достал блокнот. На исписанной странице он написал записку. Закончив, он принес ее в спальню и прислонил к зеркалу. Элизабет лежала неподвижно, точно в той позе, в которой он ее оставил.

Хеша сидел на краю низкого матраса. Он взял ее пальцы в свои и наблюдал за ее лицом, чтобы убедиться, что она ничего не знает. Он поднес ее руку к губам и прикусил.

Он пил из нее довольно медленно. Он охотился раньше, чтобы утолить голод, но так было лучше. Ее кровь мягко вливалась в него, и тепло было сладким. Он закрыл глаза и позволил себе насладиться вкусом. Это было удивительно… разница во вкусе между смертными… что кровь не должна портиться…

Зверь слегка зашевелился, любопытно сильный. У Хеши была долгая практика борьбы с ним, и он был хорошо накормлен — он боролся с ним. Оно извивалось и поворачивалось к нему; на мгновение неожиданность позволила провести вторую дуэль — редкость для сетита. Он знал, что слишком многого ожидает от перемирия, но десятилетия дисциплинированного ухода и бдительности дали ему немного слабины. Хеша отбил его снова.

Нехотя он взял вите Элизабет между зубами и зализал крошечные ранки.

Что-то легкое коснулось его щеки, и он открыл глаза — это была ее вторая рука, которая тянулась к нему, чтобы погладить его. Он опустил ее запястье, пораженный, и уставился на нее, пока она двигалась — и продолжала двигаться, несмотря на вино и наркотик, усталость, и Поцелуй. Она спала; она не могла быть в сознании. Он расслабился, когда она начала поворачиваться. Она двигалась только во сне, но повернулась в единственном луче света, проникавшем сквозь занавески, и ее шея обнажилась и побледнела на фоне темных волос.

Зверь потянулся и зарычал, а Хеша стал искать в темноте свои ботинки.

Он схватил шинель и статуэтку, захлопнул за собой дверь и побежал по коридору, набирая номер телефона.

— Томпсон.

— Сэр.

— Балтимор.

— Да, сэр.

Суббота, 26 июня 1999, 1:16 PM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Элизабет проснулась от неуютного тепла одежды в постели. Ворча, она сбросила одеяло и села. Во рту был ужасный привкус, волосы свисали на глаза, платье задралось, а лифчик врезался в ребра. Она опустила обе ноги на пол, встала и направилась в душ, по пути стряхивая с себя платье и все остальное.

Через тридцать минут она снова высунула голову из ванной — осторожно. Ей пришло в голову, что она не помнит, как закончился вечер. Квартира казалась пустой, звучала пустотой… Она подкралась к краю штор и выглянула наружу. Никаких следов Хеши, с облегчением увидела она. Она влезла в старую, удобную футболку и свитшот и достала резинку для волос из кучи на комоде. Записка лежала рядом с ними.

Дорогая Элизабет.

Доброе утро — надеюсь, вы хорошо спали. Вино оказалось более крепким, чем ожидалось. Я принесла вас сюда — надеюсь, вы не возражаете — вы выглядели довольно помятой в гостиной. Боюсь, утром вы тоже будете чувствовать себя помятым. Секретное средство от похмелья моего отца ждет вас в холодильнике. Что бы вы ни делали, не пейте его. На вкус оно хуже, чем на запах.

Спасибо за "консультацию" по статуе. Вы получили пятерку, а с меня ужин со стейком и коктейли, если хотите. Не знаю, сколько еще пробуду в городе, но 202-555-7831 в конце концов догонит меня, куда бы я ни пошел.

Надеюсь увидеть вас снова в ближайшее время.

— Хеша

Элизабет прикрепила записку магнитом к дверце морозильника. Она сложила на поднос завтрак с похмелья, добавила синий стакан с соком и разложила все по комнате. Широкая спина Слейпнира отняла у нее завтрак.

Она рассеянно съела кекс и начала задергивать длинные шторы до потолка. Ее отражение смотрело на нее, более бледное и фейеричное, чем в зеркале. Она распахнула окна, и изображение отхлынуло в сторону, криво осуждая ее за лень. Элизабет повернулась на вентиляторы, опустилась на табурет в мастерской и обратилась к своему заданию на день — американской колониальной картине, которая, к сожалению, была несколько раз покрыта лаком для собственной защиты.

Большую часть второй половины дня, выбирая очередной растворитель, она проходила мимо скамейки, где лежали гипсовые слепки, и на обратном пути взяла их с собой. Она уставилась на маленькие глазки и попыталась вспомнить, где она раньше видела подобные. Она оставила мольберт и стала искать на столе в своем кабинете. Теперь она была уверена, что это была статья из журнала — что-то, о чем ей напомнила статуя, — но не могла вспомнить ни номер, ни даже год, когда она ее прочитала. Она вспомнила о месте на полках в спальне, где хранилась пачка старых ксерокопий. Она полетела к ним и провела полчаса, перебирая полки, журнальную стойку, прикроватный столик.

— Черт.

И тут она увидела его — всего лишь уголок, торчащий из стопки журналов — кадетско-синюю бумажную обложку Археологического дайджеста Южной Калифорнии. Элизабет прыгнула на диван, разбросала стопку и схватила журнал.

Статья, озаглавленная Дальнейшие заметки о могильнике Сур-Амех, была дальнейшей, потому что раскопки были прерваны из-за пограничных войн и санкций на поездки в страну, претендовавшую на участок пустыни, который занимал

старый некрополь, и потому что исследуемая могила находилась в стороне от основного кладбища. Элизабет посмотрела на атлас и даты, указанные для исследования — автор должен был вернуться к своим раскопкам под угрозой огня, если он работал там и тогда, где утверждал.

Здесь были фотографии могилы и диаграммы в трех ракурсах с указанием местонахождения каждого обнаруженного артефакта. Два предмета заслуживали собственных диаграмм: прекрасный, не разрушенный образец керамики, характерной для того времени и региона, и сердоликовая бусина, которую труп носил на ремешке на шее.

Элизабет просмотрела описание маленькой жемчужины, сделанное писателем, и подошла к верстаку. Она измерила замазанные слепки с помощью штангенциркуля, нитки и линейки. Левый глаз идеально подходил. Она усмехнулась, оперлась локтем на верстак и удовлетворенно прикусила большой палец.

Перевернув серо-голубой журнал на обложку и страницу с содержанием, она нашла имя автора: доктор Джордан Кеттридж, профессор археологии, Калифорнийский университет, Беркли.

Конечно. Кеттридж был из тех людей, которые предпочитают копать во время войны, а не мира; она слышала о его подвигах в Ираке. Она слышала жалобы и от своих профессоров и сотрудников музея. Кеттридж не специализировался должным образом. Кеттридж не оставался с экспедицией, не так, как работают настоящие археологи. Кеттридж врывался в дом после того, как кто-то другой в течение десяти лет тщательно проводил пробные траншеи и стратификационные ямы, чтобы установить культуру, диету, хронологию и все, что было важно, получал разрешение на исследование фундамента какого-нибудь фермерского флигеля и тут же натыкался на личные покои верховного жреца. Кто-то говорил, что это удача,

кто-то — что инстинкт, но все соглашались, что это чертовски раздражает.

Элизабет нашла в сети сайт UC-Berkeley, просмотрела электронную почту факультета, адресованную Кеттриджу, и отправила запрос.

Уважаемый профессор Кеттридж,

Недавно мне довелось ознакомиться с вашей статьей о Сур-Амехе в SCAD за осень 96 года. Меня особенно заинтересовал рисунок полос, обнаруженных на сердоликовой бусине из могилы d-24. Действительно ли они, как показано на диаграмме на странице 138, закручиваются против часовой стрелки по отношению к более плоской стороне бусины?

Если да, то я полагаю, что у меня есть клиент, заинтересованный в приобретении этого артефакта. В статье не говорится, что этот предмет является частью музейной коллекции Беркли; я предполагаю, что, будучи незначительным предметом по сравнению с керамикой, найденной во время экспедиции, он перешел в частную коллекцию. Не могли бы вы сообщить мне об окончательном местонахождении бусины? Спасибо за уделенное время.

Искренне,

Элизабет А. Димитрос

Сотрудник, Rutherford House Antiques

Покончив с этим, она взяла телефон на кухне и набрала номер Хеши из записки, которую он оставил.

— Алло? — Это был аппарат; в конце концов он подал звуковой сигнал. — Хеша, это Элизабет. Сегодня субботний вечер. Спасибо, что довез меня до кровати. В любом случае. Я

нашла в одном из своих дневников кое-что о вашей статуе, кажется. Позвони мне, когда сможешь. Береги себя. Пока.

Она положила трубку и начала рыться в шкафах в поисках ужина, убирая по ходу дела остатки завтрака.

Забытое содержимое маленького стакана с соком вылилось в раковину.

Суббота, 26 июня 1999, 9:14 PM
Ферма Лорел Ридж
Около Колумбии, штат Мэриленд

Хеша проснулся от темноты и тишины могилы. С него слетела усталость, и он почувствовал, как последний свет дня покидает землю. Он подумал, изменился ли лик солнца за века, прошедшие с тех пор, как на него было наложено проклятие. Ему было интересно, бежал ли Сет от славы Ра, путешествуя по подземному миру, или мертвый бог был вынужден из-за проклятия каждую ночь нападать на баржу его деда, или Сет спал, как спал сам Хеша, и боролся с проклятием в стране живых.

Хеша, дитя в седьмой степени от Сета, сына Геба, сына Ра, зашевелился в своих покоях, и светильники, скрытые в потолке, тускло засветились при его первом движении. Они отбрасывали глубокую тень на резные стены; мелкий рельеф выступал вперед, как круглая скульптура. Фермеры, рыбаки, охотники, ремесленники, писцы, жрецы, вельможи и царские особы выполняли на фризах свои повседневные дела. Под сводом неба они отмечали часы ритуала, работы, молитвы и удовольствия. Это были копии самых прекрасных произведений искусства Египта, слитые в единый шедевр руками современников. Хеша провел черными от ночи пальцами по гладкому камню и проследил очертания картуша на стене справа от него: веревка, связанная в петлю более тонкими шнурами, заполненная знаками имени Сета и простым титулом: Владыка северного неба.

Потомок Сета встал и прошелся по стенам, любуясь работой. Он коснулся собственного картуша над перемычкой одной из дверей и пошел дальше. В кривом углу неровной пещеры он подошел к единственному незавершенному участку работы. Зубило, молоток, кисть и уголь аккуратно лежали в ящике у основания камня. Он взял уголь и начертил на сером камне последний картуш. Внутри овала он начертал рогатую гадюку,

открытый шатер, стервятника, человека и ах-ВГХ-Вегель, художника. Его работа была закончена. Хеша отколол камень от знака и снова положил инструменты на землю. Незаконченное панно останется таким навсегда.

— Томпсон, — сказал Хеша в темноте.

Заработал маленький динамик среди лампочек.

— Вы звонили, сэр?

— Конференция. Полчаса. Вы и Асп лично. Пусть Джанет и доктор свяжутся по защищенным линиям. — Хеша слегка надавил на папирус, вырезанный в скале, и открылась дверь в более обыденные апартаменты. Он вернулся чистым и одетым в простой халат, галлахбейя его родного города.

Северная Африка. Амулеты, скрытые западной одеждой, свободно раскачивались на шнурах на его шее и талии.

Томпсон ждал его. Дверь в верхние помещения дома распахнулась, и Асп прошел в комнату. Хеша сидел у подножия каменной скамьи, на которой он провел весь день.

— Джанет? Доктор? Вы с нами? — спросил Хеша.

— Да, сэр.

— Я здесь, Хеша.

— Тогда начнем. Отчеты. Томпсон?

— Тела команды Вегеля все учтены, сэр. В настоящее время ведутся работы по транспортировке, и мы приготовили похоронные принадлежности для их семей. Я бы хотел, чтобы завтра и понедельник были свободны для посещения служб. — Хеша одобрительно кивнул. — От машины мало что осталось, но полиция Атланты вчера опознала ее как разбитую,

оставленную в Кэббагтауне рано утром во вторник. По их мнению, ее угнали, чтобы покататься, а затем намеренно разбили.

— Наверное, правда, — сказал Хеша, — насколько это возможно. Асп?

Шестеро из Семьи прибыли в таунхаус в поисках убежища — один из округа Колумбия, по двое из Чарльстона, Ричмонда и Атланты, все по отдельности, все чертовски спешат. Я нашел им место для ночлега тут и там и посадил их на полевой паек, согласно вашему приказу. Я дал им ваш номер телефона; звонков было много, но пока что они лежат тихо, как хорошие мальчики и девочки.

— Это не продлится долго.

— Боюсь, ты прав, Хеша, — сказала доктор Оксенти из своего кабинета. — Больницы округа Колумбия и Красный Крест были на нашей стороне за редкие типы до беспорядков, а теперь у нас не хватает всего. Плазма полностью очищена, цельная кровь в дефиците.

— Понятно. Хеша положил руки на камень под собой. -Будет еще хуже, — начал он. — К этому времени вы все уже поняли, что эти беспорядки — дело Семьи. Моя ветвь нейтральна, но это ничего не изменит ни для одной из фракций. Мы поддерживаем обе стороны против середины, и они воспользуются любой возможностью, чтобы использовать нас, заманить нас в ловушку, чтобы заключить с нами союз, который мы не можем себе позволить, или растерзать нас в общей бойне.

— Вашингтон, округ Колумбия, сейчас находится под атакой. — Он поехал дальше, не обращая внимания на выражения лиц перед ним и на вздох Джанет, прозвучавший через динамики. — Предположим, исходя из хода войны на данный момент, что

Балтимор — это не только цель, но и следующая цель в очереди на север по Восточному побережью.

— Наш открытый бизнес и городской дом почти наверняка будут разграблены или взорваны. Начинайте потихоньку вывозить самые ценные и портативные вещи. Подделывайте покупки, устраивайте кражи, отправляйте вещи на переработку, делайте небольшие отгрузки, но не допускайте, чтобы было слишком заметно, что мы уходим. Складируйте товары в глубине страны — думаю, лучше всего в Аппалачах.

— Я хочу, чтобы персонал покидал здания задолго до заката каждый день до дальнейшего уведомления. Если к осени у нас не будет больше информации, мы будем продолжать работать в более поздние утренние часы, так как день становится короче.

— Джанет, ты выходишь из центра города. Выбирай любые файлы и оборудование, которые хочешь взять с собой, но поторопись. Завтра на рассвете переезжаешь в новые покои. Асп, ты перевезешь ее сам. Мы выберем безопасную зону после этой встречи, и это место не выходит за пределы нас троих.

— Доктор?

— Все еще здесь, сэр.

— Можете ли вы оставить свои исследования в это время?

— Нет. — Хеша услышал, как длинные наманикюренные ногти Ясмин Оксенти постукивают по телефонной трубке, а затем: — Неделя. Мне нужна неделя, по крайней мере.

— Мы постараемся дать вам неделю. После этого я хочу, чтобы вы взяли отпуск. Джанет, закажи для доктора билет на Аляску, через неделю.

— Аляска?!

— Солнце там не заходит. Я бы послал вас всех, если бы мог обойтись без вашей помощи, но банки крови — особые мишени, а вы особенно устойчивы к усилиям людей Томпсона защитить вас.

— Но...

— Тем временем, закажите обычные поставки на следующий месяц. Пусть ваш второй командир координирует экстренную раздачу крови с Красным Крестом. Начните с наших собственных открытых офисов. И переведите свой персонал на дневной режим работы, как и другие предприятия.

— Как, черт возьми, я собираюсь рационализировать это?

— Убедительно, — нахмурился Хеша, — если вы хотите спасти их жизни. Если враг захватит клинику, пока там находится персонал, наши люди будут уничтожены. Понятно?

Возникла пауза.

— Да, сэр.

— И все вы: Сведите общение между филиалами организации к минимуму. Закройте все каналы, какие сможете. Я хочу, чтобы наши владения были максимально скрыты от посторонних глаз. Я хочу, чтобы вы четверо как можно меньше разговаривали друг с другом. Томпсон проинструктировал вас всех о процедурах на случай чрезвычайной ситуации; начинайте их использовать.

— Есть вопросы? — Наступила тишина. — Дальнейшие дела?

— Да, сэр. — Томпсон взбежал по лестнице и вернулся обратно, держа на подносе несколько свертков в пластиковой упаковке. Он надел перчатки, чтобы справиться с ними. — Семейные письма для вас и несколько других, которые миссис Линдберг предчувствовала.

— На вашей личной линии тоже есть сообщения, — сказала Джанет. — И я показываю звонок с номера мисс Димитрос.

Асп хмыкнул.

Понедельник, 28 июня 1999 г., 9:15 AM
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Элизабет вошла в дом через вход в переулке и обнаружила Эми Резерфорд, ожидавшую ее на лестнице. В руках у нее было две чашки кофе и очень мало терпения.

— Доброе утро, мисс Голайтли. Вот ваш кофе. — Эми подождала, пока молодая женщина сделает хороший глоток горячего черного напитка, а затем изобразила кошачье-канареечную улыбку. — Расскажи маме обо всем этом.

— О чем? — Элизабет проскользнула мимо, крепко держа под мышкой хорошо завернутый пакет. Она помахала пакетом своему боссу. — Это?

Эми побежала за ней и ловким движением ноги открыла дверь в кабинет.

— Ах ты, негодница. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. О свидании.

Лиз села.

— В четверг вечером все прошло не очень хорошо. У него заранее была деловая встреча, она затянулась, и он опоздал на три часа. — Она пожала плечами. — А вот ужин прошел хорошо. Он и его шофер отвезли меня домой, и он спросил, могу ли я встретиться с ним на следующий вечер. Так что он пришел в пятницу после ужина, и мы поговорили об антиквариате и прочем.

У Эми открылся рот.

— И?

— Что ты имеешь в виду под

— И?

— Боже правый, Лиз. Ты хоть понимаешь, что ты заставила огненные гирлянды звучать более захватывающе? Ты продаешь дешевый римский браслет одной из сестер Миллер, и это все романтика и история о том, как стекло переходило из рук в руки по шелковому пути, и о свадьбе, на которую оно было куплено, и о... ну, ты продолжаешь и продолжаешь, ты знаешь, что продолжаешь, и это продает вещь. Здесь у вас не один, а два вечера с одним из самых интересных мужчин, которых я когда-либо встречала, и все, что вы можете сказать об этом, это: Он опоздал. Ужин был хорошим. Мы поехали домой. Он зашел к нам. Мы поговорили. Она проговорила эти фразы вместе, насмехаясь.

— Ты знаешь, что я сделала в пятницу?

— Ты присутствовала на распродаже недвижимости в Массачусетсе. — Элизабет встала и начала спускаться по ковровой лестнице на выставочный этаж. — Как все прошло для нас?

— Я... ну, все прошло отлично. Четыре хороших филадельфийских шкафа, почти полный набор фарфора Spode, и, черт возьми, ты сменил тему. Я всю пятницу гадала, что с тобой случилось в четверг вечером.

— Это было мило с вашей стороны, но он был настоящим джентльменом. Привез меня домой целой и невредимой и с незапятнанной добродетелью.

— Лиз..., — серьезно начала Эми и посмотрела на нее. Восьмидневные часы на стене рядом с ними пробили полчаса, побуждая ее к движению. — О, Господи. Ты понимаешь, что мы открываемся через тридцать минут? Поторопись. Тотиросы забрали флористику, но они также вычистили весь, который

был у нас в салоне. Мы должны провести реорганизацию до 10... Позови Антонио и мальчиков, чтобы они помогли нам с тяжелыми вещами, хорошо, Лиз?

Через пятнадцать минут парадная комната была достаточно готова, чтобы начать день. Обе женщины поднялись наверх, чтобы смахнуть пыль со своих платьев и жакетов, расчесать развевающиеся волосы Эми и привести себя, как выразилась бы мисс Агнес, -в приличный вид. Они улучили момент, чтобы выпить кофе и посплетничать, пока не зазвонил телефон. Эми потянулась к нему одной рукой, но не сводила глаз с Лиз.

— Придержи эту мысль, дорогая.

— Rutherford House Antiques, — ответила она мучительно воспитанным тоном. — Чем я могу быть вам полезна сегодня? Да. Да. — Ее брови взметнулись в сторону Элизабет, и она пробормотала — спрашиваю для вас. Она сейчас здесь, со мной, собственно говоря. Не хотите ли вы поговорить с ней? Наступила пауза. — Примерно через пять минут. Наш рабочий день начинается в десять, мистер... Да, это та самая улица. В трех кварталах от... точно. Ну, тогда до встречи, сэр.

— Еще один джентльмен звонит тебе, Лиззи. — Эми пожала плечами и отмахнулась от вопросов Лиз. — Он не оставил своего имени. Не назвал свой бизнес. Она посмотрела на свои наручные часы. — Пора отпираться.

Элегантные двери из дымчатого стекла и хромированной стали открылись для первого клиента за день. Эми Резерфорд ненавязчиво прошла вперед, не мешая мужчине и не подавая вида, что пренебрегает его вниманием, если ему нужна помощь.

Его взгляд скользнул по ней, но он ничего не сказал. Он начал обходить комнату, молча осматривая ее. Время от времени он поглядывал на двух женщин, но его внимание, казалось, было поглощено древностями. Его волосы были седеющими пепельно-русыми, а лицо — темным, что наводило

на мысль о слоях честного загара, а не о походах в солярий. На нем была помятая рубашка цвета хаки со слишком большим количеством карманов и синие джинсы, которые, похоже, давно познакомились с понятием поношенные, и оно им понравилось. Ни одна из женщин не осуждала его за одежду; достаточно высокопоставленных лиц гордились поношенной повседневной одеждой, чтобы он мог быть кем угодно.

— Миссис Димитрос? — начал он, наконец, обращаясь к Эми. Вблизи его осанка казалась моложе, чем можно было предположить по седым волосам. На его лице было множество морщин, но под ними скрывалось лицо молодого человека. Ему могло быть тридцать пять, подумала она… или пятьдесят пять.

— Миссис Резерфорд — я Эми Резерфорд. Ее глаза сузились, когда она сверила его голос с воспоминаниями.

— Доброе утро, мэм. Меня зовут Джордан Кеттридж.

— Лиззи… — Эми тоном своего голоса потянула Элизабет через всю комнату. Она обратилась к Кеттридж: — Вы звонили нам полчаса назад?

— Да, мэм.

— Джордан Кеттридж, Элизабет, — информативно сказала Эми. Лиз кивнула и протянула руку для пожатия.

— Доброе утро, профессор Кеттридж. Я… вряд ли ожидал увидеть вас здесь, в Нью-Йорке.

— Вы Элизабет Димитрос? — Он пристально посмотрел на нее и отпустил ее руку на мгновение позже, чем это было удобно или вежливо, склонив голову на одну сторону, изучая ее. — Вы не похожи на писателя.

Элизабет ничего не сказала, но ее взгляд был таким же откровенным и открытым, как взгляд незнакомца — тупым и

подозрительным. Эми перевела взгляд с одного на другого и решила держаться поблизости.

— Что ж, мисс Димитрос. — Бусина в моей статье действительно имеет полосы, идущие против часовой стрелки по отношению к более плоской стороне. Его глаза были серо-зелеными и пронзительными, и они встретились с ее глазами. — Хотя, глядя на диаграмму в SCAD, — резко сказал он и бросил эти слова как вызов, — я бы подумал, что невозможно определить это по углу, под которым она была нарисована.

— Тем не менее, — ровно сказала молодая женщина, — я рада слышать, что дизайн, по крайней мере, соответствует бусине, которую я ищу. Не могли бы вы сказать мне, доктор, у кого в настоящее время находится эта бусина?

— Артефакт находится в моей частной коллекции, мисс Димитрос. Кеттридж говорил с необъяснимым акцентом — его тон больше подходил бы для угрозы смерти.

Элизабет не скрывала своего шока, и была рада видеть, что Эми надела свою лучшую маску делового выражения Резерфорда.

— Понятно, — сказала Лиз, хотя была почти уверена, что это не так. — И вы готовы продать?

— Это полностью зависит от обстоятельств, мисс Димитрос. — Кеттридж задумчиво потер подбородок. — Кто покупатель?

— Резерфорд Хаус, — сказала Элизабет, чертовски надеясь, что лицо Эми не выдаст удивления и не выдаст ее ложь.

Кеттридж хихикнул.

— Простите. Я ни на минуту не верю, что вы выбираете антиквариат из археологических журналов наугад — кто вас надоумил на это?

Эми вмешалась.

— Доктор Кеттридж, — медленно сказала она, — когда мы представляем клиента, у нас нет привычки сообщать его имя любому, кто об этом попросит. Конфиденциальность — вот наше главное слово. И когда покупатель специально просит нас не разглашать его личность, мы считаем делом чести уважать его желание.

Он сказал:

— Честь, да? — и улыбнулся. Морщины легко обхватили его рот и глаза; морщины появились там, когда он улыбался. Элизабет оживилась и села на край центрального стола. — По крайней мере, сейчас слишком рано обсуждать условия, доктор Кеттридж. Мы понятия не имеем, является ли ваша находка тем предметом, который нужен нашему клиенту — нам нужно увидеть вашу бусину, чтобы убедиться в этом, и сопоставить данные на ней с данными на искомом предмете. После этого мы свяжемся с нашим клиентом. Возможно, я полагаю, что он или она захочет сделать исключение из своего конфиденциального статуса в этот раз, в качестве уступки вам.

— И сколько данных у вас есть, мисс Димитрос, об искомом “предмете”? — вклинилась Эми. — Продается ли бусина, доктор Кеттридж?

Он посмотрел на двух женщин — Эми Резерфорд, одетую в серо-железное, со сложенными руками и высоко поднятым подбородком, Элизабет Димитрос, сидящую на краю стола, шикарную и подтянутую в бордовом, которая небрежно следила за ним глазами, — и направился к двери, не поворачиваясь спиной ни к одной из них.

— Я подумаю об этом, — сказал профессор и ушел.

Элизабет вздохнула, и из ее осанки исчезла часть позвоночника. Позади себя она услышала, как Эми подошла к смотровому столику, взяла свою чашку с кофе и допила его.

— Хорошо, — сказала Эми Резерфорд. — Что, черт возьми, это было?

— Я не знаю.

— Расскажи мне еще одну, Лиззи.

— Я расскажу тебе всю эту чертову историю. Если для тебя в ней будет больше смысла, чем для меня, я, наверное, умру от апоплексии. Послушай, — сказала она, и рассказала своему боссу историю о головоломке, которую Хеша принес с собой. Она достала слепки и дневник из сумки, которую взяла с собой, и рассказ закончился тем, что Эми, надев лупу ювелира, внимательно рассматривала крошечные кусочки шпаклевки, как будто это были драгоценности Руритании.

— Я просто не вижу этого, — сказала она, меняя лупу на бифокальные очки.

— Хорошо. Я чувствовала себя полным идиотом. С другой стороны, я надеялся, что вы знаете что-нибудь о статуе, или Кеттридже, или Рухадзе, чтобы это... — Элизабет диким жестом руки указала на пол с витринами, — что в этом есть какой-то смысл.

— И все, что вы сделали, это спросили, в какой коллекции находится бусина?

— Да. Я подписал контракт как сотрудник Резерфорд Хаус — вы сами сказали, что Рухадзе был VIP-персоной даже для Агнес и вашей...

— Не упоминай о ней, пожалуйста.

— Миссис Резерфорд, — безнадежно закончила молодая женщина.

Они уставились друг на друга через смотровой стол.

— Так что же нам теперь делать? — спросила Элизабет.

— Мы ждем, вернется ли Кеттридж, и ждем вестей от твоего красавца. А пока... я сделаю несколько телефонных звонков. Я всегда хотела быть сыщиком.

— В наши дни все, кого я знаю, становятся детективами.

— Присмотри за магазином, дорогая, и не волнуйся. Я не вижу, как даже... мама... может винить тебя во всем этом. Это может быть очень хорошая сделка. И если мы ее провернем, я прослежу, чтобы ты получила долю, даже если она будет из моей доли. Эми взбежал по лестнице, оставив Элизабет одну в магазине и задумавшись.

— Вы позвонили по номеру 202-555-7831. В тоне, пожалуйста, оставьте свое имя, номер, время, когда вы звонили, и сообщение.

— Хеша? Это Лиз. Слушай... ну... ладно. Начнем с того, что статья, которую я нашла, была в “Археологическом дайджесте Южной Калифорнии” за осень 96 года. Если вы не можете достать копию, я вышлю по факсу страницы из моего.... Статья написана Кеттриджем, Джорданом Кеттриджем; он профессор в Беркли. Насколько я смог понять из статьи, у него один из отсутствующих глаз вашей статуи. Поэтому я написал ему письмо, чтобы узнать, не продаст ли он. Это было в субботу. Сегодня утром он появился в нашем выставочном зале, ведя себя так, как будто собирался... не знаю, начать драку. Ударил Эми в рот. Черт возьми. Я даже не знаю, зачем я звоню. Он был настроен враждебно, сомневаюсь, что он будет продавать. Ты

хочешь, чтобы Резерфорд Хаус занялся этим? Позвони мне, когда сможешь. Пока.

Вторник, 29 июня 1999, 2:14 AM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Элизабет, пошатываясь, прошла через дверь и вошла в свою квартиру. Она закрыла за собой дверь и, шаркая от усталости, прошла в гостиную и бросилась на большой диван. В течение десяти минут она вегетировала в абсолютной неподвижности. Только когда боль от стояния на ногах после дня в Резерфорд-Хаусе сменилась болью от падения лицом вниз на диван, она пошевелилась.

Ее рука протянулась и коснулась мигающего красного огонька, и в этот момент он заговорил с ней.

— Элизабет? Хеша. Я нашла статью; думаю, вы правы. Ты очень быстрая. Спасибо, что присматриваете за мной — или, по крайней мере, грызете за меня мои головоломки. Я бы, конечно, с удовольствием приобрел эту статью. Поставьте Резерфордов на след. Они вытрясут из него все, что можно. Но все же позаботьтесь о себе. Я встречался с Кеттриджем раз или два, и он немного... эксцентричен. Сегодняшняя сцена звучит типично для него. Я бы не решилась использовать слово “нестабильный” в отношении такого выдающегося и способного ученого. — Жестяная копия голоса Хеши замедлилась, и в него вкралась нотка беспокойства. — Пожалуйста, будьте осторожны, Элизабет. Я скоро снова поговорю с тобой.

Среда, 30 июня 1999, 11:58 AM
Victor's Authentic Mediterranean Cafe, Верхний Вест-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Элизабет сидела в крошечной кабинке своего любимого, очень маленького ресторанчика, читая тяжелый том по предыстории Персии. Время от времени она вспоминала о салате, лежащем перед ней, и откусывала несколько кусочков. Она перевернула страницу. Без предупреждения мужчина опустился на сиденье напротив нее. Она подняла голову, готовая закричать о кровавом убийстве — она была достаточно завсегдатаем, чтобы даже в Нью-Йорке кто-то из официантов проявил заботу, — и закрыла рукой брелок, лежащий на сиденье рядом с ней. Тюбик перцового баллончика придавал ей хоть какую-то уверенность.

Джордан Кеттридж приветствовал ее с извиняющейся гримасой.

— Привет.

Она ничего не сказала, но продолжала держать руку на клавишах.

— Я просто хотела сказать, что сожалею о вчерашней сцене в галерее. Элизабет, с каменным лицом, ждала.

— Я только что прилетела из Турции, у меня был джетлаг, я признаюсь в ужасном характере, и у меня было самое странное время с этой проклятой бусиной. В связи с ней происходят очень... странные вещи. Он горько улыбнулся, и этот однобокий эффект был очень привлекательным. Лиз по-прежнему ничего не говорила, но рука с перцем немного расслабилась.

— Вчера у меня было второе предложение за него. Невидимое, — сказал он, подчеркнув эти два слова, как будто

речь шла о невыразимых возможностях. — У меня нет ни малейшего представления, почему. Он наклонился вперед, раскрыв руки, словно умоляя ее. — Вы ничего не можете мне об этом рассказать?

— Профессор Кеттридж, я не видела бусины, — устало сказала Элизабет. — Насколько я знаю, у вас есть камень с отверстием.

Он кивнул.

— Именно так оно и выглядит. Это не произведение искусства, оно не имеет особого археологического значения, оно даже не сделано из чего-то ценного по своей сути. — Он искал ее лицо в каком-то отчаянии. — Так почему же мне предлагают смехотворные суммы денег, чтобы я расстался с ним?

— Смехотворные? — сказал он ей. Она отложила книгу и уставилась на него. — Теперь ты понимаешь, почему я волнуюсь?

Элизабет нахмурилась.

— Я понимаю, почему ты сегодня волнуешься. Это пугающая сумма денег за одну бусину. Я до сих пор не понимаю, какую сцену вы устроили в Резерфорд Хаусе, профессор.

— Пожалуйста, зовите меня Джордан.

— Нет. — Она энергично покачала головой. — Какого черта я должна?

— Проклятье! — рычал он. — Смотри, я пришел сюда...

— Вы следили за мной здесь — это называется преследованием, профессор.

— Чтобы сказать вам, — перебил он ее, — что я готов рассмотреть предложение вашего клиента.

Элизабет ждала, и постепенно внимание персонала и других обедающих рассеялось от этого зрелища.

— Я не могу сказать, готов ли он заплатить такую экстравагантную цену за кусок камня с дыркой, профессор.

— Деньги не имеют значения.

Элизабет подняла обе брови, и он смирился. Его серо-зеленые глаза встретились с ее глазами, и он продолжил ровным тоном.

— Деньги не имеют такого большого значения, мисс Димитрос. Но я хочу знать, с кем имею дело. Я не копаю и не продаю ворам, коллекционерам, которые имеют дело с ворами, идиотам, которые хотят “инвестировать” в вещи, которые они не способны оценить, или кровососущим корпоративным покупателям произведений искусства. — Кеттридж хорошо умел читать по лицам, и он внимательно следил за женщиной напротив него, произнося каждое слово. На слове “кровососущие” выражение ее лица ничуть не изменилось.

— Что ж, — сказала Элизабет. — Полагаю, я могу поблагодарить вас за извинения за сцену, которую вы устроили перед моим боссом. И я буду помнить, что вы придерживаетесь определенного кодекса в своих делах; мы запишем это в досье компании по данному вопросу. Однако на вашем месте я бы меньше беспокоился о сделке с Резерфорд Хаус — если вы хоть что-то знаете о рынке, то понимаете, что он настолько чист, насколько это возможно, — чем о сделке с кем-то, кто готов заплатить столько, вслепую, за вашу находку. Большинство наших клиентов — знатоки. Иногда мы работаем на семьи, которые пытаются восстановить свое наследие или создать его. Что касается корпораций... ну, в наши дни музеи объединяются, а корпорации строят музеи. Надеюсь, вы не считаете строительство музея Гетти грехом? Мы, конечно, не

торгуем на черном рынке. Я не могу сказать, что мы проверяем, занимаются ли этим наши клиенты; это было бы вторжением в частную жизнь.

Кеттридж слушал.

— Мисс Димитрос, я верю в вашу искренность. Но я не уверен, что вы действительно знаете, перед кем вы выступаете. Будьте осторожны. Будьте чертовски осторожны. В этом бизнесе замешаны опасные люди.

— В антиквариате?

— Нет! — Он ударил по столу сомкнутым кулаком. — Прости. — Он прошептал: — В этом — завернутом в бусину и все, что к ней прилагается.

— Смотрите. — Кеттридж уставился на испещренную крапинками столешницу Formica, словно ища ответа, оперся головой на руки и тихо произнес. — Вы читали статью. Бусина была найдена в могиле. Я раскопал эту могилу от естественной поверхности до уровня кладбища. Когда я копал, я нашел разбитые куски глины с запеченными в них знаками-амулетами. Они были разбросаны по пласту за пластом. Судя по их расположению, жители Сур-Амеха наносили по одному-два знака в десятилетие на могилу в течение нескольких поколений после захоронения тела. Через столетие или два надпись деградирует, но символ остается неизменным.

— Когда я достиг первоначальной поверхности могилы, я обнаружил тот же знак, нацарапанный на большом плоском камне, направленный вниз. Когда я нашел тело, оно было окружено таким же камнем, с таким же грубым рисунком знака амулета — опять же, направленным в сторону тела. Буквально окружено, мисс Димитрос — лежит на ложе из них, обнесено ими и покрыто ими. Тело было в худшей сохранности из всех найденных в этом районе. Мы вытаскиваем из песка

высохшие, хрупкие кости. Это был лишь пыльный контур скелета.

— Другой такой могилы в Сур-Амехе нет.

— И самое интересное, мисс Димитрос, что символ, высеченный на камнях в этой могиле, до сих пор используется в качестве защитного знака среди кочевников, живущих в этом районе. — Он достал ручку, взял салфетку из автомата и нарисовал маленький глиф на хлипкой бумаге. — Это защита от злого глаза, мисс Димитрос.

Элизабет поймала взгляд официантки и подала знак, чтобы принесли чек.

— Спасибо за лекцию, профессор. К чему вы клоните?

— Люди Сур-Амеха не захотели хоронить этот труп вместе со своими мертвецами. Они перетащили тело и камни в виртуальную пустыню, чтобы избавиться от него, и они защищались от силы этого трупа так хорошо, как только могли, так долго, как только могли. Они боялись, мисс Димитрос. И я тоже.

— Вы верите в проклятия, профессор? — недоверчиво спросила Элизабет. — Неужели Смитсоновский институт будет разрушаться из-за того, что там выставлен алмаз Хоупа? Неужели экспедиция Картера погибла из-за того, что нарушила гробницу Тутанхамона?

Она оплатила счет и встала, чтобы уйти.

— Я хотел предупредить вас. Но я вижу, что вы слепы ко всему этому, мисс Димитрос. Мне ужасно жаль. Надеюсь, с вами все будет в порядке.

— Спасибо. — Лиз взяла свою книгу и повернулась к двери. Кеттридж не поднялся. Ей пришлось обратиться к его затылку. — А бусина?

— Я буду на связи, — сказал Кеттридж.

Среда, 30 июня 1999, 12:53 PM
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Эми нашла Лиз в переплетной. Молодая женщина была бледна, но ее глаза не были красными. Когда она работала, очень медленно, но со своей обычной тщательностью и аккуратностью, она убирала волосы с лица, и рука, которая двигалась, дрожала, совсем чуть-чуть. Эми толкнула дверь.

— Лиззи? — мягко спросила она. — Что случилось?

Элизабет подпрыгнула на своем стуле.

— Прости, Эми. Ты меня напугала.

Эми закрыла за собой дверь.

— Два часа назад ты был в порядке. А теперь ты пугливее, чем кот с головой в мешке. Ты нормально спишь? Ты больше не ходишь? С подозрением она спросила:

— Тебе звонила мама и расстроила тебя?. — Девушка покачала головой, и Эми настояла: — Расскажи мне, что случилось, милое сердце.

— Кеттридж... пришел за мной.

— О, Господи. Что ты имеешь в виду?

— Я обедала у Виктора, и он сел за мой столик. Он пытался... предупредить меня, или угрожать мне, или что-то еще. С этой бусиной что-то ужасно не так, я думаю...

По крупицам Эми выведала у подруги всю историю.

— Первое, что мы сделаем, — серьезно сказала Эми, — это изолируем тебя от всего этого дела. Если Кеттридж появится снова, ты скажешь ему, что не имеешь права обсуждать дела Резерфорда. Скажи ему, чтобы он связался с партнерами. Затем уезжайте так быстро, как только сможете, хорошо?

Элизабет кивнула.

— Во-вторых, я звоню вашему господину Рухадзе и говорю, чтобы он сам вел переговоры. Мы попросим вознаграждение за поиск, но если будут проблемы, то это его проблемы. Не наши, и уж точно не твои, Лиз.

— В-третьих, мы собираемся найти таинственного профессора Кеттриджа. Он появляется и исчезает отсюда, не имея даже контактного номера, прекрасно и замечательно. Я уже расспрашивал о нем наших общих знакомых — я узнаю, где он остановился, или найду его через Беркли, и я избавлю его от вас.

Элизабет неуверенно улыбнулась.

Эми улыбнулась в ответ.

— Я уверена, что у всего этого есть причина. Но будь я проклята, если могу сказать, что она будет логичной. Все, с кем я разговаривала в понедельник, говорили, что Кеттридж “хороший парень” — что, конечно, ничего не значит, — но ни то, ни другое.

— Хороший и “хороший” в наше время ничего не значат. Кеттридж не должен быть не в себе. Он может быть немного настойчив в своей любимой теории, но я никогда не знал ни одного ученого, который бы этого не делал, хотя бы немного. Мы разберемся с этим. — Она встала и открыла дверь. -Ты занимайся дневником, Лиззи, а я займусь сумасшедшими.

Среда, 30 июня 1999, 7:37 PM
Ферма Лорел Ридж
Около Колумбии, штат Мэриленд

Хеша зашевелился во сне.

— Сэр?

Хеша заставил себя открыть глаза. Он ощутил прохладный воздух гробницы, напоенный запахом его питомцев. Он был один… Когда его сознание прояснилось, он узнал голос.

— Джанет?

— Да, сэр. Извините, что беспокою вас так рано, но произошло событие, о котором, я думаю, вы должны знать.

— Дайте мне минутку. — Хеша встал и безошибочно нашел дорогу к двери. В покоях Вегеля он позволил зажечь свет. Каменная дверь бесшумно закрылась за ним. — Хорошо.

— Сегодня нам позвонили из Резерфорд Хаус… по обычным каналам, но, несомненно, касающимся ваших проектов там. Похоже, что Кеттридж ухватился за мисс Димитрос как за потенциальный источник информации. Миссис Резерфорд, конечно, так не говорила.

— Какая миссис Резерфорд?

— Амариллис. Она выразила беспокойство, что вы подвергли мисс Димитрос какой-то опасности… и, откровенно говоря, поставила ультиматум: если между вами и профессором возникнут проблемы, мисс Димитрос должна быть в них не замешана. — Джанет сделала паузу и предположила: — У меня сложилось впечатление, сэр, что она думает, что ваша статуя — украденная вещь, и что под этой тайной скрываются силы черного рынка.

— Это достаточно безобидно. Однако не поощряйте это. — Хеша вытащил свободный белый глаз из своей мантии. С той самой ночи, когда Элизабет узнала, как его удалить, он носил его на ремешке на шее. Он внимательно осмотрел его, словно в первый раз, и принял решение.

— Джанет, мы собираемся убрать мисс Димитрос с пути профессора. Начинай договариваться о подходящем пятничном рейсе.

Четверг, 1 июля 1999, 11:20 AM
Дом Резерфорда, Верхний Ист-Сайд, Манхэттен
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Агнес Резерфорд жестко прошла через парадные двери своего заведения, и ее острые глаза окинули каждый дюйм выставочного зала без малейшего признака одобрения. Она посмотрела вниз на жену своего племянника Джеймса — они были почти одного роста, но Агнес могла смотреть вниз на людей, которые были выше ее на голову и плечи, не напрягаясь.

— Доброе утро, тетя Агнес, — сказала Эми. Она наклонилась вперед и обменялась сухим поцелуем в щеку со своей пожилой родственницей. — Как прошел ваш полет?

— Не хуже, чем обычно, для этого времени года. Однако я с нетерпением жду окончания туристического сезона. — Старший партнер сделал несколько шагов вглубь магазина и посмотрел на Эми с еще большей высоты, чем раньше. — У нас на сегодня назначены какие-нибудь важные встречи? Нет? Жаль, но это, по крайней мере, оставит нам время, чтобы просмотреть цифры за последнюю неделю.

Агнес сделала паузу, чтобы еще раз осмотреть дисплей. Ее взгляд остановился на Элизабет — и если Эми была карликом в глазах старой леди, то Элизабет была меньше муравья.

— Мисс Димитрос.

— С возвращением, мисс Резерфорд.

— Спускайтесь сюда. — Агнес начала спускаться по лестнице к офисам, но на полпути обернулась. — Вы были у господина Рухадзе в прошлую среду? Вы смогли продать ему ожерелье?

— Да, мэм.

Агнес ничего не сказала, но продолжила подниматься по лестнице.

В тот вечер Томпсон привел седан к идеальной параллельной остановке на обочине. Стенки обеих шин царапали цемент. Между дверью его хозяина и дверями дома Резерфорда не могло быть меньшего расстояния, но он все равно беспокоился.

— Осторожно, сэр.

— Расслабьтесь немного, Томпсон. Это действительно слишком много, чтобы надеяться, что профессор мог засечь магазин.

— А если бы он это сделал?

— Тогда вы здесь, Асп… ждет на крыльях, а я не совсем без собственной защиты. Хеша облачился в свой костюм, подхватил блестящий портфель из черного крокодила и трость с латунным наконечником и вышел из машины.

Эми Резерфорд приветствовала его внутри.

— Добрый вечер, мистер Рухадзе. — Он посмотрел на нее серьезными глазами и пожал ей руку. Ее манеры были как всегда безупречны, но под этим лоском она была недовольна им. — Тетя Агнес ждет вас в своем кабинете. Пойдемте? Она провела его через тусклый и пустой выставочный зал к служебной лестнице. В рабочей комнате было темно. В конце коридора она остановилась, постучала один раз и провела его в тронный зал, как она думала.

— Господин Рухадзе, тетя Агнес.

— Пунктуален, как всегда, Хеша. — Агнес Резерфорд не смотрела ни вниз, ни вверх, но она одарила Хешу Рухадзе взглядом равного, и полувстала, чтобы поприветствовать его.

— Я бы никогда не стал тратить ваше время, мисс Агнес, — вежливо сказал он. — Было бы оскорблением заставлять леди ждать, особенно ту, у которой такие ответственные обязанности.

Агнес полуулыбнулась.

— Садись, Хеша, и расскажи нам, чем мы можем быть полезны тебе сегодня.

Эми закрыла за ними дверь и почтительно села в кресло в углу, чтобы понаблюдать за встречей гигантов. Ее тетя — тетя Джима, напомнила она себе, благодарная за то, что в ее собственной семье было меньше... всего, — сидела за величественным, массивным письменным столом. Ее худое, хрупкое тело обмякло в столь же внушительном кресле с красной кожаной обивкой.

Рухадзе, с другой стороны, сидел на подходящем сиденье, как будто оно было построено вокруг него. Он был видением монохрома — красная кожа, в тени, была теплым, коричнево-черным цветом его кожи. Его костюм устаревшего покроя, как она вдруг поняла, почти современник времен отца Агнес, был цвета угля. Старая ткань поглощала свет, но его туфли, сумка, трость из эбена, которую он держал на коленях, и его яркие глаза сияли.

— У меня необычная просьба, мисс Агнес. — Он колебался и, казалось, тщательно подбирал слова. — Боюсь, что я нечаянно подверг опасности одного из ваших сотрудников.

Агнес подняла свои тонкие седые брови.

— Мисс Димитрос, — тихо сказала она. Он кивнул. — Пожалуйста, объяснись, Хеша.

— Я владею определенным предметом...

— Статуя? — вмешалась Эми.

— Да. — Хеша полуобернулся в своем кресле, чтобы включить ее в разговор. — Уверяю вас, это не горячий, не черный рынок или что-то в этом роде. С другой стороны, как и в случае со многими другими древностями, страна их происхождения не одобряет, чтобы ими владел кто-либо, кроме нее самой. Так же, как греки хотят вернуть сокровища Афин из Англии, определенная нация хочет, чтобы мое маленькое сокровище вернулось на родную землю. У меня не больше намерений отдать его им, чем у меня намерений отдать Каиру ошейник, который я купил на прошлой неделе — меньше, на самом деле. В Египте и Греции, по крайней мере, есть демократии, музеи и относительный мир. Они возвращают свое наследие с помощью договоров, специальных фондов, Организации Объединенных Наций... дипломатическими средствами.

— Однако правительство, о котором идет речь, отказалось от дипломатии почти во всех вопросах и является известным убежищем для террористов. Правящая партия ясно дала понять, что они будут скрывать и поддерживать даже самые радикальные организации при условии выполнения их требований и соблюдения политики... одной из которых является возвращение культурных артефактов, на которые, на самом деле, они не имеют права.

— Я показал статуэтку мисс Димитрос как вызов — хотел проверить ее способности. К несчастью для всех нас, она оказалась умнее, чем я мог надеяться. Она не только нашла некоторые детали, которые предыдущие эксперты упустили, но и узнала часть статуи на схеме в профессиональной публикации и связалась с автором.

— Профессор Кеттридж, — пробормотала Агнес.

— Да. И Кеттридж приехал в Нью-Йорк, чтобы найти ее. — Эми щелкнула языком по зубам и сказала: — Я изучила

биографию Джордана Кеттриджа. Он прекрасный ученый и не больший террорист, чем я.

— Я не хочу сказать, что это так. Я подозреваю, что террористы узнали бусы и попытались их украсть. Очевидно, они были безуспешны. С его точки зрения, я полагаю, послание Элизабет было просто еще одной тактикой воров. Когда это не удалось, за бусину была сделана огромная ставка…

— Я не знаю, что они могут попытаться сделать дальше, но у Кеттриджа было два контакта с Элизабет, и террористы, скорее всего, подумают, что она знает больше, чем она, или может вывести их на профессора. Для ее же безопасности я хочу увезти ее из Нью-Йорка, подальше от Кеттриджа, террористов и Резерфорд Хауса.

Глаза Агнессы сузились. Ее тонкие, бледные губы искривились в умозрительной хмурой гримасе.

— И поэтому ты попросил меня оставить ее здесь на ночь. Ну, Рухадзе, что вы собираетесь делать с нашей госпожой Димитрос?

Хеша погладил суровую линию его скулы.

— Моя собственная коллекция, — начал он, — нуждается в реставрации. Из того, что я видел о ее работе, Элизабет была бы идеальным кандидатом для работы над ней. — Он поднял свой портфель на колени, открыл его и протянул Агнес небольшую пачку бумаги через стол. — Я, конечно, компенсирую ваши убытки и добавлю зарплату мисс Димитрос, пока она будет работать по контракту со мной. — Он подождал, пока старушка изучала цифры. — Они рассчитаны по неделям. Я сомневаюсь, что ее отсутствие будет длительным… хотя в Балтиморе достаточно работы, чтобы занять ее на несколько месяцев, если понадобится. Эми смотрела, как льдисто-голубые глаза ее тети сканируют нижнюю строку, и знала, каким будет ответ Агнес.

— Мистер Рухадзе, — спросила Эми, — разве это не дело полиции? Или, — резко продолжила она, — если все, что вы предполагаете, правда, то это дело ЦРУ, ФБР и Интерпола?

— Так и есть, — сказал Хеша. — И я ходил к ним, — солгал он. — Вот откуда у меня та информация, которую я знаю. Мы могли бы договориться, чтобы они позаботились о ней. Но Эми, — сказал он, пытаясь встретить ее взгляд в тенистом углу, — знаешь ли ты, что означает фраза “защитная опека”? Это означает тюрьму, изоляцию, маленькие гостиничные номера, где не с кем поговорить, кроме полицейских, и нечего делать, кроме как ждать. Я бы не хотел подвергать Элизабет этому. Она будет в безопасности в Балтиморе, и будет работать над тем, что ей больше всего нравится. Если никто из нас не расскажет ей об опасности, ей даже не нужно будет знать о ее существовании до тех пор, пока она не минует. Он снова посмотрел в сторону, на толстый персидский ковер. -Я бы предложил такую же защиту Кеттриджу, если бы смог его найти.

— Хеша, — сказала мисс Агнес. — Я согласна с вашей оценкой ценности мисс Димитрос для нас как продавца, но я считаю, что вы недооцениваете расходы на восстановление, которые мы понесем в ее отсутствие…

И Эми со смутным недоверием слушала, как тетя Джима продолжала спорить об Элизабет Димитрос, как будто она была стулом во французском стиле или вазой эпохи Мин. Мистеру Рухадзе, по крайней мере, хватило изящества смутиться — их глаза встретились один раз, когда Агнес достала из папок список тарифов для работников, работающих с тканями вне дома. Он почти не сопротивлялся; казалось, его действительно больше интересовал товар, чем цена. По крайней мере, Лиззи отправлялась туда, где ее… высоко ценили. Эми встала, внезапно не выдержав, снова начался торг, и пронзительный голос Агнес расколол нарастающую головную боль.

— Эми, куда ты идешь?

— Мне нужен аспирин, тетя Агнес. Извините.

Эми убежала в свой кабинет, выпила аспирин и опустилась на большой мягкий диван. Она пыталась мыслить здраво. Террористы, беглецы, контакты... это звучало как шпионский фильм, причем плохо поставленный. Рухадзе все объяснил, но... должны были быть более простые способы защитить Лиззи. Неужели он пошел на все эти трудности, чтобы защитить ее, потому что опасность была реальной и она была ему небезразлична? Или же он пытался заманить ее в неблаговидных целях? О Господи, подумала она, Лиззи уже далеко не в том возрасте, чтобы давать согласие. Еще полчаса или около того, пока не услышала, как открылась дверь в комнату Агнес. В коридор полились разговоры.

— Конечно, я бы хотел поговорить с ней сам. Баритон Хеши отчетливо доносился сквозь стены.

— Конечно, — ответила Агнес. — Она в переплетной... третья дверь слева от тебя, Хеша.

Эми вышла с дивана к двери и открыла ее как раз в тот момент, когда к ней подошел Рухадзе.

— Господин Рухадзе? У меня к вам еще несколько вопросов.

Он вошел и сел.

— Почему Кеттридж не обратится в полицию? Почему бы нам просто не перевести Элизабет в наши лондонские офисы на месяц, или год, или сколько бы времени это ни заняло? Почему вы думаете, что этому будет положен конец, если террористы — враги? Вы перевозите Элизабет в Балтимор с большими трудностями и затратами. Если вы не сказали правду тете Агнес, я сомневаюсь, что вы скажете ее мне. Пожалуйста, позвольте мне прояснить вам одну вещь. Я хочу, чтобы вы хорошо заботились о Лиззи.

Хеша улыбнулся. Он встал, взял ее за руку и пристально посмотрел ей в глаза.

— Доверься мне, — сказал он ей, предельно серьезно, сочувственно и уверенно. Он подождал, пока она вникнет в смысл сказанного. Удовлетворившись тем, что она поверила, он отпустил ее.

Она вздохнула.

— Прости, что так получилось... но я — все, что у нее есть, и я не могу позволить ей просто исчезнуть. Господи, ты понимаешь, что Лиззи здесь с девяти? Давай поговорим с ней и отправим ее собирать вещи. Обещай мне, что заставишь бедное дитя работать только 8 часов в день. Она будет думать, что это Рождество. Агнес — просто рабыня, правда.

— Я заметил, — сказал Хеша, собирая свои вещи. Она улыбнулась и повела его по коридору в переплетную.

Элизабет подняла голову, когда она вошла.

— Дневник закончен, Эми. Если я больше никогда не прочту ни слова о елизаветинском судоходстве, это будет слишком рано. — Она с презрением махнула рукой в сторону рабочего стола. — Хеша последовал за Эми в комнату, и Элизабет остановилась.

Эми заняла свое любимое кресло и наблюдала, как их гостья обходит стол, чтобы осмотреть работу Лиззи.

— Кусок для туристов, — сказал он, и то же презрение наполнило его голос. — Сувенир девятнадцатого века. Он склонился над началом ремонтных работ и одобрительно кивнул. — Но вы знаете, как правильно реставрировать папирусы. Хорошо.

— Лиззи, мистер Рухадзе попросил Резерфорд Хаус одолжить ему один из наших самых ценных активов. Как вы смотрите на то, чтобы поехать в Балтимор и заняться реставрацией его частной коллекции?

Элизабет сидела тихо, сложив руки на столе перед собой. Она пыталась поймать взгляд Хеши, и ей это удалось, но там не было ничего, что она могла бы прочитать. Она смотрела на сияющую Эми, и хотя улыбка была светлой, глаза были напряженными и обеспокоенными. Постепенно лучи уверенности в улыбке померкли, и беспокойство пожилой женщины проявилось в морщинах вокруг рта.

— Тебе, конечно, не обязательно идти, — сказала Эми. — И это не постоянная должность. Твоя работа здесь будет обеспечена; мы присмотрим за чердаком для тебя. Но мистеру Рухадзе нужен кто-то для работы, а тетя Агнес — просто пушинка в его руках. Все улажено — если вы этого хотите.

Взгляд Элизабет снова обратился к Хеше — и хотя на его лице по-прежнему не было никаких признаков, его рука ободряюще сжала ее плечо.

— Когда?

— Завтра днем? — предложил он. — Вы сможете устроиться на выходные и приступить к работе в понедельник.

— Это скоро.

— Я знаю.

Элизабет закрыла грубый картуш в защитную упаковку. После папируса, возможно, будет еще один дневник, или документы о сделках с надписью Новый Амстердам вместо Нью-Йорк, или ренессанс, не имеющие никаких достоинств, кроме возраста. Коллекция Хеши была бы другой. И сам Хеша… но тут она оборвала мысль.

— Я пойду.

Внутри черного седана было тревожно тихо.

Элизабет сидела с сумкой у ног. Билеты до Балтимора были вложены в ее блокнот для эскизов. Она смотрела, как мимо проносятся огни города, оттеняемые сине-фиолетовым светом окон.

Между ней и Рональдом Томпсоном состоялось знакомство, но Томпсон был не из тех, кто любит болтать. Были улицы, за которыми нужно было следить, и другие машины, в которых можно было заподозрить Врага в той или иной форме. Хеша также чувствовала, что Томпсон был обеспокоен -коллекцией— мисс Димитрос.

Хеша придержал язык. Доброе слово в адрес Элизабет успокоило бы ее страхи и опасения… но Томпсон не был готов слушать, как его хозяин шепчет -милой— девушке ласковые слова. Резкий, деловой разговор с девушкой поставил бы ее на место куратора, и не более того, и полностью удовлетворил бы Томпсона… но Хеша не был готов отказаться от власти, которую притворный роман мог иметь над Элизабет, и не был уверен, что она позволит отправить себя в Балтимор, лишив этого соблазна. Вскоре он уделит время каждой из них в отдельности. Если дорога до ее квартиры будет тихой, как могила, тем лучше для его концентрации.

Они высадили ее у старого склада. Она пожелала им спокойной ночи и скрылась в темноте у входной двери. Бродячая фигура посигналила Томпсону, и водитель подтвердил приказ сторожа. Седан выехал на главную дорогу, и Томпсон поискал глазами Хешу в зеркале заднего вида.

— Сэр…

— Не сейчас, Томпсон. Отвезите нас обратно в Резерфорд Хаус. Кеттридж был там недавно, и я теперь знаю, как его найти.

— Насколько хорошо вы знаете Нью-Йорк? — неожиданно спросил Хеша.

Томпсон размышляет.

— Главные дороги, места, куда вы ходите, некоторые из этих районов в глубине, и, возможно, немного больше.

— С этим мы пойдем за Кеттриджем, — сказал Хеша, подвешивая молочно-белую бусину на шнур. — Ее мощность очень мала, и мне придется отгородиться от всего мира, насколько это возможно, пока я буду ее использовать. Я закрою глаза и буду направлять вас, насколько это возможно. По очереди следуйте за мной, когда позволят дороги. Каждый раз, когда я буду говорить с вами, запоминайте, где именно мы находимся; если мы потеряем след, вы должны будете как можно быстрее вернуться на это место, и мы попробуем снова. Вы поняли?

— Нет, — признался водитель, — но я думаю, что смогу выполнить приказ.

Хеша легла на заднее сиденье, держа маленький глаз обеими руками.

— На север отсюда, — сказал он. Томпсон проверил, нет ли полицейских, сделал незаконный разворот и медленно поехал вверх по улице.

— Остановись.

Томпсон поставил седан на место рядом с пожарным гидрантом и подождал, пока неподвижная фигура на заднем сиденье скажет дальше.

— Он провел здесь долгое время… но сейчас его здесь нет. Мы рядом с отелем? — Томпсон удивленно моргнул. — Мы на пороге большого отеля. Хеша нащупал след в бусине. — Юго-запад, — сказал он. Машина покатила дальше, и через полквартала он понял, что следы холоднее, чем те, по которым он шел. — Снова назад. На восток от отеля. Снова был след, но несвежий. — Стоп. Снова назад.

— Сэр?

— В чем дело? — устало спросил Хеша.

— Позвольте мне несколько раз проехать вокруг квартала. Когда найдешь хорошую зацепку, скажи мне. Его “следы” будут чертовски беспорядочными прямо напротив того места, где он остановился.

— Сделай это.

— Стоп. — Хеша открыл глаза. — Он здесь. — Томпсон посмотрел на заднее сиденье. — Сэр, я думаю, вам лучше поторопиться.

Хеша ступил на бордюр и все понял. Они остановились у Центрального вокзала. Хеша почти бегом бросился к входу. Он бросился в толпу на главном этаже, его быстрый нюх пожирал лица путешественников, мимо которых он проносился. Он изучал формы пассажиров и пикапы, ожидающие в длинных рядах сидений, когда его шаги инстинктивно понесли его к стенам.

Сейчас Кеттридж не покупал билет в кассах и не ел ни в одном из киосков, но он бывал и там, и там. Он не покидал здание, хотя поиски Хеши отнимали время. Сетит медленно остановился. Ему не подобало бегать по платформам и подземным переходам. Он уединился в пустой телефонной будке и достал из пальто свою собственную изящную модель.

Позади него зазвонил один из автоматов. Он проигнорировал его и начал набирать номер для Томпсона, но он звонил и звонил, пока он не схватил его, рефлекторно проверил трубку и приложил ее к уху.

— Здравствуй, Рухадзе. Как тебя лечит смерть?

— Профессор Кеттридж, — признал Хеша.

— Прошло много времени со времен Сирии, не так ли?

— Для тебя.

— Да, — сказал Кеттридж. — Для меня. Вы не изменились, ничуть, конечно. Никаких шрамов после последней перестрелки в Баальбеке, я заметил. Представляю, как я выгляжу, черт возьми.

— Я не могу сказать.

— Я не намерен, чтобы у тебя была такая возможность. — Голос смертного звучал резче, чем раньше, и он продолжил: — Ты становишься неряшливым в свои преклонные годы. Использовать девушку, с которой тебя видели так открыто, для установления контакта — вряд ли твоя обычная утонченность, не так ли? — Хеша ничего не ответил. — Или вы стояли за попыткой ограбления?

— Это было бы лучшим предположением.

— Хотя, надо отдать тебе должное, ты не стоял за высокой ставкой.

— Я бы удвоил ее, если бы думал, что вы заинтересованы.

— Мы оба знаем, что я не.... Как насчет торговли? задумчиво спросил Кеттридж.

— Что бы вы взяли за бусину?

— Сегодня я не буду обменивать бусы, — сказал профессор. — Я обменяю вас на информацию.

Хеша задумался.

— Я слушаю.

— Я скажу вам, откуда взялась высокая цена, если вы скажете мне, почему каждый мертвец в мире, кажется, заинтересован в моем маленьком счастливом талисмане.

— Недостаточно хорошо. Между вами и участником торгов, вероятно, есть пять или более посредников.

— Нет, не в этот раз. Кто-то ужасно торопился. — Искушение пронеслось мимо Хеши, и она улыбнулась. — Скажи мне, откуда взялась высокая цена, и я отвечу на три вопроса о твоей бусине. Конкретные вопросы. Насколько полезными будут ответы, зависит, конечно, от того, насколько грамотно вы сформулируете свои вопросы.

Почти целую минуту — которую Хеша потратил на попытки определить Кеттриджа и его “счастливый талисман” — линия не давала ничего, кроме помех.

— Гарлем. Что это за бусина?

— Это глаз статуи.

Кеттридж назвал улицу.

— Почему меня тянет в Атланту?

— Это вспомогательный предмет для более мощного артефакта. Ваш глаз может определить местонахождение

главного артефакта. Главный артефакт находится или находился в Атланте.

— 2417A. Вход в подвал. Как вы нашли меня здесь сегодня вечером?

— У меня есть еще один глаз статуи. Он может определить местонахождение твоего глаза. Я могу следовать за тобой, куда бы ты ни пошел, Кеттридж, — сказал Хеша, и смертный услышал улыбку в голосе существа.

Профессор, находясь в своей кабинке в глубине лабиринта станции, почувствовал, как по позвоночнику пробежал холодок. Он взвалил на плечо вещевой мешок и почувствовал, что в нем уютно расположились металлические куски его оружия.

— Я бы не советовал этого делать, Рухадзе, — ровно сказал он. — Я многому научился после Баальбека.

— Хорошо. Позвольте мне дать вам совет. — Хеша прошептал в трубку. — Убирайся из Нью-Йорка как можно быстрее. Я не буду преследовать тебя — пока, но если адрес, который ты мне дал, верен, то у тебя на хвосте половина адских гончих.

— Я знаю. Я пожег несколько. Ваш вид не любит толпу или огонь, не так ли?

— Не надо ничего предполагать. Не называй их такими, как я, — шипел Хеша. — И если вы хотите рассчитывать на защиту толпы, не ходите в Атланту или другие зоны беспорядков.

Кеттридж посмотрел на свои билеты: Амтрак до Атланты, через округ Колумбия и Роли. Ему вдруг стало страшно.

— Черт побери, Хеша, то, что ты говоришь мне не ехать, является хорошей причиной для того, чтобы поехать! Почему я должен тебе верить? Зачем предупреждать меня? Зачем все эти

игры разума? Боже, я не могу поверить, что мы ведем этот разговор — назови мне причину, почему я должен верить хоть одному твоему гребаному слову, от начала до конца?

— Я бы предпочел, чтобы бусина осталась у тебя, Джордан, а не попала в руки того, кто сделал большую ставку. В зонах беспорядков им будет наплевать на свидетелей.

Понятно? Он подождал.

— Джордан?

Линия была мертва, и хотя Хеша быстро нашел телефон, еще теплый от руки его соперника, он почувствовал, как красный глаз стремительно удаляется на юг. Через десять минут он вообще перестал его ощущать.

Часть вторая: Мэриленд

Пятница, 2 июля 1999, 6:20 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Элизабет напрягла зрение в сумерках. Лес вокруг выглядел так же, как и лес, через который они ехали последние десять минут, а дорога была такой же почти безымянной, двухполосной, как и раньше. Она знала, что Колумбия — это большой, застроенный пригород. По логике вещей, здесь должны быть дома, магазины, фонари и более крупные улицы, но после последнего знака стоп она не увидела ни одного.

Седан проехал мимо желтого бриллианта с самой замысловатой загогулиной на нем, которую Элизабет когда-либо видела. Она крепко вцепилась в подлокотник, и они проехали ряд поворотов, как пьяные американские горки. На полпути Томпсон включил фары, и серые стволы деревьев промелькнули мимо. Они проскочили последний поворот и свернули на подъездную дорожку. Она упиралась в берег ручья, а затем уходила вверх по склону холма, мимо почтового ящика без опознавательных знаков. Они мягко и медленно проехали по гравийному щебню, поднялись на вершину холма, и Элизабет впервые увидела дом Хеши Рухадзе.

В центре, лицом к дороге, возвышался массивный массив — величественный по пропорциям старый дом с высокими муллионными окнами, большими двустворчатыми дверями под неоклассической перемычкой и идеальной симметрией. Когда машина остановилась, она увидела более позднюю пристройку, сделанную менее значительным архитектором для большой семьи. Заднее крыло пыталось повторять переднее, но оно было загромождено странными сидухами, длинными карнизами, мансардными комнатами и фронтонами, выступающими под

невозможными углами. Весь этот беспорядок был выкрашен в белый цвет — не недавно и не в первый раз. Хороший красный кирпич виднелся на углах, где ветры имели больше всего шансов сбить чешую. Крыша была покрыта зеленой медью, отлично отремонтированной, а за зарослями орляка и полевых цветов Элизабет разглядела настоящий фундамент из полевого камня. Все было обшарпанным. Это было не то, чего она ожидала. Но в нем было очарование.

Томпсон направил машину по изъеденной сорняками дороге и подъехал к сараю, выглядевшему несколько более современно. Он нажал кнопку на консоли, и широкие двери распахнулись. Черный седан осторожно подкатил к машине, которая, возможно, была его близнецом, и остановился.

Элизабет ступила на чисто выметенный кирпичный пол. Она вытащила свою сумку, кошелек и ранец. Томпсон обошел вокруг, вытащила из багажника свои клетчатые сумки и застонала.

— Что у вас тут, кирпичи?

— Это книги. Я работаю над докторской диссертацией по истории искусств. Эта, кстати, катится. Мы можем навалить на нее все остальное.

— Какова ваша концентрация? — спросил он, устанавливая легкий чемодан на место и застегивая его.

— Это довольно непонятно... назовем это сравнительной символикой.

— Что это значит? Томпсон начал трогать двухэтажный багаж по покрытой мхом дорожке из сланцевых камней.

— Возьмем быка на картине — картине, к которой у вас нет подписей, потому что вы не можете прочитать шрифт, которым писали люди. Представляет ли он плодородие?

Жертвоприношение? Количество товаров для бартера? Бога? Если это бог, то какой именно, и почему художник использовал аллегорию -бог в виде быка-? И изображен ли этот бог до или после вторжения другой культуры, которая, как оказалось, неравнодушна к скоту?

Томпсон поднял ящики по трем деревянным ступеням на крыльцо.

— Почему это не может быть просто бык? — Он ввел код в клавиатуру рядом с осиным гнездом и открыл дверь, чтобы пропустить ее.

— Иногда да. Но моя специализация — очень примитивные мотивы. Чем дальше в историю, тем меньше простых каракулей, и тем больше каждый символ означает что-то важное для человека, который его сделал.

Элизабет повернулась, чтобы оглядеться. Они вошли в длинную, узкую кухню. Бытовая техника была ультрасовременной, но шкафы и стол, на ее опытный взгляд, выглядели так, как будто они были оригинальными для этого дома. Она немного углубилась в рабочие дела и стала возиться с белой эмалевой задвижкой ящика.

— Просто положите свои вещи здесь, — сказал Томпсон. — У вас есть выбор комнат, так что я покажу вам все и позволю выбрать, прежде чем отнесу ваш мешок с кирпичами куда-нибудь. Пойдемт.

Он провел ее через широкий холл в более старую половину здания и поднялся по темной и скрипучей лестнице.

— Моя комната там, внизу, — сказал он, наклонив седую голову к задней части дома. — И у повара тоже; вы познакомитесь с ним позже. Комнаты для гостей находятся в передней. Томпсон прислонился к открытому дверному проему, включил лампу и отошел, чтобы Элизабет могла посмотреть. —

Или, если у вас нет клаустрофобии, вы можете спуститься вниз. Некоторым людям не нравится идея подвалов...

— Нет, все в порядке. Я работал под началом Метрополитен четыре лета подряд, и вы чувствуете движение через столешницы там, внизу.

Дверь из кухни по-прежнему вела в подвал, но там, где первоначальные жители оставили земляной пол, Хеша Рухадзе положил блестящие доски, окрашенные почти в черный цвет. Стены были сложены из полевого камня, а опорные столбы площадью четыре фута стояли в аккуратно вырезанных в темном дереве щелях.

Главная комната была заставлена витринами и полками со стеклянными фасадами. Тут и там возле экспонатов группировались диван и стол, стул и письменный стол или табурет и верстак. На нескольких огромных столах лежали переплетные принадлежности, кусочки керамики на реконструкции и другие соблазны для историка. Элизабет протащила ноги мимо длинного низкого стола, заставленного вещами, которые нуждались в ее заботе, и только когда Томпсон прочистил горло и позвал ее, она смогла отвернуться. На другой стороне длинного холла — там, где, по ее мнению, находился край дома наверху, — он ждал у подножия широких шиферных ступеней, держа открытой дверь, выполненную в том же стиле, что и пол.

— Это была комната мистера Вегеля, — сказал он.

— Мистер Вегель? — Маленькая квартира была богато обставлена в очень викторианском, мужском стиле. Три стены были обшиты панелями, а четвертая была деревянной только до уровня пояса; над поручнем стула она была покрыта белой атласной тканью, и незаметные серебряные булавки прикрепляли к ней бумаги, фотографии и куски ткани, словно к огромной доске объявлений.

— Мистер Рухадзе не упоминал о нем? — спросил Томпсон. Она покачала головой, но не проявила особого любопытства. Он оставил эту тему. — Книги и прочее здесь, — сказал он без необходимости. Вся стена была заставлена полками, не полными, но удобными. У них с Аспом был тяжелый день, когда они рылись в квартире Вегеля. Список предметов, запрещенных для новичка, составленный Хешей, был длинным, а безопасных мест для хранения действительно опасных вещей было не так уж много. После уборки натренированные руки Томпсона массировали щели в полках. Если бы вы не знали, насколько полным был кабинет Вегеля, вы бы никогда не поняли, что чего-то не хватает. Томпсон наблюдал за реакцией девушки на обстановку в комнате, за тем, как ее пальцы блуждают по рядам редких и дорогих изданий, и решил, что догадка босса оказалась верной. Так было всегда.

— Мистер Вегель был предыдущим куратором. Он жил в основном здесь, внизу. Конечно, вы единственный гость. Вы могли бы превратить эту комнату в офис, рабочую зону, все, что вам нужно, и спать наверху. Из гостевых комнат открывается прекрасный вид, особенно летом.

— О, нет, — сказала Элизабет, глядя на стол и библиотеку. — Это будет идеально.

— Я спущу ваши вещи. Когда он уходил, Томпсон удовлетворенно улыбнулся. Поверьте, Хеша знает, что такое кошачья мята и для каких котят. — Он нажал код на кухонном интеркоме и заговорил в него. — Сэр?

— Да, Томпсон?

— Мисс Димитрос здесь. Она выбрала комнату Вегеля. Я сейчас принесу ее вещи. У меня сложилось впечатление, что вас не будет еще по крайней мере час.

— Спасибо. Я увижу ее, когда мы с Джанет закончим.

Томпсон прервал связь. Он взял ручную кладь Элизабет и достал из ближайшего ящика предмет, которому явно не место на кухне, — ручной металлический сканер. Все сумки были чистыми.

Он с тоской посмотрел на коридор, ведущий в старый дом. В пространстве между стенами был спрятан лифт. Но Элизабет могло не быть в своей комнате, когда машина открывалась в первом подвале, поэтому он взвалил ее сумку, полную книг, на свои широкие плечи и пошел по лестнице. Девушка была погружена в книгу, когда он вносил багаж, но она улыбнулась и предложила помощь.

— Нет, спасибо, — сказал Томпсон. Он поставил тяжелый чемодан в удобный угол — надеясь, что она не найдет спрятанную там дверь, — и еще через две поездки все ее вещи были у нее.

— Ну, если вы меня извините, мне нужно сделать кое-какие дела по хозяйству, а также договориться о бизнесе в городском доме господина Рухадзе. Если вам что-нибудь понадобится, здесь у двери есть переговорное устройство, — сказал он, раздвигая деревянную панель. — Просто нажмите на зеленую кнопку и говорите в него. Он снова закрыл крошечный шкафчик, вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Элизабет подняла глаза от распаковки вещей. Это был стук? Она закрыла ящик с носками, пересекла комнату — теперь уже довольно загроможденную открытыми чемоданами и коробками с нотами — и открыла дверь.

— Добрый вечер, Элизабет.

— Привет, Хеша.

Они колебались на пороге.

— Заходите, — сказала она, улыбаясь. — Боюсь, что я все еще нахожусь на стадии взрыва. Она отступила назад в комнату и сделала неопределенный жест.

Хеша опустился в кресло Вегеля, вытянул ноги и наблюдал за ее движениями. Она сыпала выражениями благодарности, комплиментами в адрес Томпсона и изумлением по поводу дома. У нее были вопросы о здании, и он отвечал на них голосом знатока и со своим отношением... персонаж, маска, на которую она смотрела, пока он изучал ее. Она нервничала, но чувствовала себя комфортно в этой обстановке. Он сам заставлял ее пальцы быть беспокойными, а мелкие мышцы лица — напряженными. Каждый раз, когда она смотрела на него, в ее глазах был вопрос, и он старался, чтобы все ответы не попали в его собственные.

Он почувствовал облегчение от того, что зверь оставался спокойным в ее присутствии... и был потрясен, осознав, что был встревожен врасплох. Что придало этому существу столько сил в ее квартире? Статуя? Его беспокойство о махинациях Саббата? Исчезновение Вегеля? Он решил внимательнее следить за Зверем и своим собственным разумом — нельзя было допустить, чтобы слабость осталась.

— Ты устала? — спросил он, меняя тему.

Элизабет остановилась на полуслове.

— Нет.

— Но ты должен был подумать об этом?

— Уже почти десять, не так ли? Я полагаю, что мне следовало бы встать пораньше, чтобы собрать вещи, но я слишком взволнована работой. Я мельком видела, как некоторые работы спускались сюда.

Он понимающе кивнул.

— Хотите экскурсию?

— Абсолютно. — На полпути к двери она остановилась и серьезно посмотрела ему в лицо. — Если только ты не устал. Я не хочу отрывать тебя от твоего расписания…

— Признаюсь, я поддался искушению раньше. Адвокаты Западного побережья — самые худшие, я думаю. Я попросил повара принести кофе… кофе по-турецки. Я буду бодрствовать всю ночь, — вздохнул он, — но это был единственный способ справиться с дураками, которые болтали со мной. Кроме того, завтра суббота. Только мои международные филиалы будут пытаться до меня добраться, а моя секретарша может сказать “нет” на сорока языках.

Элизабет усмехнулась и вышла вслед за ним.

— …И система вентиляции полностью маркирована… если у вас возникнут проблемы, дайте знать Томпсону, — сказал Хеша. Он повернулся к другому углу мастерской.

— Эта плоская папка полна бумаги, которая нуждается в обработке кислотным балансом. Вертикальные хранилища содержат десять или двенадцать картин, которые нуждаются в той или иной работе, и, конечно, у меня есть всевозможные проекты по стабилизации. Я знаю, что реставрация картин — ваша специальность. Если вы закончите только этот участок за время вашего пребывания здесь, я буду вполне компенсирован вашими расходами. Однако, если вы хотите попробовать свои силы в более необычных вещах… — Он по-деловому зашагал обратно в главную комнату. — Вот, — сказал он, почти улыбаясь, — император всех головоломок.

Он находился под стеклом, на самом длинном и узком столе во всем музее. На гладкой ткани лежало то, что когда-то было свитком.

— Папирус, — сказал Хеша. — Часть погребального инвентаря фараона. Воры ограбили гробницу, но оставили после себя “мусор” — корзины, глиняные горшки, еду. Это было в простом деревянном ящике, и они его проигнорировали. Более грамотные воры подобрали его позже. К сожалению, его трясли и трясли, и какой-то дурак пытался его развернуть.

Он повернулся и спросил ее:

— Читаешь ли ты иероглифы?

— Нет.

— Вегель оставил записи сценария, который использовался в тот период, — сказал он, открывая небольшой ящик, встроенный в стол. Он протянул ей пачку набросков, сделанных от руки. — А также пинцет... — Он взял в руки причудливо выглядящие щипцы. — Чтобы пыль и потоки воздуха не разрушали осколки, нам пришлось покрыть весь кусок стеклом. Эти щипцы вставляются в щели по краям. Он продемонстрировал, прижимая две половинки глифа друг к другу. Осторожно наклонив пинцет вверх и в сторону от осколков, он медленно вывел инструмент обратно из опасной зоны. — Возможно, сначала ты захочешь потренироваться с участками в верхней части свитка. Повреждения менее значительны, и фрагменты легче читать.

Он отвел ее от длинного стола и продолжил.

— Особый конек Вегеля... — он подвел ее к месту, покрытому холстом. Незаконченная деревянная рама площадью десять футов и высотой один фут обрамляла пыльную белую ткань. На низких полках с трех сторон в маленьких подносах лежали осколки кувшинов и чаш, освобожденных от матрицы; один наполовину восстановленный сосуд, похожий на амфору, возвышался над всем этим хламом. Посреди всего этого лежал небольшой валун из засохшей глины, обиженно наклонившись. Из него со всех сторон торчали края гончарных черепков.

— Что это? — спросила Элизабет.

— Мы не уверены. Вегель собрал его у кого-то; происхождение неизвестно. Хеша подумала о том, что первоначально эта вещь занимала место в убежище. Они так и не узнали, почему малкавианка так дорожила этим валуном и откуда он взялся. Но Вегель настаивал, что в нем скрывается нечто необычное, и старший Сетит согласился — после определенных тестов и мер предосторожности — разрешить археологу привезти валун домой. -Я не знаю, ожидал ли Эрих найти в нем что-то особенно интересное. Он был археологом в начале своей карьеры, и я думаю, что ему просто нравилось продолжать практику.

Хеша с сожалением отступил назад.

— На сегодня это все. Если я собираюсь завтра выспаться, то сегодня мне нужно работать, и я уверен, что вы захотите закончить обустройство сами. Я смогу найти время, чтобы показать вам наши готовые работы в понедельник, возможно.

— Спасибо.

Он покачал головой.

— Спасибо, что пришли так быстро.

Она засмеялась.

— Спасибо, что спасли меня от тети Агнес. Ее глаза искали его. Хеша почувствовал этот взгляд, избежал его так ловко, что она так и не узнала, что он ее избегал, и начал идти обратно в свой кабинет. Позади него ее шаги ступали по полу — не в сторону комнаты Вегеля, а к длинному столу.

— Ты же не думаешь начать заниматься этим сегодня вечером? — спросил он, не глядя.

— Я подумал, что просто пройдусь по нему, чтобы посмотреть, что было сделано на данный момент.

— Хорошо, — сказал он, кивнув сам себе. — Постарайся не засиживаться допоздна. Если проголодаешься, на кухне есть все, что угодно... только будь осторожен, чтобы не разбудить повара.

Хеша оставил свою новую протеже за работой и присоединился к остальным слугам в склепе. Даже Асп был потрясен, увидев улыбку на лице своего хозяина.

Суббота, 3 июля 1999, 11:42 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Чувствуя себя опоздавшей и виноватой, Элизабет поднялась по лестнице на кухню и оказалась лицом к лицу с маленьким неожиданным мужчиной в фартуке, который мыл посуду. Его волосы были очень темными и слегка вьющимися. Его кожа была на тон или два глубже, чем ее собственная — чистая, загорелая, средиземноморского оливкового цвета. Его закатанные рукава рубашки обнажали руки, поросшие жилистыми черными волосами. Он потянулся за другой миской и улыбнулся ей.

— Доброе утро. Извините, что я так поздно встала, — сказала Лиз.

— Почему ты извиняешься? Сегодня же суббота, не так ли?

— Простите, что пропустила завтрак, — начала она, потом засомневалась. — Разве вы не повар?

— О. Это просто Рон и Человек были вежливы. Я умею готовить, но в основном я просто покупаю продукты. Вы голодны? Конечно, ты голоден. Ты только что проснулась, верно? Хочешь омлет? — Он не дал ей возможности протестовать. — Я только умылся после завтрака, чтобы приступить к обеду. Назовем это поздним завтраком. Я готовлю лучшую итальянско-американскую французскую кухню, которую вы когда-либо пробовали. — Его сверкающие черные глаза окинули ее оценивающим взглядом. — Большой омлет. Ты слишком худая, как сказала бы моя мама. — Он вытер руку о скатерть и протянул ее. Они энергично пожали друг другу. — Я Анджело Меркурио. Но зовите меня просто Асп; все так делают.

— Элизабет Димитрос. Лиз, — сказала она в ответ. Затем: — Асп?

— Я кусаюсь, — сказал Меркурио с заговорщицким подмигиванием, наслаждаясь ролью колоритного, безобидного домоседа. — В любом случае. Полдень — это нормально. Рон Томпсон — единственный рано встающий, которого я знаю, и он жульничает. Дремлет примерно с пяти до восьми. Хеша — мистер Рухадзе — ну, босс просто приходит и уходит, когда ему вздумается. Половину времени он бодрствует, а в остальное время работает до изнеможения. Не могу вспомнить, когда он в последний раз высыпался, — совершенно искренне сказал Асп.

— Сколько еще людей здесь живет? — спросила Лиз, наблюдая, как Асп разбивает восемь яиц в миску одной рукой.

— Только Рон, босс и я, поскольку Вегель уехал. Гости дома, конечно. И иногда босс приглашает кого-нибудь из своих помощников на рабочую вечеринку. Мы здесь точно не “Жизнь богатых и знаменитых”.

— Что случилось с мистером Вегелем?

Светлые глаза Аспа на мгновение потускнели.

— Сердечный приступ. Очень внезапный. Всего несколько недель назад... и он был молодым человеком. В середине тридцатых. — Он взял лопаточку и начал ловко расправляться с омлетом, насыщенным холестерином. — Может, завтра на обед будет салат, а?

Хеша спустился по лестнице из кухни, держа в руках портфель и журнал Уолл-стрит. По дороге в свой кабинет он прошел мимо стола с папирусами и прервал свою немного усталую походку, чтобы заглянуть через плечо Элизабет, когда он проходил мимо. Это была лишь минутная пауза: достаточно долгая, чтобы женщина ожидала комментариев, и достаточно короткая, чтобы их отсутствие не показалось пренебрежительным или отрывистым. В кабинете он отложил реквизит. В своей квартире он сбросил костюм и туфли,

натянув хаки и поношенную льняную рубашку. Быстро переодевшись, он вернулся в подвальный холл.

— Отличная работа, — сказал он через плечо своего гостя.

Элизабет чуть не уронила пинцет в папирус.

— Господи. Можно подумать, ты производишь какой-то шум, ступая по деревянному полу, Хеша.

— Прости.

— Не могли бы вы взглянуть на текст рядом с самой верхней иллюстрацией? Я уверен, что нарисованные части сочетаются, но я не могу отличить блеклого ибиса от блеклой совы и блеклого стервятника.

Он пододвинул стул к краю стола и вставил монокль в левый глаз.

— Пинцет?

Элизабет протянула ему свой и достала из ящика другую пару. Некоторое время они работали молча.

— Это сокол, — сказал он в конце концов.

— Это объясняет путаницу.

Снова воцарилась тишина, хотя Хеша чувствовал, что внимание женщины довольно часто перемещается на его лицо. Он не отрывал глаз от текста, а его разговор был посвящен работе. В конце концов, Хеша заглянул в клочки прямо под ним.

— Кажется, здесь есть еще одна иллюстрация. Посмотрим, сможешь ли ты заполнить ее. — Он встал. — Но не изнуряй себя. Я слышал, что прошлой ночью вы не спали до четырех

часов. — Элизабет улыбнулась, пожала плечами и кивнула. — Что ж, делай, как знаешь. Но если вы обнаружите, что не можете заснуть в совиные часы, не вините меня.

Он начал уходить.

Вспомнив об этом, Лиз подняла голову и спросила:

— Есть ли будильник, который я могла бы одолжить?.

— Ты можешь поговорить с Аспом или Томпсоном, — сказал Хеша, наблюдая за ней. — Я не пользуюсь ни одним из них. — Он добавил: — Приятной ночи, — и с удовлетворением увидел, как она опешила, поняв, что он уходит навсегда.

Воскресенье, 4 июля 1999, 7:56 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

— Томпсон? Докладывайте.

— В Асп прибыло два новых беженца. Трое из первоначальных нашли убежище у более близких сородичей под началом принца Гарлотта. Мисс Димитрос вышла на прогулку раньше и включила сигнализацию по периметру, но в остальном не так много енотов.

— Как она провела свой день?

— Она начала работу над одной из этих современных вещей… голубоватой… еще немного поработала над картиной, которую уже начала; немного почитала в своей комнате; поужинала с Аспом и мной. Я полагаю, что в данный момент она работает над папирусом.

— Она завела будильник?

— Я одолжил ей свой. Он “загадочно” замкнулся, когда мы включили его в розетку.

— Хорошо. — Хеша задумался на несколько мгновений. — Приготовь мою машину.

— Ваша машина, сэр?

— Да. Следуйте, если хотите, но я думаю, что мисс Димитрос нужна ночь вдали от работы. Сегодня праздник, знаете ли. — Старый коп тупо посмотрел на него, и он продолжил. — День независимости, Томпсон. На самом деле, возьми выходной. Скажи Аспу то же самое.

— Оба, сэр? — Мужской голос Хеши был недоверчивым.

— Да.

Воскресенье, 4 июля 1999 года, 10:00 вечера
На борту парусника -Лотос, гавань Балтимора
Балтимор, штат Мэриленд

Над водой послышались последние звуки Звездно-полосатого знамени, которые непонятным образом смешались с оркестровой концовкой, прозвучавшей на полторы секунды раньше по радио. Голос примадонны уступил место цереминаймейстеру, и Хеша выключил канал.

В полной тишине прогремел первый фейерверк... и к тому времени, когда прогремел второй, до ушей Элизабет донеслись хлопающие, трещащие звуки ярко-красных, белых и синих ракет. Она еще глубже опустилась в шезлонг, в этот момент она была счастливее, чем в течение многих лет... с тех пор, как умер ее отец. Однажды отец взял ее с собой в Атлантик-Сити, чтобы посмотреть, как фейерверки взлетают с ветхого старого пирса. Ее глаза наполнились падающими звездами, и она забыла о своих проблемах.

Хеша закрыл глаза до щелей и наслаждался мельканием красок сквозь щиток длинных ресниц. Но в конце концов, как он полагал, в его возрасте это было неизбежно, очарование праздника померкло. Он перевел взгляд своих темных глаз на женщину рядом с ним. Элизабет, все еще увлеченная зрелищем, не заметила его внимания, и он в полной мере воспользовался возможностью увидеть ее таким тайным образом. Краски над ними отражались от воды вокруг лодки, от ночной бледной кожи его гостьи, в шарах ее глаз и от непонятной ему слезы на ее щеке. Красное и золотое вспыхнули над ними, и вода, и девушка, и ее глаза превратились в пламя... голубое, белое и желтое вместе, и они были потускневшим серебром... в зеленом и голубом, она поднялась из океана, и слезы, падающие на нее, были лишь морской водой, падающей с наяд...

Зверь зашевелился. Хеша мысленно встряхнулся и мысленно отступил к ледяной сердцевине своей натуры. Это была та

возможность, которую он искал, чтобы проанализировать слабость, коснувшуюся его на ее чердаке.

Она не была красивой. Это могло искушать те немногие порывы плоти, которые у него еще оставались, но в кругах, с которыми общался миллионер Рухадзе, красота кинов, каинитов или его собственных родственников была обычным явлением и не беспокоила его так на протяжении веков.

Она не была гениальной. Умной — да. Проницательной в необычной манере, возможно. Но, опять же, он окружал себя гениями того или иного рода — Томпсон и Асп оба в своем роде, Джанет — волшебница в своем, а Ясмин Оксенти… которая была красива, хотя он никогда не считал ее красавицей до этого факта, кроме как в качестве актива для ее утилиты… Вегель был великолепен. Кеттридж был великолепен.

Она не была коварной. Конечно, он глубоко восхищался такой изюминкой ума у других.

Потому ли, что он сделал ее недоступной для Зверя? В силу извращенности инстинктов твари, запретная природа девушки — слишком ценной, чтобы быть проглоченной целиком, еще недостаточно контролируемой, чтобы ее можно было держать для еды, слишком неизвестной, чтобы ее можно было взять в объятия — могла бы довести тварь до исступления. Но, опять же, доктор Оксенти должна быть более соблазнительной. Красивая, блестящая, коварная и настолько ценная помощница, что он никогда не сможет надеяться привести ее в Сет, пока не появится равная пешка, чтобы заменить ее… Если бы он искал ребенка, жертву, компаньона или, как он смеялся про себя, пару, то Ясмин должна была стать тем козлом, на которого обратит внимание зверь.

Элизабет зашевелилась в кресле и подогнула под себя голые ноги. Ее взгляд все еще был устремлен на искры и звезды, но одна рука двинулась к ее щекам.

Хеша протянул руку и вытер ей слезы. Благодарное, обеспокоенное лицо женщины повернулось к нему. Изнутри льда он направил свое лицо, чтобы показать немного доброты. Он достал из кармана брюк чистый носовой платок и молча протянул его ей, словно за этим поступком скрывалось искреннее сочувствие.

— Мне жаль, — начала она, но он покачал головой. Элизабет продолжала. — Нет, мне действительно было очень приятно. Спасибо, что привел меня сюда. Просто..., — она начала всхлипывать, совсем тихо и не теряя самообладания.

И Хеша притянул ее ближе к себе, обнял дрожащую девушку — теплыми руками, летом в Балтиморе, — и позволил ей рассказать ему об отце, обо всем, что он узнал, читая ее бумаги. Он слушал и хладнокровно обдумывал, как лучше залечить ее раны, какие слабости оставить, чтобы управлять ею, и как скоро она сможет стать равной и близнецам Меркурио, и Джанет Линдберг, и Ясмин Оксенти, и Рональду Томпсону.

Понедельник, 5 июля 1999, 8:06 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Хеша поднялся со своего места для отдыха и обнаружил, что Томпсон уже ждет его.

— Добрый вечер, сэр, — сказал гонец, явно нервничая. — Я… я принял решение, сэр. Насчет “завещания”, которое мы обсуждали. — Хеша присел на край каменной скамьи. — Я хотел бы стать одним из членов Семьи, господин.

Хеша кивнул и своим наименее человеческим тоном спросил:

— Ты решил стать проклятым, проклятым, запрещенным солнцем, запрещенным сердцем, связанным служением Сету и через него связанным служением Апепу?

Томпсон пошатнулся.

— Сэр?

— У тебя есть цель в голове, которая наполнит века и будет гнать тебя вперед каждую ночь без отчаяния?

Томпсон ничего не сказал. Хеша встал и подошел к своему слуге. Они стояли лицом к лицу, в нескольких дюймах друг от друга, и смертный чувствовал холод от одежды другого — температуру камней вокруг них — пещерный холод.

— Вы принимаете риск того, что можете потерять рассудок, как каинит, которого мы уничтожили в Мексике? — Хеша схватил своего человека за челюсть. Сетит приподнялся, пока ноги не перестали касаться земли, и уставился золотисто-огненными и щелевидными зрачками в сине-серые глаза Томпсона.

Они не отрывались друг от друга почти две минуты... а потом Хеша мягко опустил своего слугу на землю.

— Вы думали о том, что знаете, — сказал он. — Сегодня я рассказал вам то, чего вы не знали. Подумайте о них. Задавайте мне вопросы. Считайте, что ваше обучение началось, и начинайте искать среди своих людей замену на ваше место. Если после того, как ты узнаешь о последствиях, ты все еще будешь желать благословения Сета, нам понадобится человек из службы безопасности, такой же хороший, как ты сам.

Хеша бросил взгляд назад на смертного.

— И расслабься, Томпсон. Ты только что прошел испытание. Будут и другие, но если ты в любой момент передумаешь, ты можешь свернуть с пути. Нет необходимости “выпускаться”.

— Теперь, — продолжил он привычным тоном, — Доложите, пожалуйста.

Полчаса спустя Хеша и Томпсон сидели за подковообразной консолью, просматривая записи за день. В черно-белых, цветных и тепловых регистраторах различные виды из системы безопасности фермерского дома окружали главную экспозицию. Снаружи сильный ветер создавал путаницу из качающихся деревьев и орляка. Съемки интерьера были более спокойными. Асп переходил от одного экрана к другому — из кухни на главную лестницу и в свою комнату наверху. Элизабет сидела в центре другого экрана, неподвижная, за исключением одной руки и руки с длинным пинцетом, который они держали. Ее точные движения происходили без спешки и колебаний, но иначе она могла бы быть статуей.

— Элизабет Димитрос, — пробормотал Хеша, — в практических целях является сиротой. Вы читали ее досье?

— Конечно.

— Хорошо. Ей нужна семья, Томпсон. Мы ее обеспечим. — Он сделал паузу и встретился взглядом со своим будущим наследником. — Я хочу, чтобы она стала воспринимать меня как отца. Я бы хотел, чтобы ты использовал свои таланты, чтобы вжиться в роль старшего брата или дяди, в зависимости от того, что ты предпочитаешь. Считай это своим первым заданием на новом пути. Не действуй, но используй те части своей личности, которые будут более полезны. Не говорите прямой лжи, если можете помочь. Подразумевайте то, что хотите. Меньше — больше, Томпсон. Понятно?

— Да, сэр.

— Превосходно. Приготовьте машину. Я сделаю символический вид нашему гостю и присоединюсь к вам в гараже через двадцать минут.

Вторник, 6 июля 1999, 3:41 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Рон Томпсон легко вошел через открытую дверь мастерской и позвал.

— Лиз? Лиз? — Он обогнул угол и обнаружил, что она медленно мажет поверхность картины. — Вот ты где, — сказал он без необходимости. — Подожди... Это та маленькая квадратная вещь, которую ты начала на прошлой неделе?

Элизабет кивнула и осторожно отвела чистящее средство от холста.

— Жанровая картина.

— Жанр?

Томпсон придал этому единственному слову дружелюбное, заинтересованное звучание и был рад увидеть ее реакцию; она улыбнулась и, повернув к нему картину, объяснила ее в манере, не покровительственной и не сухой.

— Норман Рокуэлл около 1630 года. Жизнь простых людей в Бенилюксе.

— Вау. — Он шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть ее, старательно не нависая над ней. — Это выглядело так же, как грязь до твоего прихода. Что они делают?

— Работа на ферме. Завтра будет больше подробностей. — Она снова уткнулась в него.

Томпсон еще некоторое время наблюдал, выжидая.

— Я подумал, не хочешь ли ты пойти со мной по делам. Мне нужно сделать покупки для дома и кое-что для себя. Не знаю, нужно ли вам что-нибудь, но если вы хотите дать мне список или пойти со мной сами, там есть торговый центр и магазин художественных принадлежностей, в который обычно ходил Вегель.

— Вы можете подождать полчаса? Это почти готово.

— Конечно.

Среда, 7 июля 1999, 2:03 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

— Доброе утро, Асп. — Элизабет склонилась над центральным островом кухни и наблюдала, как повар работает над какой-то розово-серый смесью в стальной миске. Она подняла бровь.

— Паштет из тунца, — сказал он. — Мы снова играем в “угадай блюдо”. Для вас это завтрак, не так ли? У босса ранний обед или поздний, я не уверен, а старый добрый Рон еще не появился. Так что план — сэндвичи.

В зеркальном отражении миски он наблюдал, как женщина садится за стол с книгой и содовой. Он сосредоточился на ингредиентах, которые его брат оставил для обеда. Ему хотелось, чтобы Габриэль был менее профессионалом на кухне.

— Релиш? — спросил он, когда хлеб был нарезан и готов.

— Что именно? — беззастенчиво подколола она, но Асп не понял шутки. — Прости. Да, пожалуйста. Сладкий смак — при условии, что это соленые огурцы и ничего странного, вроде окры, гуавы или чего-то подобного.

Рафаэль снова засмеялся. Элизабет испуганно подняла голову.

— Вы что-то имеете против новой кухни? — Он хмуро смотрел на приправы; он не обращал на нее особого внимания.

— Не так ли? — спросила она, наблюдая за ним.

— Ну, я с Роном. Если это настолько плохая идея, что приходится говорить по-французски, он против... с, — хмыкнул Рафаэль, — несколькими исключениями..... Он помахал своим

широким ножом над различными смесями, лежащими перед ним, и начал намазывать соус на ломтики хлеба. Элизабет с улыбкой взяла еду, сбежала вниз по лестнице и с чем-то похожим на страх оглянулась на кухню. Глупо, поняла она, вдруг сторониться человека, потому что его смех был... немного... другим. Неужели она неправильно оценила его чувство юмора? Она стала воспринимать Анджело как... пока еще не друга, но, безусловно, потенциального друга. Теперь, когда она узнала его получше, она боялась, что он будет скорее терпеть, чем любить.

— Томпсон, — сказал Хеша. — Ваше новое задание? — Старый полицейский закрыл свой блокнот. — Мисс Димитрос и я теперь полностью Лиз и Рон, сэр. Она любит бейсбол, шоколад, тайны и драму. Она считает, что у Вегеля был прекрасный вкус на приключенческие истории и остросюжетные романы, и мы заглянули к нему в книжный магазин по дороге домой. Она начала читать Шекспира, а я нашел серию полицейских сериалов, с которой она не была знакома. Она — младшая сестра, которой у меня никогда не было...

— Да.— сухо сказал Хеша. — Очень хорошо. Займись делом. Я намереваюсь провести с ней долгий сеанс сегодня вечером. Он подошел к двери своей квартиры, исчез внутри и вышел обратно, надев свои очки, в которых выглядел самым пожилым человеком.

— Они прибавляют десять лет, сэр.

— Хорошо. Надеюсь, этого достаточно.

Во время разговора за папирусом Хеша перевел тему на свою цель.

— Что это я слышу о твоей диссертации?

— Простите?

— Томпсон уже почти неделю говорит о быках, глазах и рыбе. Почему-то, — улыбнулся он, — у меня такое чувство, что он немного запутался.

Томпсон, слушавший из бункера безопасности, фыркнул. Он доложил историю о быке с полной точностью и понял каждое слово. Тем не менее, если это приведет босса туда, куда им нужно... Да. Вот она.

Элизабет вынесла прочный ящик для рукописей, а Хеша указала на самый большой пустой стол. Говоря со скоростью и энтузиазмом, присущими только аспирантам, изучающим среднюю теорию, она разложила на полированной поверхности заметки, рисунки и графики. Она пододвинула стул с прямой спинкой и уселась в него с петушиным взглядом, подогнув под себя одну ногу, передавая Хеше диаграммы и сводки так быстро, как только он успевал их читать. Очки были вынуты из футляра, и вместе с ними появилась его лучшая профессорская, отцовская манера.

Томпсон, отдохнув от собственной работы, снова включил звук на центральном экране. Записи Элизабет полностью покрывали поверхность огромного стола, поверх них лежали открытые книги — некоторые из них принадлежали Вегелю. Светло-голубые липкие заметки почти скрывали края самого большого тома, и он узнал его: она прикрепила его в тот момент, когда ей показали комнату мертвеца.

...Хорошо. Сильный аргумент, сильная защита. Он снова устроился в большом кресле.

— Но ты никогда не сделаешь из этого диссертацию.

Элизабет покраснела и начала говорить. Хеша прервал ее открытой рукой.

— Как долго ты пытаешься? — Лицо девушки стало сердито-белым. — Здесь слишком много всего, Элизабет. У тебя

здесь целая книга, возможно, многотомное произведение. Возьми пять процентов от нее, ограничь объем и напиши это. Получите степень и начните публиковать части в журналах. Но это... это слишком много.

Облегченная, возмущенная, но в целом довольная, Элизабет немного расслабилась в прямой спине. Хеша ободряюще похлопал ее по руке.

Дебаты продолжались, но Томпсон уже не слушал. Он видел, что случилось с глазами девушки, когда Хеша дотронулся до нее. Десятилетних очков было недостаточно. Он надеялся, что Хеша заметил выражение лица Элизабет, и молился, чтобы Хеша ожидал этого.

Четверг, 8 июля 1999, 9:14 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Рональд Томпсон проснулся от толчка.

Сигнал тревоги — судя по тону, где-то внутри дома. Он откинул одеяло и открыл панель у кровати — по периметру горел зеленый свет — сам дом был в безопасности, согласно системе, но злоумышленник добрался до хранилища Вегеля. Солнце, проникающее через окна, напомнило ему, что Хеша уже спит.

Томпсон побежал по коридору и перепрыгнул почти всю лестницу на второй этаж, на ходу крича “Асп”. Слава Богу, что здесь был Рафаэль — если им придется драться, это маленькое кровожадное существо будет лучше близнецов.

Он откинул дверь лифта в сторону и понесся вниз на второй этаж так быстро, как только мог. Его желудок возражал против такого падения, и он проклинал Лиз за тот фарс, в который им всем пришлось играть. Его место было в его комнате в бункере безопасности, а не наверху, в этом пропитанном сквозняками реликте дома. Томпсон выругался и взял один из пистолетов со стеллажа у дверей шахты. Его глаза просканировали световые коды, когда он пробегал через станцию наблюдения, и он снова поклялся. Не нужно было проклинать Лиз. Проникновение злоумышленника было из ее комнаты; проклятый каинит позаботился бы о ней, прежде чем взламывать дверь. Вегель, должно быть, был схвачен, а не убит.

Дверь из хранилища Вегеля в хранилище Хеши была по-прежнему закрыта. Хорошо. Возможно, будет время посмотреть, кто или что попало внутрь. Он включил свет и камеру на полную мощность в комнате из резного камня и замер.

Элизабет Димитрос, одетая в светло-голубую полосатую пижаму, бесцельно бродила по склепу. Дверь в ее комнату — комнату Вегеля — была приоткрыта. Из квартиры не проникал свет.

Томпсон опустил пистолет. Он нажал кнопку внутренней связи со своим союзником и отозвал убийцу.

— Это всего лишь Лиз, Асп. Похоже, она ходит во сне.

— Ты меня обманываешь.

— Нет. Наверное, защелка на двери неисправна. Я поднимусь и уложу ее обратно в постель, пока она не стукнулась головой о камень и не проснулась. — Томпсон выключил свет в хранилище до мощности свечи, заменил автомат и принялся наводить порядок в доме.

Хеша вышел из своего покоя во внешнюю комнату. Он был слегка удивлен, увидев Томпсона уже в комнате, и еще более удивлен тем, что слуга не ждал его. Дверь в апартаменты Вегеля была открыта, и руки Томпсона были заняты хрупкими механизмами, удерживающими ее на замке.

— Томпсон? — Хеша поднял эбеновую бровь, и его человек встал, чтобы заговорить.

— Улов был свободен, сэр. — Он открыл было рот, чтобы продолжить, но тут вмешался Хеша.

— Где Элизабет?

— Я попросил ее забрать почту. Все в порядке — я установил ящик только с теми вещами, которые она должна там видеть. Но мне пришлось вытащить ее из дома, чтобы поработать над этим.

— И мы абсолютно точно должны исправить этот улов сегодня, потому что...?

Томпсон стиснул зубы от тона Сетита, но ответил достаточно спокойно.

— Потому что наша Лиз ходит во сне, а сегодня утром она, сама того не замечая, наткнулась на дверь Вегеля. Я подумал, что вы хотели бы, чтобы безопасные зоны были под охраной, сэр.

Хеша кивнул.

— Конечно. — Он посмотрел на кромку замка двери и внимательно изучил работу. — Спасибо, Томпсон.

После конференции на закате Хеша последовал за Томпсоном в бункер, и смертный достал утренние записи для своего работодателя.

Элизабет, как они увидели через камеры, работала над валуном, неуклонно счищая нетронутый ранее участок грязи. Хеша поручил Томпсону перепроверить все скрытые двери, панели, желоба и тайники в других частях дома.

Хеша сел за пульт и вставлял в аппараты видеозапись за видеозаписью. Он установил счетчики так, чтобы весь банк записей начинался в одно и то же время — примерно за час до бешеного утреннего рывка Томпсона. Он ждал с терпением смерти, и в конце концов в комнате Вегеля началось движение.

Спящая женщина неловко ворочалась на массивной кровати. Простыни запутались вокруг ее ног, а пижама сползла до того, что первая пуговица едва не задушила ее. Еще через десять минут ее дергающиеся, бессознательные движения освободили ноги, но теперь они свисали через край матраса. Палец коснулся пола, и она села. Она соскользнула с кровати и побрела к шкафам. Неуверенные руки открыли ящик, и она

вытащила пару носков. Затем носки были положены на кровать и, по-видимому, забыты.

Элизабет, с полуоткрытыми глазами, шаркала к письменному столу. Ластиком на конце карандаша она ничего не писала — частично на листе бумаги, который лежал на столе, частично на дереве и коже рабочего стола. Она прошла вдоль стены с булавочными подушками обратно к шкафу в конце комнаты, рассеянно играя с прикрепленными записями и статьями. Ее тело скрывало пружинную защелку от глаз камеры, поэтому он не мог видеть, как произошел несчастный случай, но дверь приоткрылась, и женщина вышла на холодный каменный пол склепа.

Хеша безучастно наблюдал, как другие камеры начали показывать действия — полуобнаженная Томпсон бегает по дому, как скачущий домкрат, Асп ловко спускается по лестнице из кухни, оружие наготове, Томпсон в лифте, в бункере, в комнате с лунатиком, дергает ее за рукав, закрывает дверь и легонько подталкивает к кровати.

Хеша смотрел, как Томпсон наблюдает за Элизабет, когда она снова погрузилась в настоящий сон. Старый полицейский стоял неподвижно, как статуя, в течение восьми минут, затем повернулся и вышел через видимую дверь. Все восемь минут Сетит наблюдал за смертными, запечатленными на камеру, а затем его палец ткнул в кнопку выключения.

— Безопасно? — Хеша спросил Томпсона, который как раз возвращался с обхода.

— Да, сэр.

В тот же миг их взгляды устремились на центральный монитор. После отключения игроков настройки вернулись к последнему варианту Томпсона, и Элизабет и валун отображались в беззвучном цвете. Асп только что появился в поле зрения.

Рафаэль Меркурио нес поднос с чили, который, как с благодарностью понял Томпсон, был разогретой работой другого близнеца. Элизабет вежливо улыбнулась, но отошла в самый дальний угол рабочей зоны.

Асп смахнул пыль с маленького столика. Он поставил свою ношу на него, прямо за холстом, с изящным росчерком, улыбкой и шуткой. Элизабет снова улыбнулась, но глаза ее дрожали, и она осталась на месте. Пыльный палец указал на грязь, и она что-то сказала — Хеша наклонился вперед и вызвал звук.

— Этот последний дюйм заранее. — Ее тонкая улыбка появилась снова. — Но спасибо, что спустили его вниз. Это очень мило с вашей стороны.

— Нет, нет. Это моя работа — я должна следить за тем, чтобы ты не голодала, Лиз. Ты красивая девушка — ты должна сохранить кожу на костях и розы на щеках, понимаешь? Здесь не только я; ты имеешь дело с поколениями бабушек Меркурио, которые стоят через мое левое плечо, и они продолжают об этом говорить. Он засмеялся, и она попыталась улыбнуться.

Асп оставил Элизабет ужинать. Она не покидала безопасного холщового ковра, пока его нога не соскочила с верхней ступеньки, и облегчение на ее лице было очевидным.

— Святое дерьмо… — прошептал Томпсон. — Она знает?

Хеша смотрел, как его гостья вытирает руки и садится есть. Она подозрительно принюхалась к еде и без энтузиазма взялась за ложку.

— Нет, — сказал Хеша. — Думаю, нет. Просто хорошие инстинкты. Она боится его… и это интересно. — Он повернулся в консольном кресле и посмотрел на своего протеже.

— Может, мне вызвать Гейба из города?

— Я думаю, это было бы к лучшему. Страх может вызвать беспокойный сон. Держи Рафаэля подальше от нее, пока мы не сможем переключиться.

***

— Не хотите ли оказать честь? — спросила Элизабет, удерживая почти освобожденный фрагмент осколка и грязи между руками в перчатках.

— Спасибо, — ровно сказал Хеша. Он взялся за зубочистку и с профессиональным мастерством соскоблил тонкие гребни глины, поддерживавшие бока кувшина и ручку в валуне. Меньше чем через минуту хрупкое керамическое изделие сдвинулось в матрице, и он взялся за приемный лоток.

Элизабет осторожно опустила листовидный фрагмент в маленькую корзину, не торопясь выбрать такое положение, чтобы собственный вес осколка не подвергал его опасности.

— Вниз, — сказала она.

— Вниз, — подтвердил Хеша и отставил поднос в сторону.

Они прислонились спиной к ступеням из парусины и рассматривали свое с таким трудом добытое сокровище. Все еще покрытое грязью и пылью из своей тюрьмы, оно было невыразительного, рассыпчатого коричневого цвета.

— Это не много, не так ли? — скорбела Элизабет.

Хеша покачал головой и улыбнулся.

— Оно старше нас. Этого достаточно, на данный момент. И он может соответствовать некоторым осколкам Вегеля.

— Это все еще не много. Прости, что вытащил тебя сюда ради этого, но на последнем этапе… двух рук было недостаточно, и я не смог найти Рона.

Хеша кивнул, но рискнул:

— Меркурио на кухне…

Элизабет стала розовой и нырнула обратно в валун.

Хеша прочитал ее слова, не забывая об инструктаже Томпсона. Возможно, это страх перед Аспом придал ей цвет, но он подозревал, что она даже не искала ни того, ни другого… свободный фрагмент — прекрасный повод увидеться с ним, Хешей, лично. Он решил сохранить деловой настрой на этот вечер. Усевшись на край холщового ящика, он молча наблюдал за ходом работы. Женщина полностью отказалась от тех участков, которые Вегель всегда считал наиболее перспективными, и ее руки были заняты внутри большого кратера под ними.

Элизабет внутренне поморщилась. Асп, теперь, когда она знала его лучше, заставил ее волосы на спине подняться, а кулаки чесаться — ей все же следовало пойти к нему, а не беспокоить своего работодателя. Она застенчиво заправила за уши несколько выбившихся прядей волос. Однако у глупости были свои преимущества. Она призналась себе, что рада, что Хеша вышел из своего кабинета. Он сидел в трех шагах от нее. Его безупречно белые рукава рубашки были закатаны, помяты и испачканы от работы; его глаза цвета морской волны тлели… сосредоточенно глядя на камень, совершенно не обращая на нее внимания, разумеется.

— Что ты делаешь? — спросил Хеша.

Он говорил ученым голосом, на который она хорошо отреагировала во время работы над диссертацией. Элизабет засунула матерчатый пыж в самую глубокую часть отверстия и

проверила верхнюю часть двумя пальцами. Она прочистила горло.

— Ну, профессор, — начала она, изображая (как он надеялся) серьезную молодую студентку, — мне пришло в голову, что слой, который обнажил мистер Вегель, слишком загроможден, чтобы можно было добиться реального прогресса. Я намерен изолировать захламленную проекцию и удалить ее из тела раскопок. Я ожидаю, что затем будет легче отделить осколки… работая, так сказать, с тыла.

— Продолжайте, мисс Димитрос.

— Вот и все. — Она застенчиво засмеялась. — Если предположение Вегеля о порядке седиментации этой штуки верно, то мне, вероятно, придется вернуться к тому, чтобы делать это сложным способом. Но я думаю, что он был прав лишь в основном. Хеша изучал камень. — И камень — это просто “эта штука”? — Она тупо уставилась на него. — Это не он, не она, не… — Элизабет покраснела, а Хеша усмехнулся. — Что это?

— О, Господи! — Она обиженно пнула ногой драпировку на холсте. — Я расскажу тебе одну историю однажды…

— Продолжайте.

— Это оно. Это камень Сизифа. Он большой и громоздкий, и когда бы ты ни добрался с ним до цели, — она жестом указала на листовидный осколок в мусорном ведре, — ты оказываешься там, откуда начал, ужасно разочарованный тем, что за целью нет ничего, кроме другой цели, точно такой же, как и первая. Она нахмурилась, глядя в отверстие. — Как долго Вегель работал над этой штукой?

Хеша нахмурился.

— Долго.

— А Сизиф, вероятно, все еще поднимает на гору свои страдания, вину и стыд. Предполагается, что он был умным парнем; можно подумать, что он что-то с этим сделает. — Она поймала пытливый взгляд Хеши и продолжила. — В аду должны быть и другие камни. Если бы он поднял один из них и каждый раз хорошенько ударял валун в одно и то же место, в конце концов образовалась бы трещина... и в одно из этих тысячелетий вся эта штука раскололась бы, когда она будет спускаться с горы. Простите; я лепечу. Они, вероятно, закатали его мудрость где-то в скале... это аллегория, в конце концов.

Хеша ничего не сказал, и Элизабет вернулась к кратеру, который она буравила метафорой. Сизиф... тщетность... как подходяще... не отвлекайся от работы, Лиззи... и держись от него подальше. Решительно, она продолжала скрести по камню. Лучше всего вернуться домой к Резерфордам, не выставляя себя на посмешище. Важный клиент... крепкие деловые отношения... уступит тебе мисс Агнес... ему нужны картины, а ты чертовски хороша в консервации...

— Что дальше? — спросил Хеша.

— Стабилизация внутренней поверхности. Это глазурь..., — она замолчала, глядя на камень. И может быть, вы найдете в этой штуке что-нибудь приличное... не разбитое... или тонко украшенное... или кости... или даже... металл.....

— Ваш следующий проект, — уточнил Хеша.

— Простите. Я планировал продолжать работать над этим еще несколько часов, а затем начать наносить мазки на другой холст.

— Сегодня не будет папируса?

Лиз потянулась и озадаченно посмотрела на огромную массу.

— Я вижу иероглифы во сне, в данный момент. Мне нужны перемены... и есть что-то приятное в том, чтобы покопаться в этом. Соберите что-нибудь там, — она жестом указала на длинный стол, — разберите что-нибудь здесь. — Элизабет слегка щелкнула инструментами в одной руке и слегка пожала плечами. — Я могу поработать над папирусом, если вы предпочитаете именно это?

— Пожалуйста, делайте, что хотите. Картины получаются достаточно хорошо. — Он ждал, наполовину ожидая, что она затянет встречу. Однако в данный момент она, похоже, больше интересовалась валуном Вегеля, чем им. “Хорошо”, подумал он. Томпсон, должно быть, ошибся. Он резко встал, смахнул пыль с одежды и кожи и повернулся, чтобы идти в кабинет. Элизабет даже не подняла глаз, а Хеша вышел из комнаты в извращенно-недовольном настроении.

Пятница, 9 июля 1999, 10:43 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

— Хеша? — спросила Лиз, не поднимая глаз от папируса.

Сетит остановился в удивлении, посмотрел на свои негнущиеся ноги в чулках и ответил:

— Да. Он сел напротив нее за стол и взял свои щипцы. — Сегодня у тебя хорошие успехи, — заметил он.

— Это легкий участок, я думаю.

Хеша сравнила свою работу за несколько ночей — этот кусок был не проще других; должно быть, она начала запоминать иероглифы. Да и спала она в предыдущую ночь крепче, хотя вряд ли можно было ожидать, что она об этом узнает. Но Элизабет выглядела довольно воодушевленной — она была довольна собой до непонятной степени.

Он наблюдал, как она ловко сложила пять обрывков вместе, чтобы получился один знак пера, и хотя следующий глиф был необычным, ее глаза лишь на мгновение обратились к записям, разложенным на стекле, прежде чем найти его. В том, как она сидела, тоже было что-то странное... Он начал манипулировать осколками на своей половине, чтобы скрыть любопытство.

Угол стула был обычным... ее бедра изогнулись в сиденье таким же образом... легкий поворот спины, чтобы ее длинная шея и хрупкие плечи удобно располагались над работой... но ее плечи были неправильными. Рука с пинцетом — нет, другая рука — вместо свободных, расслабленных пальцев, перелистывающих транслитерации Вегеля, была сомкнута почти в кулак, прижатый к столешнице. Ее пульс учащался тем быстрее, чем дольше он сидел с ней... что было в ее руке? Он

почувствовал на себе взгляд Элизабет и серьезно склонился над работой.

— У меня есть для тебя подарок, — сказала она в конце концов. — Хеша улыбнулся самой милой кошачьей улыбкой, которую он когда-либо видел, а янтарные огоньки в ее глазах были просто искрами. — Открой руку и закрой глаза, и так далее, и так далее.

— Пардон?

— Вот.

Она перевернула левую руку, и на ладони лежало металлическое кольцо. Оно сияло темно-коричневым цветом, совершенно незапятнанное, и Хеша никогда не видел его раньше. Он взял его теплым с ее тела и посмотрел на скульптурную поверхность через свои стариковские очки.

— Это приз из камня мистера Вегеля, — сказала Элизабет. — Мудрость Сизифа, так сказать.

— Уроборос, — прошептал Хеша.

— Бронза, — с нетерпением сказала она, — Хотя почему она не позеленела полностью, я не могу себе представить. Я намерена изучить окружающий материал.

Хеша почти не слышал ее.

Бронза, да, хотя он догадывался, почему металл сохранился. Никаких надписей... никаких следов на внутренней стороне. Он обратил внимание на рисунок — две змеи, обе самоотверженные, обвились вокруг друг друга в противоположных направлениях. Головы и хвосты сошлись в верхней части изделия, и переплетенные тела образовали тугой узел.

— Прекрасно, — прошептал он.

Она засмеялась.

— Если вы любите змей. — Она откинулась в кресле. — А если серьезно, то я с вами согласна.

Элизабет смотрела, как он смотрит на маленькое кольцо, и решила оставить его наедине с этим. Она снова взяла щипцы и начала собирать разбросанные обрывки.

Сетит провел пальцами по внешней стороне кольца.

— Вы уже примерили это? — пробормотал он своему спутнику.

— Да, — призналась она. — Вкратце, чтобы узнать приблизительный размер. У меня есть все измерения и данные о раскопках, записанные в журнале валунов, который вел мистер Вегель.

Значит, ловушек нет. Тем не менее, он должен был осмотреть ее более тщательно, чтобы убедиться, что она действительно безопасна. Он также будет внимательно следить за женщиной… возможно, эта штука была каким-то образом активна, и любые последствия будут информативны.

— Греческий, не находите? — сказала она, заметив, что его пристальное изучение приза закончено. — Я не могу вспомнить ни одного идентичного дизайна, но я подумала, что мотив двух змей может помочь в определении периода и цели. Культовый предмет или, возможно, пророческая атрибутика. Терезия и змеи в хлеву, знаете ли. Есть внешняя вероятность медицинской символики, но я думаю, что если бы скульптор имел в виду кадуцей, он бы сделал кадуцей.

Хеша сунул кольцо в нагрудный карман.

— Хорошая работа, — отрывисто сказал он.

— Просто повезло, — скромно ответила Элизабет.

Суббота, 10 июля 1999, 9:28 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Рональд Томпсон проснулся с крепко сжатой челюстью. Чертовски хороший сон, испорченный. Сны снились не часто. Забыть его уже...

Проклятый будильник.

Он открыл панель, не покидая мягкого кокона своей кровати. Это был внутренний пролом; квартира Вегеля снова превратилась в склеп Вегеля. Он выругался самыми нецензурными словами, какие только мог придумать, и набросил халат на свою изрезанную грудь. Дверь была закреплена... да, дверь была закреплена... должно быть, она подсознательно задвинула засов... возможно, дверь вообще никогда не была свободна... что ж, на этот раз он заклинит ее с каменной стороны, и сколько бы ее сонные пальцы ни играли с засовом, больше не будет никаких полуночных-полуутренних, будь они прокляты, будильников.

Он спускался по лестнице старого дома, по лестнице в подвал и по деревянным полам подвальных комнат. Его шаг стал легче, когда он подошел к дому Элизабет, и он осторожно положил руку на ручку ее двери.

Мгновенно тон сигнала тревоги изменился. От настойчивого низкого G он поднялся и зазвучал на октаву выше — его затычка в ухе запульсировала от дрожащей ноты. Он оттянул назад свои цепкие пальцы, как бы желая заглушить шум, но он знал этот звук. Где-то был второй пролом. Рука и ручка совпали; он распахнул дверь и обнаружил, что квартира Вегеля заброшена. Он включил свет и увидел, что дверь в склеп закрыта.

— Асп, — прошептал он в переговорное устройство Элизабет. — Включи микрофон и следуй за мной. Томпсон тихо подошел к секретной панели, отключил сигнализацию и открыл проход в склеп. Тон в его ушах затих совершенно неожиданно.

— Где она? — спросил он у пустой комнаты.

— Ее нет на ваших чертовых экранах, — сказал его беруш.

Томпсон закончил осматривать неровные изгибы и препятствия в хранилище, и его желудок перевернулся. В комплексе была только одна комната, которую нельзя было увидеть из бункера безопасности.

— Запустите журнал обратно, Асп.

Раздался ряд звуков клавиатуры, низкий свист и голос Рафаэля, мягкий и мурлыкающий.

— Ее дверь в 9:28:17. Она закрылась в 9:28:39. Возможно, она... столкнулась с ним. Его дверь в 9:29:27. Она автоматически закрылась через 10 секунд. Прости, Рон. Я знаю, она тебе нравилась.

Томпсон тяжело опустился на край каменной скамьи.

— Проклятье. — Он посмотрел на свои босые ноги, на свой непрочный клетчатый фланелевый халат и повторил: — Черт. Проклятье. Асп, возьми крюк, фонарь, мои пожарные ботинки и набор. Принеси их сюда.

Рафаэль Меркурио открыл было рот, чтобы возразить, но вид широкой спины Томпсона и стиснутой челюсти на мониторе заставил его замолчать. Он потянулся за набором.

Рональд Томпсон стоял на пороге гробницы своего хозяина. Он был обут в толстые, доходящие до бедер сапоги. Его пижама была плотно заправлена в сапоги, а туго подпоясанные остатки

халата были завязаны на талии. В левой руке он держал длинную крючковатую палку, а указательный палец правой руки был занесен над палитрой, вырезанной руками писца. Позади него стоял Асп, готовый и молчаливый.

Томпсон нажал на задвижку, и дверь в святилище Хеши распахнулась. Он нажал на вторую задвижку, и дверь слегка осела на петлях. Теперь она останется открытой, как не открывалась для Элизабет.

Асп включил прожектор. Он был с любопытством заслонен и экранирован; лишь тусклый свет пробивался сквозь его мутную линзу. Этого было достаточно для двух наблюдавших мужчин; их глаза уже привыкли к полумраку камеры Вегеля. Когда вялая голова ближайшей к двери змеи зашевелилась, Томпсон легонько ткнул ее тупым концом крюка, и гадюка уползла в дыру в стене, ища свое логово с сердитым видом.

Томпсон шагнул вперед, и Асп подтолкнул лампу за ним. Перед ними было два коротких коридора. Они пошли по левому и осторожно двинулись по правому краю. На первом повороте они обогнули неглубокую яму, из глубины которой за ними наблюдали семь сонных глаз с двойными веками. На втором повороте, без всякой видимой причины, они ждали целую минуту, стоя вплотную друг к другу на одном и том же твердом камне.

— Рон, — начал Асп, — она уже мертва.

— Если она мертва, то где она?

— В правом проходе.

— Я ничего не слышал оттуда. Правда? — Рафаэль затих. Он без комментариев достал свой собственный крючок-петлю и согнал любопытного соседа с выступа неподалеку.

Они снова двинулись вперед и благополучно добрались до последней площадки узкой винтовой лестницы. Асп вложил лампу в протянутую руку своего напарника и повернулся, чтобы посмотреть на ступеньки позади них. В камеру он не видел: потолок лестницы был низким и крутым, и он был начеку еще до того, как открывающаяся дверь закончила свою медленную дугу.

Томпсон видел.

Он видел слабые, высокие изгибы едва освещенных картин, исчезающих в черноте. Он видел тени более близких тайн, расположенных вдоль стен. На краю света он увидел закрытый саркофаг. Он увидел неподвижную, погруженную в ночную тьму фигуру своего хозяина, распростертого на нем, обнаженного до пояса. Он увидел женщину, задрапированную в сложенную белую ткань, которая плотно прилегала к ее телу. Он увидел ее темные волосы, заплетенные в косы и собранные в густой головной убор. На шее, запястьях и лодыжках тускло поблескивало золото. Девушка — королева — богиня — она взяла черную руку стоявшего перед ней мужчины и беззвучно приказала ему подняться.

Томпсон стоял в дверях в шоке; это было так похоже на сцену с картины Вегеля — и он знал, что это обман света. Иллюзия померкла — случайное сходство исчезло, когда женщина продолжила движение, и он увидел правду.

Элизабет стояла над мертвым, холодным трупом Хеши, прижимая безжизненную руку к щеке. Она плакала полузадушенными рыданиями, тихо, но так, словно ее сердце вот-вот разорвется. Глаза ее были закрыты, и если в ее скорби и были слова, Томпсон не мог их расслышать.

Он сделал шаг вниз, и лампа упала вместе с ним. Льняное платье было простой белой ночной рубашкой, измятой и перекрученной так, что складки издалека казались складками. Ее волосы были спутаны. По мере того как он двигался, они все

меньше напоминали парик высокородной дамы и все больше — лихорадочные локоны. Ее украшения были не из золота, а из живой меди.

А пол был покрыт — покрыт так густо, что светло-серый камень просвечивал лишь в крошечных пятнах — тем же смертоносным расплавленным металлом: сотни и сотни медянок. Томпсон окинул взглядом море наглых спин и содрогнулся.

— Сколько выстрелов в комплекте, Асп?

— Два.

— Тогда оставайся здесь.

— Это был мой план.

Томпсон медленно полз по каменному полу склепа, прокладывая перед собой крюком четкий путь. Асп перебрался на нижнюю ступеньку и отрегулировал лампу, чтобы помочь идущему человеку — Томпсон чувствовал на своей спине взгляд убийцы. Свет творил странные вещи с тенями, и края темноты двигались вместе с телами ее обитателей. Старый полицейский инстинктивно чувствовал, как за ним закрывается путь, и удивлялся, как, черт возьми, он вообще может вынести с собой тело — мертвое, спящее или в панике и шоке от укуса змеи.

— Подожди, Рон.

Томпсон поворачивался на плечах, бедрах и коленях. Он не осмеливался двигать ногами. Неудобно, но он поднял глаза на своего напарника. Руки Рафаэля держали тонкий шнур — провод для лампы. Маленький нож отрезал его.

— Вот, лови. Привяжи его к талии. — Он привязал свой конец узлом к комплекту и закрепил пластиковую коробку за

хлипкими петлями двери. — Я принесу вниз веревку покрепче и перчатки. Они тебе понадобятся. И Асп исчез на лестнице.

Томпсон покорно смотрел, как он уходит. Он сделал аккуратную обвязку вокруг бедер и сосредоточил свое внимание на полу.

Крючок, чисто, шаг. Шаг.

Крючок, подталкивание, угол, снова крючок. Чисто. Шаг.

Шаг. Половина пути, сейчас.

Шаг в ширину. Отбросьте тяжелое тело, преградившее прямой путь.

Шаг за шагом. Шаг и ботинок Томпсона скользнул по старой, сплющенной, серебристой коже. Она шелковисто заскрипела под резиновыми шипами и подбросила его. Он резко дернулся, пытаясь удержать равновесие, — крюк вырвался из правой руки и шмякнулся о камень. Другая нога шлепнулась рядом с головой маленького, пугливого существа, и вибрация от всего этого происшествия разнеслась по комнате. Когда бешеные движения прекратились, змей почти не было видно, но три взрослые особи уже свернулись калачиком. Томпсон оставил ноги и крюк там, где они были, и перешел на дыхание, которое почти не было напряженным, неглубокие движения ребер, от которых болели голова и бока, но которые вызывали очень, очень мало шума. Один за другим претенденты расслаблялись и ложились. Томпсон выпрямил ноги и лодыжки, поднял крюк с самым маленьким и слабым крючком пальцы левой руки — единственные два, которые удерживали инструмент от полного разрушения — и начал снова.

Шаг.

Шаг, крючок, чистый, шаг.

Он был у саркофага. Он коснулся ее плеча, и она пробормотала что-то непонятное. Она спала по-прежнему, каким-то образом, и цвет ее кожи был здоровым — ее не укусили. Томпсон надеялся, что чудо будет продолжаться, и молился, чтобы чудеса были заразными.

— Рон.

Томпсон посмотрел на лестничную площадку.

— Да.

— Вытянитесь в линию.

Томпсон взял прямой конец шнура и начал тянуть его за собой. Позади него катилась картонная коробка. Из коробки тянулась еще веревка. Это создавало ужасающий грохот, и все больше змей убегало от монстра. Он маньячно ухмылялся, глядя, как трое его противников наносят удары, а затем разбегаются от странной и отвратительной штуки, которая больно резала им зубы.

В коробке были перчатки, и Томпсон надел их. Он закрепил крепкую веревку на талии и должен был зацепить ею Элизабет.

Но когда Томпсон посмотрел вниз, в глаза старой, старой медянки, которая обвилась вокруг шеи и груди женщины, он понял, что это существо никогда не позволит ему сделать это добровольно. Там, где раньше его чутье подсказывало опасность, теперь его разум перевернулся от осознания того, что древняя рептилия мыслит и сражается в том же духе, что и он.

Следя одним глазом за ошейником, он потянулся к юной, стройной, сверкающей форме браслета. В мгновение ока он обхватил малышку за шею и зашвырнул ее далеко в темные уголки гробницы. Шаркая ногами, он приблизился, и птенец с другого ее запястья присоединился к своему кузену. Голова

ошейника повернулась к нему, и он обиженно моргнул золотистыми глазами.

Томпсон вздохнул. Он освободил крючком большое пространство на полу вокруг них и медленно опустился на колени у ног Элизабет. Браслеты были побольше, постарше. Он глубоко вздохнул и потянулся к левому. Над ним с шипением защелкнулся ошейник, и он остановился в середине движения. Нервы сдали, он откинулся на спинку стула и согнул руки в перчатках.

Когда он — и ошейник тоже, как он надеялся, — меньше всего этого ожидал, его правая рука сама собой вынырнула. Инстинкт был хорош. Он почувствовал, как тонкие челюстные кости зажаты между его пальцами, и разжал ее ногу быстрым, плавным движением. Он отклонился назад, чтобы бросить, и другой браслет ударил его чуть ниже колена.

— Черт, — воскликнул он и чуть не выронил змею, которую держал в руках. В нетерпении он щелкнул запястьем и послал тонкое тело в полет в космос. Он услышал, как оно приземлилось, слишком близко и с яростью.

Томпсон с трудом оторвал второй браслет. Стоя, он ощупал ноги Элизабет в поисках других змей и обнаружил одну, свернувшуюся, как подвязка, вокруг ее бедра. Она спустилась выше, и ему пришлось поднять платье до уровня бедер, чтобы поймать ее — она укусила бы ее за живот, но ему помешал большой палец. Кожа была недостаточно толстой, и на этот раз он почувствовал в ране дополнительное жало яда.

Ошейник снова зашипел. Томпсон напрягся, чтобы увидеть, что он делает. Его голова поднялась над уровнем саркофага как раз в тот момент, когда что-то ударило его в бок — по маркировке он понял, что это первый браслет, тот, который он бросил недостаточно далеко. Он перестал ругаться. Ничто не казалось адекватным.

В ярости Томпсон снова расчистил крючком пространство вокруг них. Не пытаясь отогнать гигантскую змею, он взял Элизабет за руку и стал уводить ее от Хеши. Ошейник предупреждающе шипел.

Томпсон продолжал идти.

Ошейник нависал над яремной веной Элизабет, вызывающе покачиваясь. Сама Элизабет споткнулась. Она все еще рыдала, и бледные полосы стекали по ее лицу, шее и на тусклое тело змеи.

Томпсон крепче и сильнее сжал ее руку.

Ошейник, ослепительно быстро, двинулся к открытой цели. Томпсон был готов, и он бросился прочь от девушки в тот момент, когда убедился, что медноголовый действительно идет за ним, а не за ней. Томпсон почувствовал, как огромные изогнутые клыки вошли в мясо его предплечья, намного выше перчатки. Его рука разорвалась. Кровь свободно потекла на камни. Старая змея потеряла зуб внутри своей жертвы, но импульс ее удара и выпад Томпсона вырвали ее хватку из шеи Элизабет. Томпсон поднялся на ноги, перекинул потерявшую сознание женщину через плечо и бросился бежать к лестнице.

Суббота, 10 Июль 1999, 7:48 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Хеша проснулся от неожиданной толчеи тяжелых тел. Медноголовые лежали, свернувшись вокруг него в чрезмерном, увесистом количестве, а Старший защитно обхватил его за плечи. Когда он начал шевелиться, то почувствовал на ухе мерцающий шепот языка патриарха.

— Свет, — тихо сказал он, и скрытые лампы засветились.

Хеша смерил взглядом старую змею и с шипением ответил.

Старший был ранен. Он обнажил сломанный клык и выгнул шею, чтобы лучше показать замену, сходящую с крыши его рта. Он жаловался. Он свернулся и отпрянул, потревожив меньших змей. Он был раздражен. Гнездо было небезопасно. Хранителей стало вдвое меньше. Те, кто мог, нашли убежище на теле своего союзника; те, кто не мог, ушли в свои зимние норы на полях вокруг Лорел Ридж.

Хеша успокаивал старого и верного слугу. Он провел руками по стройным спинам потомков медноголового. Со временем их шеи и животы снова оказались на полу, и камни не вызвали ничего неожиданного. Босые ноги Сетита плавно скользили среди них, не вызывая тревоги; он был членом семьи, и его запах был их запахом.

Убедившись, что вторжение было ограниченным — его сокровища и проекты остались нетронутыми, — он направился через центральный проход к склепу Вегеля. Он с интересом заметил, что дверь Элизабет была заколочена долотом.

— Томпсон.

Впервые за пятнадцать лет ответа не последовало.

— Томпсон, — повторил он с силой.

— Сэр. — Это был голос Аспа. — Сэр, Томпсон сейчас немного болен.

— Болезнь.

— Да, сэр. Не могли бы вы… не могли бы вы помочь мне с ним?

Каюта Томпсона была удобной, но скудно обставленной. Они упирались в книжные полки, заваленные старыми журналами, кассетами, потрепанными делами о настоящих преступлениях и прекрасным набором виниловых альбомов, которые он никогда не слушал. На стенах висело несколько старых сертификатов в тонких простых рамках. Был один хороший ковер; он купил его в Афганистане. Он был красивым и ценным, но у него был привлекло его прежде всего тем, что в дизайне — хотя он был традиционным во всех других отношениях — вместо случайных украшений были использованы упрощенные формы пулеметов и вертолетов.

Главный охранник Хеши Рухадзе сидел в старом, потрепанном кресле с маленькой мусорной корзиной на коленях. Его лицо было нездорово синим, глаза полузакрыты. Его правая рука лежала в тазике из газет, пластиковых пакетов и пропитанных кровью полотенец. Аналогичная вата покрывала нижнюю левую половину его ребер.

Когда Хеша вошел в палату, Асп как раз пришел из ванной с двойной охапкой свежих полотенец. Он поднял распухшую руку Томпсона и поменял красную ткань на белую и бежевую; мусорное ведро наполнилось перевязочными материалами, а Меркурио поменял маленькую банку на миску для смешивания. Кислотные испарения из кухни свидетельствовали о необходимости какого-то сосуда. Оба мужчины смотрели на него с усталыми, обиженными, самодовольными выражениями. Хеша воспринял всю эту сцену за секунду, а затем стер

довольные взгляды с лиц своих людей, повернулся на пятках и захлопнул за собой дверь.

— Меркурио! — крикнул он в переговорное устройство.

— Босс, какого черта ты делаешь? — Асп последовал за Хешей в бункер, злой, раздраженный и испуганный одновременно. — Рон болен, черт побери. Он умрет, а ты просто…

Хеша повернулся к нему.

— Вымой руки, дурак!

Рафаэль перевел взгляд со своих пропитанных кровью наручников и затекших рук на звериные глаза своего хозяина. Побледнев от страха, он отпрянул в сторону.

— Согрейте четыре мешка и принесите их сюда, быстро.

Рафаэль бежал по коридору, не поворачиваясь спиной к бункеру и находящемуся в нем существу.

Хеша сел за консоль, чтобы подождать. Запах, доносившийся из каюты Томпсона, был всепоглощающим… старая кровь, новая кровь, страх, болезнь, яд… свежая кровь, пролитая, растраченная на пол, ткань, бумагу… свежая кровь… Его взгляд переместился на видеодисплей комнаты Томпсона.

Он не мог отвести взгляд, но руки повиновались его воле. Монитор заискрился.

Проклятие боролось с ним за контроль над ногами. До двери мужчины оставалось всего пять футов. Человек был слишком болен, чтобы сражаться. Человек доверял ему и не дрогнул бы от зверя; не заметил бы разницы между рабом Апепа и аскетичным, вдумчивым, разумным существом, каким был Сетит за строительство которого боролись на протяжении

веков. И выбор мужчины был сделан; ему было больно, он добровольно закончил бы свою жизнь, чтобы начать новую сейчас.

Хеша позволил волнам убеждения разбиться о бастионы его здравомыслия. Находясь в холодном центре бури, он упражнялся и развлекался, анализируя натиск. Зверь рвался вперед в сырой и волевой атаке, чудовищно сильный, но плохо вооруженный. Хеша возблагодарил Сет за то, что его разум еще ясен, а голос проклятия говорит неуклюжими обрывками логики.

На его колени упал пластиковый пакет, теплый и шокирующе тяжелый.

Он поднял его и быстро осушил. Проклятие прокричало еще, и Хеша и Зверь подняли руки, а Асп бросил им второй мешок. Кровь потекла в его холодную глотку так же быстро, как и первая. Хеша собрался с силами и начал медленно потягивать третий мешок. Зверь все еще хрипел, разъяренный запахом жизни Томпсона, жалким вкусом крови из мешка, неудачей его борьбы. Хеша допил свой напиток, и бездумное существо внутри него, казалось, расслабилось, все еще сердитое, но запертое в клетке… не насытившееся, не слишком пьяное, чтобы яростно требовать еще ужина, но на каком-то уровне понимающее, что скоро будет еще.

— Змеиный укус, — сказал Хеша.

— Да, сэр. — Асп отступил по коридору. Одна нога была уже внутри лифта. — Сегодня утром.

— Антитоксин?

— Да, сэр. Сразу после укуса.

— Почему у него идет кровь?

— Конвульсии, сэр. Его вырвало в туалете, и он просто потерял сознание. Он разбил зеркало, когда падал, босс. Потом он катался по нему. Я вытаскивал из него стекло больше часа.

— Согрейте еще три сумки. Постучите, прежде чем войти, — распорядился Хеша, поднимаясь со стула, — оставьте их у двери и выходите обратно. Понятно?

Рафаэль кивнул. Он увидел, как существо вошло в комнаты Томпсона, и скрылся в морозильной камере, радуясь, что между ним и его хозяином находятся тяжелые изолированные двери.

— Томпсон. Хеша стоял на коленях рядом со своим слугой, сжимая четвертый пакет с кровью как талисман.

— Сэр. — Глаза Рона безумно боролись за фокус. — Сэр, вы были здесь только что?

— Да.

— Слава богу. Я думал, что мне это привиделось. — Он наклонился над миской, и его затошнило сухими толчками, которые сотрясали старый стул вместе с ним. Хеша похлопал его по спине, провел пальцами по прорехам на халате и открытым ранам на коже под ним. Никакого стекла там не осталось. Похоже, Асп был достаточно тщателен.

Сетит взял голову Томпсона в руки, посмотрел ему в глаза и сказал:

— Будь спокоен.

Рвота медленно прекратилась.

— Уже пора, сэр?

Рон скривился.

— Нет, — ответил Хеша, прекрасно понимая вопрос своего собеседника. — Сегодня ты просто получишь незапланированный урок силы крови Сета. — Томпсон тупо уставился на него опухшими глазами. — Позвольте мне сначала проверить ваши руки.

Минуты прошли в работе с щипцами и скальпелем. Несколько осколков зеркала были добавлены в чашу, которую завел Асп, а из змеиных укусов появились пара сломанных клыков. Миска и инструменты отправились в кухонную раковину, а Хеша вернулся от сливной доски с ножом и большой кофейной кружкой в руках.

— Выпей это.

— Я не смог ничего удержать, сэр.....

— Выпей это.

Томпсон сделал глоток. Его глаза с опаской переместились на темное содержимое, и Хеша понял, что начинаются вопросы.

— Выпей все, Томпсон.

Когда кружка опустела, Хеша снова наполнил ее из своего запястья. Томпсон послушно взял ее обратно, и они выпили вместе... смертный из кружки, Сетит из мешка. Асп доставил остальную кровь, как и было приказано; она влилась в холодное тело и вытекла из него, чтобы снова наполнить кружку.

— Достаточно. — Хеша пододвинул стул напротив раненого. — Теперь сожги это. Используй это. Не говори мне, что ты не понимаешь, о чем я — продолжай слушать. У тебя в животе огонь... как страх..., — мягко сказал Сетит. — Как гнев... как адреналин... как виски..., — гипнотически продолжал его голос. — Вы немного выпили в свое время, детектив сержант Томпсон... возьмите огонь, возьмите виски и вытесните его из своего желудка. Положите его в руку. Яд, которым вы были

поражены сегодня… это был огонь в венах, убивающий вас. Это огонь в артериях, уничтожающий яд. Подожгите руку… сожгите яд… выжгите стекло, порезы и синяки.

— Посмотри на свою руку, Томпсон.

Рональд Томпсон с болью пошевелил головой и увидел, как меняется его распухшая, обесцвеченная конечность. Полосы белого и красного поблекли; сине-фиолетовый цвет, который начал сладко гноиться, стал зелено-золотым, затем тускло-коричневым, а потом и вовсе загорел. Болезненные цвета исчезали из его пальцев, его запястья.

— Сконцентрируйтесь. Не позволяй этому остановиться.

— Что я делаю?!

— Исцели себя сам. Кровь Сета, даже разбавленная, может исцелять живых. Так же, как, как я понимаю, и кровь Каина. = Хеша посмотрел в глаза Томпсону, поднял с его плеч разодранный халат и осмотрел узлы на его спине. — Отодвинь его от руки. Зафиксируй ноги. Затем перекинь огонь на спину. Там у тебя еще идет кровь. — Порезы затянулись сами собой. — Хорошо. Ты контролируешь ситуацию. Теперь встань и убедись, что все раны закрыты.

Томпсон встал и попытался повиноваться. Он покачал головой.

— Огонь потушен, сэр.

— Превосходно. Было необходимо сжечь все это. Есть побочные эффекты. Подумайте о том, что вы чувствовали до и после того, как выпили мою кровь. Выпив за одну ночь, вы, вероятно, почувствовали благодарность, дружбу, ностальгию, нежность, необоснованное доверие…

Сейчас в выражении лица Томпсона не было ни одного из этих прекрасных чувств. Список Хеши был слишком точным.

— Две ночи, и ты должен почти полюбить меня.

На все еще одутловатом лице Томпсона появился страх.

— Три ночи выпивки образуют своего рода рабство между пьющим и тем, чья кровь взята. Это называется — Кровные узы, или Vinculum, или Coeur Vrai, или Клятва, или Витки Апепа, или сотня других названий... и это длится вечно.

Когда последствия дошли до него, телохранитель Хеши стал белым как мел.

— Навсегда?

Хеша уставился в пол. Длинной тонкой рукой он отстранил вечность.

— Пока ты не умрешь или пока не умрешь снова. Достаточно долго. Говорят, что семь способов сломать его; пять — легендарные, три — невозможные, четыре — непрактичные... все они трудные, и только один — быстрый.

Лицо Томпсона не потеряло ни капли своего ужаса.

— Так вы можете... вы можете использовать это на любом из нас.....

У Хеши дернулась бровь.

— Но я не знаю, очевидно. — Он сделал паузу. — Иначе вы бы не задавали этот вопрос, Томпсон.

Не торопясь, он собрал пустые пакеты, окровавленный нож, красную кружку и отнес их на кухню. Вернулся он со стаканом

сока и новой миской. Поставив их в руки Томпсона, он прокомментировал:

— Гораздо, гораздо лучше заслужить лояльность людей, которым ты вынужден доверять. Я считаю, что из рабов получаются ненадежные слуги. Многие из моих врагов держат своих сторонников в рабстве, а это, Томпсон, очень полезная вещь. Он снова сел, и его манера изменилась.

— Урок окончен, — сказал он. — Докладывайте.

***

Элизабет сидела на высоком тонком табурете в студии. Опираясь на левый локоть, она держала пучок ватных тампонов. Правой рукой она взяла один из них, обмакнула в банку и осторожно провела им по засиженной мухами и дымом поверхности картины. Тампон, теперь уже грязно-желтого цвета, она бросила в стоящий рядом лоток для отходов. Левая рука кормила правую, процесс повторялся, и чистая дорожка вдоль края картины неуклонно росла.

Хеша вошел в комнату. Там, где были тени, он укутывался в них; там, где был свет, он просто проскальзывал незамеченным. Женщина ничего не слышала. Вокруг ее глаз залегли новые, изможденные морщины, нежная кожа окрасилась в цвет старых синяков, веки покраснели. Он почувствовал запах соли на ее щеках.

Хеша отошел к двери и позволил свету снова ударить в него.

— Элизабет.

Она удивленно подняла голову.

— Привет. — Тампоны упали на столешницу. — Я думала, вы все уехали в город до завтра. Томпсон оставил записку…

— Это была ложь.

Элизабет вскинула подбородок, ее глаза защитно сузились, и она повернулась на табурете лицом к нему. Она ничего не сказала, но изучала его лицо. Оно могло быть высечено из мрамора.

— Подойдите сюда, пожалуйста. Я бы хотел поговорить с тобой. — Хеша отступил назад, оставляя ей свободный путь. После секундного колебания она поднялась и последовала за ним. — В моем кабинете, если вы не возражаете.

Сетит подвел ее к двери, через которую она никогда не входила. Он распахнул ее перед ней. Хеша остановился на том самом расстоянии до кабинета, которое позволило бы гостье занять место у стены, и она заняла его.

— Расскажи мне о своем сне прошлой ночью, — начал он.

Элизабет покраснела.

— Простите?

— Ты ходила и говорила во сне.

Ее глаза закрылись от него.

— Сомнамбулы не обязательно помнят свои сны, Хеша.

— Но вы помните, Элизабет, иначе вы бы сказали: “Я не помню.” — Он почти улыбнулся. — Ваша нечестность очень дипломатична.

Она стиснула челюсти и ничего не сказала. Хеша читал по ее лицу: гнев, осторожность, обида, логика. Какой бы вред ни принесла ей правда, он, по крайней мере, заставил ее быть начеку.

Он продолжил, мягко.

— Я ожидаю, что вам снятся кошмары. Я хочу помочь. — Вернулась суровая нота. — На самом деле, абсолютно необходимо, чтобы я вмешался.

— Я тебя не понимаю.

— Я намерен посвятить оставшиеся часы до восхода солнца тому, чтобы вы это сделали. — Хеша сделал паузу. — При обычных обстоятельствах я бы никогда не привезла вас сюда. Я подобрала вас в Нью-Йорке, чтобы отвлечь... — она поморщилась, — от более насущных дел. Вы были... вы... уникальны. Противоположный. Очаровательный. Я подозревала, что у вас необычный дар наблюдения. Я показал вам статую, которая меня озадачила. За одну ночь вы докопались до сути дела. Вы удалили глаз. Я был впечатлен и решил, что буду часто навещать вас... в Нью-Йорке, — тяжело закончил он.

— В течение одного дня вы разрушили мои планы. Были... — Он подыскивал слова и медленно заговорил: — ...за Кеттриджем следуют вещи похуже, и я не мог, по совести говоря, оставить тебя на их поиски. Поэтому я привез вас сюда, намереваясь защитить вас и не допустить, чтобы правда об опасности беспокоила вас. В свое время я бы благополучно вернул вас в Нью-Йорк. Или..., — его голос понизился. — Или со временем, я надеялся, у нас мог бы быть другой, менее торопливый, менее тревожный вариант этого разговора.

— У нас не разговор, — огрызнулась Элизабет. — Это монолог, Хеша.

Она берет правду за сердце, вздохнул он про себя. Его мягкий тон и притворное смущение исчезли. Вкрадчиво он изложил суть проблемы.

— Чтобы скрыть от вас реальное положение дел, мы с Аспом, Томпсоном, создали тщательно продуманную шараду. События сегодняшнего утра доказывают мне, что вы, осознанно или нет, проглядели актерскую игру и декорации. Наш маленький маскарад поставил каждого из нас в еще большую опасность. — На последнем слове его голос упал, и то, что последовало за этим из горла Хеши, было подобно грому. — А теперь расскажи мне свой сон, Элизабет, пока твой дар восприятия не привел к гибели одного из нас.

Элизабет смотрела на него широко раскрытыми, жестко зажмуренными глазами. Ее лицо было бледным, рот закрыт и беззвучен. Ее горло сжалось от слез и гнева, а нутро сжалось от страха. Он безумен. Ее разум бешено метался, но ничего полезного не всплывало на поверхность. Что бы я ни должна была увидеть, Боже, почему я не могу увидеть это сейчас? Он не выглядит сумасшедшим, он выглядит... каждое предложение имеет меньше смысла, а не больше... но он явно думает, что что-то объясняет... паралогия... паранойя... но его лицо... Она отвела глаза. Был ли он в здравом уме или безумен, вид его лица причинял ей боль. Его глаза, такие почти черные, защищенные сильными бровями и лукавой улыбкой... раз или два в них появлялся более мягкий взгляд, что-то ободряющее и открытое. Вместо этого Элизабет смотрела на его руки. Кости были длинными и красивыми, словно скульптура, которую какой-то бог спрятал под плотью... Цвет его кожи был таким насыщенным, глубоким и мягким, коричневым... нет слов. Как конские каштаны, старые седла и... он сошел с ума, я думаю.

Хеша внимательно изучил реакцию женщины. Несмотря на себя, он был впечатлен тем, что она могла сидеть молча после того, как он с ней обошелся — либо у нее совсем не было воли, что, как он знал, было неправдой, либо она была сильнее, чем он предполагал. Ниже, раздраженно подумал он. Что я делаю, гадая?

Он протянул руки.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Элизабет позволила ему поднять ее со стула, думая о том, какие холодные у него кончики пальцев, какой он невозможный.

Хеша открыл дверь в главный зал и потянул ее за собой. Он подошел к полному и солидному на вид книжному шкафу и отодвинул его в сторону. Проход дальше был темным и узким, но стены были достаточно обычными. Они свернули за угол в более светлое и широкое пространство, и путь им преградила прочная металлическая дверь.

— Разблокировать.

Он крепко держал ее за правую руку. Когда дверь распахнулась, он отпустил ее.

Элизабет прошла впереди него в длинную низкую комнату, заставленную сталью, стеклом и черным пластиком. Асп был там, и выражение его лица было невыносимым. Лиз приняла его за изумление, смешанное со злобой; Хеша знал больше о настроениях Рафаэля. Он знал, что убийца смакует обломки иллюзии, и знал почему. Хеша улыбнулся и решил, что Асп и так достаточно развлекается. Гордость идет впереди падения, злорадно подумал он и стал ждать.

Элизабет подошла к пункту охраны. Камеры были включены — все, и мониторы работали. Она села в одно из кресел. Она холодно и без комментариев посмотрела на каждый экран по очереди. Парадный холл. Кухня. Сцена на открытом воздухе. Лестница. Передний привод. Стена... часть гаража, вспомнила она. Вид на комнаты для гостей; на строгую кровать Томпсона, на каморку Аспа. Лестница в подвал. Все возможные ракурсы музея. Пустые коридоры. Комната, которую она не узнала, очень грязная. Другая, довольно чистая. Кабинет Хеши и два пустых кресла в нем. Комнаты Хеши с другого ракурса: задняя часть экрана за большой кроватью, с одной стороны —

аккуратная гардеробная. Еще фотографии леса, мягко покачивающегося на ночном ветру. Свою собственную комнату она увидела без удивления. Бункер — миниатюрный Асп, стоящий над ее плечом, ее собственная крошечная фигурка, неподвижно сидящая в кресле, Хеша, с сожалением смотрящий на нее… в камеру. Томпсон, лежащий в кресле в незнакомой ей комнате. Каменные коридоры. Каменные стены — резные стены.

Элизабет наклонилась ближе и уставилась на рельеф. Изображение было тусклым, а перспектива неправильной, но в памяти всплыло:…

— Асп. — раздался голос Хеши. — Представьтесь мисс Димитрос.

Лиз повернула стул. Если раньше лицо повара и было ошеломленным — в чем она сомневалась, понимая, что любой в этой комнате точно знал, кто пришел, — то теперь это была гротескно искренняя маска оцепенения. Маленькие темные глаза сузились от гнева.

Он ничего не сказал, и Хеша заполнил тишину.

— Элизабет, это Рафаэль Меркурио.

— Не Анджело, — пробормотала она беззвучно.

— Нет никакого Анджело, — сказал Асп голосом, в котором слышалось негодование. — Рафаэль. Габриэль. Мой брат, мой близнец, он был здесь, когда ты прибыл. Анджело — это… наше творение. Наше произведение. Великое алиби, — закончил он, откинув назад голову и подняв одну блестящую, вызывающую бровь.

— Для чего?

— За все, — угрожающе сказал Асп. Он взглянул на лицо Хеши и отступил назад. С видом гордости и ненависти он скрылся из виду.

Хеша легонько тронул Элизабет за плечо. Она встала с кресла, и он провел ее через бункер к простой деревянной двери. Хеша постучал один раз, но тут же открыл ее.

— Томпсон.

— Сэр. — Томпсон скорчил извиняющуюся гримасу. — Привет, Лиз. — Он выпрямился в кресле, но остался сидеть. — Извини за все это.

У Хеши не было времени на любезности. — Снимай рубашку, Томпсон.

Томпсон и Элизабет обменялись взглядами. Он снова скорчил гримасу.

— Да, сэр. Но мне понадобится помощь. Порезы закрыты, но отек увеличился.

— Ваше правое плечо все еще на месте? — Хеша нахмурился. — Помоги ему, — приказал он.

Лиз перегнулась через стул и задрала свободную рубашку — с яростью, после того как ей бросилась в глаза первая марлевая прокладка. Под пуловером Томпсона было множество хлопчатобумажных бинтов и свежих шрамов.

— Разверните его правое плечо. Посмотри на него.

Элизабет сняла марлю и холодный пакет. Плоть руки Томпсона была опухшей и обесцвеченной. Жидкость, запертая внутри, стягивала две блестящие розовые ямочки новой кожи в центре раны. Она аккуратно и без комментариев заменила повязку.

Присев на краешек кресла, Элизабет пристально посмотрела в глаза старому полицейскому.

Томпсон недовольно посмотрел на него. Она любила босса — или, по крайней мере, любила. И она доверяла своему “другу” Рону. Впервые за последние десятилетия ему было стыдно за то, что он сделал. И вот она ушла, оборвав взгляд; покончив с ним, последовала за Хешей на выход, идя по его следам через лабиринт. Томпсон потянулся к миске со смесью, чувствуя легкое недомогание.

Элизабет нервно стояла у двери. Из коридора позади нее лился свет, слабый, но достаточный, чтобы отбросить ее тень далеко от ног. Здесь, на приподнятой ступеньке порога, она могла слышать, как Хеша опережает ее черноты, издавая тихие звуки... шипение и хрупкое шуршание, как веник. Звуки прекратились, наступила долгая пауза, а затем его голос тихо произнес:

— Свет.

И святилище Хеши было открыто.

Дальняя стена — все стены — были покрыты рельефной росписью. Охра, дун, черный, кирпично-красный и синий, темный как ночь, в три яруса, каждая секция длиннее ее собственного тела... она поняла, что секций будет двенадцать. Это был Ам Дуат — Книга Мертвых для царственных особ — двенадцать часов путешествия Ра по подземному миру, каждый час разделен на три части, каждая из которых изображала событие на пути бога от заката к рассвету, от смерти к жизни. Она вошла в комнату и повернулась, чтобы посмотреть на все это:

Голый пол, сине-черные стены до уровня пояса, затем полоса цветов: красный, черный, охра, черный, полоса иероглифов цвета дун, а затем рисунки, выполненные на голом камне черной краской. Девятый час— покрывал стену рядом с ней, и

она завороженно смотрела на точность работы. Она посмотрела вверх. Над самым верхним ярусом художник в точности воспроизвел — насколько она могла вспомнить по фотографиям — украшения, которым там место. На потолке было изображено ночное небо; пятиконечные веточки звезд покрывали его с элегантной регулярностью.

Комната была огромной. Она почувствовала это еще от двери. Теперь она увидела, что она почти пуста. Вдоль стен стояли небольшие сундуки, низкие столики и скамейки, узкие ящики. Некоторые из них были золотыми, другие — пыльными и изъеденными червями. Стены изгибались со странной неуместностью, как будто каменщики решили прогуляться, а резец случайно указал им путь. Только пол и потолок были параллельны друг другу. Там, где комната уходила в сторону, она могла видеть другие предметы, наполовину скрытые за живым камнем.

Самый большой и очевидный предмет лежал прямо перед ней. Хеша зачарованно наблюдал, как ее взгляд метнулся сначала ко всему остальному в комнате.

Она не желала замечать этого.

Это была обычная коробка, просто сделанная. Крышка прилегала плотно и ровно. Он поднимался от пола на высоту сорока дюймов. Его ширина составляла сорок дюймов, а длина — чуть больше восьми футов. Элизабет долго смотрела на него и наконец подошла к саркофагу.

— Я была здесь, в моем сне. В этой комнате.

Хеша оставался на месте и ждал.

— Но пол был из побитой бронзы, и не было ни потолка, ни неба. Солнце светило прямо вниз, как в полдень, и не было никаких теней.

Ее левая рука протянулась и провела ребром ладони по серой поверхности каменного гроба.

— Ты был здесь, лежал. Свет падал на твое лицо, а камень и твоя одежда были ослепительно белыми. Я подумала, что ты спишь. Я протянула руку, чтобы… чтобы… — Она уставилась на свою руку, как будто не узнавая ее.

— Я протянул руку, чтобы сказать тебе что-то. Чтобы показать тебе солнце, я думаю… но ты не проснулся. Ее голос, до этого момента похожий на транс, стал немного отчаянным. -Ты не просыпался. И я начала чувствовать мороз. Металлический пол был холодным; это было неправильно, при солнечном свете, и кровать… мастаба?… была холодной, и ты был холодным и неподвижным, как камень.

— И вдруг я поняла, что ты умер. — Она подавила рыдание. — Ты был мертв, и я посмотрела вниз на себя, и я больше не была Элизабет.

Очевидно, чары разрушились. Ее руки провели линию по ключице, где в то утро покоился Старший, и глаза очистились от воспоминаний. Ее кожа покраснела от гнева.

— Мне не нужно говорить тебе, Хеша. — Ее лицо было огненным; ее голос был ледяным. — У тебя есть твои камеры и твои шпионы. Ты можешь, черт возьми, наблюдать за моими снами со стороны. Элизабет бросилась к двери.

Хеша был в три раза дальше от выхода; он достиг его прежде, чем она сделала третий шаг.

Она не видела, как он подошел; ее глаза были открыты, но ее разум был слишком медленным, чтобы уловить движение. Просто, внезапно, он оказался на пути, загородив проход. Весть опомнилась слишком поздно, чтобы остановить стремительный рывок. Элизабет бросилась в его объятия, и импульс понес ее в пространство между монстром и стеной. Он схватил ее за руку

и закружил, прижал к себе, прижал к своему телу. Она не закричала, и позже удивилась, почему.

Он ничего не сказал. Его зрение окрасилось в красный цвет, клыки выскользнули из ножен и раздвинули челюсти, единственным звуком, который стоило услышать, было биение ее сердца, ее быстрое, влажное дыхание, слабый крик в ее горле… и его руки с когтями потянулись к этому горлу. Его руки зарылись в ее длинные темные волосы и наклонили ее лицо к себе. Его голова склонилась к ее шее, он сделал выпад в ее сторону, она вывернулась из его хватки в последний момент мгновение, и его открытая пасть встретила ее губы, а не яремную вену. Кровь наполнила его рот — живая кровь — и он позволил ей идти дальше; Зверь забрал с собой Хешу и женщину; его последняя мысль была наполнена ее вкусом… Это обман, это иллюзия, она ничем не отличается от него.

Элизабет, дрожа и не в силах стоять под пламенем поцелуя, упала, и Хеша упал вместе с ней, вслед за кровью на землю. Она растянулась на третьей ступеньке гробницы; он встал над ней на колени. Его руки, поддерживающие ее, заскрежетали по камню, и крошечная боль вернула его — едва ли — к самому себе. Он оторвал рот, вытер языком ее губы и откинулся назад. Долгие секунды он смотрел на ее тело… наконец она вздохнула… и снова… открыла глаза и отвернула от него голову, силясь подняться.

Хеша потер поцарапанные костяшки пальцев и в тот же миг понял, что Зверь едва не лишил ее жизни; что лишение ее жизни доставило бы ему больше удовольствия, чем убийство любого другого живого существа; что ее убийство впервые за многие века вызвало бы у него печаль. И часть его желала, чтобы она победила.

Элизабет, ноги которой еще не слушались ее, все же смогла сесть. Она поднялась на четвертую ступеньку всеми четырьмя конечностями и не смотрела в его сторону.

— Элизабет. Подожди. — Хеша бросился за ней и схватил ее за руки. Он положил ее сопротивляющиеся пальцы на свое запястье. — Померяй мой пульс, — потребовал он.

Она в страхе уставилась на него. Темные, темные радужки в центрах широко раскрытых белых глаз… Хеша услышал рев зверя, снова поднявшийся, и схватил ее руки у себя на шее.

— Почувствуй. Где бьется мое сердце, Элизабет? Ты его не найдешь.

Она перестала бороться с ним. Кончики ее пальцев исследовали линию его челюсти, впадинку под ухом, изгиб шеи в дыхательное горло.

— В первую ночь нашего знакомства, — сказал Хеша почти нормальным голосом, — когда я упал, ты собиралась померить мне пульс. А я тебя остановил. Понимание и отрицание промелькнули в темных глазах под его взглядом. Теперь она дрожала.

— Сколько кошмаров тебе снилось с тех пор, как ты встретила меня? — Она моргнула, и боевой румянец исчез с ее лица. — Я думаю, Элизабет, что я не был достаточно быстр, удерживая твои пальцы от моего запястья той ночью. Не зная, ты знала… так же, как ты знала, что один Асп был пугающим, а другой дружелюбным… как ты знала, как добраться до кольца в камне… ты знала, кто я.

— Кто ты? — прошептала она.

Хеша сделал паузу. Он облизал губы, и его руки непроизвольно сжались над ее руками.

— Бессмертный.

Воскресенье, 11 июля 1999, 4:13 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Рональд Томпсон сердито ждал. Ему было плохо; он наблюдал за сценой в квартире Вегеля через суженные, опухшие щели глаз. Он был раздражителен. Бездействие плохо подходило ему, а выздоровление — еще хуже. Терпение у него было, и он мог бы достойно пережить эту ночь, если бы Хеша не сменил тактику в середине пути. Томпсон был озадачен, и поэтому, вместо того чтобы лечь и отдохнуть (как умоляла его Джанет по телефону), он сел в центре своей сети и стал ждать.

Хеша вышел из комнаты Элизабет спиной вперед, пожелав девушке спокойной ночи и лучших снов. Томпсон чуть не подавился. Когда его хозяин повернулся к двери своего кабинета, своей комнаты и своей усыпальницы, Томпсон щелкнул выключателем одним опухшим пальцем. Хеша подняла глаза, подождала, а затем пересекла музей и подошла к двери книжного шкафа.

Томпсон выпрямил свое измученное тело в кресле. Он посмотрел на Хешу ожидающим, вызывающим взглядом.

Хеша бесстрастно смотрел на своего слугу.

— Да, Томпсон?

— Сэр, — начал Томпсон. Он быстро остановился. Как продолжить? — Сэр, могу я задать вам личный вопрос?

— Ты можешь спросить меня о чем угодно, — сказал Хеша. Глаза Сетита явно не обещали ответов.

— Что случилось, — рявкнул Томпсон, — с планом, сэр?

— Какой план?

— Семейный план, — жестко сказал смертный. Томпсон прикусил губу и боролся за правильное начало — за слова, достаточно вежливые, чтобы сохранить мир со своим работодателем, но достаточно сильные, чтобы выпустить свой гнев, — но все, что до него дошло, было проклятие, с которого начался этот день.

Хеша наблюдал, как его будущий наследник споткнулся о собственный гнев. Глаза мужчины охотились за воздухом, и он излучал неодобрение. Хеша пододвинул стул, плавно опустился на сиденье и сказал:

— Приведите свои мысли в порядок, детектив. Начните сначала. Вы возражаете против моего подхода к ситуации с Димитросом? Естественно, вы слушали с тех пор, как я вернул ее в ее собственную комнату... если бы вы не застали мое выступление вживую, я бы настоял на том, чтобы вы просмотрели записанную версию.

Томпсон чуть не взорвался. Его грудь захлебнулась криком, рот открылся — и он увидел, как веки Хеши слегка дернулись от удовольствия. Вместо этого полицейский взорвался. Значит, босс играл с ним. Проверка, понял он. Еще один тест. Интересно, пройду я его или нет.

— Я отвел ее в то место, где она чувствовала себя наиболее комфортно, Томпсон. Я рассказал ей, что на самом деле произошло с ней сегодня утром. Я воздал вам и Аспу лавры героя, как вы того и заслуживаете. Через несколько ночей она оправится от шока, вызванного... — его дугообразная рука указала на банк закрытых экранов, — мерами безопасности, и я не сомневаюсь, что через месяц или около того вы с ней снова станете закадычными друзьями. На самом деле, я ожидаю, что ко вторнику она поблагодарит вас за то, что вы спасли ей жизнь.

— Я не говорю об этом.

— Тебя не волнует, что она ненавидела тебя сегодня?

— Да. И ты говоришь, что все исправил. И я верю тебе, потому что ты всегда прав в отношении людей, и моя интуиция говорит мне то же самое. Но ты сказал на прошлой неделе, что мы станем для нее семьей, что ты хотел, чтобы она смотрела на тебя как на отца. — Он хлопнул кулаком по широкой ручке кресла. — Если ты думаешь, что это были отцовские чувства, которые ты проявил к ней сегодня вечером…!

— Мне кажется, ты слишком глубоко погрузился в роль старшего брата, — прервал его Хеша.

— Вампиры — это все очень хорошо, сэр, но я бы не хотел, чтобы моя сестра вышла замуж за одного из них.

— Очень викторианский старший брат, — прокомментировал Хеша опасным голосом, который он никогда раньше не использовал в отношении Томпсона. — Я не вампир, и у тебя было достаточно времени, чтобы узнать это. Я ожидаю, что ты никогда больше не будешь использовать это слово, если только не будешь ссылаться на творения Стокера или Голливуда. Вы меня поняли?

Томпсон настороженно кивнул.

— Более того. Элизабет не ваша сестра, и вам лучше помнить об этом. Слишком глубоко погружаясь в любую роль, вы подвергаете себя опасности; слишком глубоко погружаясь в эту, вы можете убить мисс Димитрос. Она — цель, которую нужно охранять, Томпсон. Не позволяйте эмоциям захлестнуть вас. Просто выполняйте свою работу. Что касается брака… — Хеша почти беззвучно рассмеялся.

— Сейчас. Мы обсуждали мой разговор с нашей гостьей. Я сказал ей, что у нее будет много вопросов. Я обещал ответить на них. Это будут ответы Томпсона; убедительные ответы. Я сказал ей, что она растеряна, уязвима. Я сказал ей, что она мне

небезразлична. Я сказал ей, что не хочу говорить слишком много сегодня, что не хочу, чтобы она уходила. Я сказал ей, что между нами было больше, чем я предполагал. Я сказал ей, что никогда не встречал никого другого, как она. Я извинился, я признался, я упал с ног, обещая ей все загладить.

— И вы имели в виду что-нибудь из этого, сэр?

— Что бы ты сделал, если бы я этого не сделал? — Хеша подождал. — Ты поверил, когда услышал мои слова?

Томпсон произнес

— Да, — без интонаций и эмоций.

— Хорошо. Хеша сделал паузу и посмотрел на Элизабет на мониторе. Она готовилась ко сну; помня о камере, она решила переодеться под одеялом. -Тогда я верю, что она тоже в это поверила. Ты знаешь меня лучше. Ты сомневаешься. Так и должно быть.

Затаив дыхание, он заговорил по касательной.

— Сколько раз ты был в покоях Вегеля, Томпсон? А в моей?

— Сэр?

— В комнате Вегеля — фермеры, охотники, ремесленники, Томпсон. Стражники фараона, лорды и леди, писцы, каменщики. Они работают на своих местах в жизни, и река течет мимо них, и зеленые поля поддерживают их, и воды охлаждают их жажду, и плоды их труда утоляют их голод, и солнце падает на них всех, писца и фермера, мастера и слугу. И это и есть жизнь.

— В моей комнате король мертв, души каждого мужчины, женщины и ребенка разделены на части и по частям отправлены на суд. Они беззащитны, поскольку блуждают без

направления от своей могилы до места Маат. Мир вечно темный и холодный, и как только они покидают некрополь, ничего не остается. Пустыня холодна и полна чудовищ. Река не может напоить их, поля не могут накормить их. Только то, что оставляют им живые, может их поддержать. И это — смерть.

— Любовь может жить под солнцем. И, говорят, она процветает в загробной жизни. Но в пустыне между ними, Томпсон... Ни мой род, ни каиниты, ни кто-либо из выводка Апепа не знают значения этого слова после своего возрождения. Две мои души могут быть здесь, но мое сердце лежит в темном подземном мире, между челюстями Аммита, Пожирателя Мертвых. Пойми это. Прими это. И скажи мне еще раз, хочешь ли ты присоединиться к детям Сета.

— Будь ты проклят, Хеша, — прошептал Томпсон.

— Как скажете. — В голосе существа ничего не было.

Они сидели вместе в тишине добрых пять минут. В квартире Вегеля погас основной свет. Элизабет лежала на боку, читая под лампой на прикроватной тумбочке.

— Ты все еще, — сказал Томпсон, — не сказал мне, почему ты изменил план. У меня сложилось впечатление, даже сегодня вечером, что мы собираемся продолжать семейную игру. Никаких изменений.

— Мисс Димитрос — очень проницательная женщина. Как только я увидел ее с Асп, я понял, что у Рафаэля нет надежды обмануть ее. Он ограничен. Габриэль гораздо лучший актер; вот почему я предпочитаю держать его в городском доме. Мои посетители там могут смотреть сквозь кирпичные стены, если им дать время. — Он запнулся. — Напомните мне на закате, чтобы я скорректировал наши договоренности там. Мне нужно будет поговорить с Джанет о здании Грейвхерс.

— Но Элизабет?

— Позвольте ей быть. Дай ей время. — Он поднялся. — Позолоти клетку.

Дверь бункера закрылась за ним.

Элизабет лежала в постели, притворяясь спящей. Ее тело оставалось в том положении, в котором оно находилось, когда она пришла в сознание. Ее разум был занят оценкой ситуации. Она представила себе Балтимор на карте и попыталась вспомнить детали поездки. Она думала о доме, о камерах, о лесе вокруг фермы. Она подумала о Хеше и признала, что у нее здесь слепое пятно — она абсолютно не могла анализировать его; не могла предсказать его реакцию. Она не могла связаться с ним, пока он сам не разрешит ей это сделать.

Но были и другие вещи.

Элизабет слабо сползла с кровати и села в кресло у письменного стола. Она потянулась к телефону, сняла трубку и прислушалась. Раздался гудок. Она набрала номер дома Эми Резерфорд и стала ждать соединения. Линия открылась... и с щелчком закрылась. Голос донесся до нее четко и ясно по гораздо более коротким проводам.

— Добрый день, Лиз. Вам что-нибудь нужно? — Это был Томпсон.

— Я бы хотела позвонить в Нью-Йорк. Как мне подключиться к внешней линии? — спросила она, забыв о том, что раньше ей не требовалось никаких дополнительных кодов для этого.

— Мне жаль, Лиз. — Он ждал, держа телефон в своей комнате, готовый с заготовленными объяснениями, оправданиями, приказами сверху.

— Думаю, я понимаю. — Она положила трубку на место. Первый удар, Димитрос, подумала она. Она перелистывала книги и инструменты на своем письменном столе. В одном

ящике хранились канцелярские принадлежности: ручки, карандаши, ластики, скрепки, целлофановая лента.

Элизабет отключила телефон, задумчиво положила рулон пленки и начала — безумно медленно и с необъяснимой легкостью в голове — обыскивать свою комнату.

Томпсон жестко опустился в широкое консольное кресло. Свет горел зеленым, камеры были включены и хорошо отслеживали происходящее. Асп давно ушел, но множество крошек и оберток свидетельствовали о том, что он действительно провел день на службе. Рон смахнул мусор и устроился поудобнее, чтобы проверить своих агентов.

Он допил последнюю, когда Элизабет вышла из квартиры Вегеля. Она была с пустыми руками, но в легкой куртке — что-то вроде жилета фотографа — с несколькими большими карманами. Опытным взглядом он определил, что в них она ничего не носит.

Девушка остановилась на краю пола музея. Она все еще держалась за ручку двери; нервно оглядываясь по сторонам.

Там никого не было, по приказу самого начальника, но маленький столик, на который Асп поставила свой обед, был передвинут и стоял рядом с ее дверью. На подносе лежал завтрак... теперь уже обед. Она откинула одно из покрывал, внимательно осмотрела еду на тарелке и снова опустила купол над бутербродами. Через мгновение она подняла поднос и скрылась с ним в своей комнате.

Томпсон переключил камеру и смотрел, как она кладет его на кровать. Он заметил, что рабочий стол был пуст. Почему бы не положить еду туда?

Элизабет вышла, закрыла за собой дверь и нетвердыми шагами прошла в студию. Она быстро перебирала ящики и корзины. Томпсон вывел мастерскую на центральный монитор

и увеличил ее изображение. Ага. Вот для чего нужна была куртка. Она наполнила карманы своими инструментами — наконечниками, бутылками с растворителем, малярным скотчем, лотком для мусора, лупой, мягкими кистями, жесткими кистями — и взяла самую маленькую из реставрируемых картин. Она вышла из студии, вернулась в квартиру Вегеля и разложила свою добычу на столе.

Томпсон кивнул сам себе. Хорошо. Работа отвлечет ее от мыслей. Он потер глаза, потянулся и отправился на поиски нового средства.

— Томпсон.

— Сэр. — Рон встал; он ждал, не занимая привычного места у двери, а опираясь, как мог, на каменную скамью Вегеля.

— Ты выглядишь лучше.

— Я чувствую себя лучше, сэр.

— Где Асп?

— На столе. Он вводил Джанет в курс дела.

— Хорошо. — Хеша сел на скамейку. — Джанет.

-Здесь, сэр. Принять ли мне мистера Меркурио?.

-Да, пожалуйста. Снова появился белый шум. -Докладывайте.-

Томпсон начал. -Таунхаус и городские владения в безопасности. Асп сообщает, что посетителей нет. Он говорит, что ему скучно, сэр. Скучно и здорово.

Джанет Линдберг прочистила горло. -Последний беженец у нас на руках, сэр. Мистер Варгас покинул свое убежище

сегодня вечером с билетами на Сиэтл. Он оставил записку для вас; я отправлю ее с курьером.

-Хорошо.

Его секретарь продолжил: -Клиника доктора Оксенти получила небольшую благодарность за волонтерские услуги от местного Красного Креста. Доктор хотел бы вернуться в Балтимор для участия в церемонии.

-Скажи ей -нет. Хеша ответил сразу же. -И следи за заказами на рейсы в Анкоридж и из Анкориджа до окончания презентации. При необходимости заморозьте ее счета. Другие дела?

-Мисс Димитрос пыталась дозвониться сегодня утром. Нью-йоркский номер...-

-Джеймс и Амариллис Рутерфорд, 6724 Лейк Парк Драйв, — вмешалась Джанет...

-Я сказал ей, что она не может. Она, кажется, восприняла это очень хорошо, сэр. Она приняла обед и одну из своих картин в три часа; с тех пор она была тиха, как мышь, и вдвое лучше себя вела.

По внутренней связи раздался фыркающий смех.

-Асп?

-У вас есть комментарий, мистер Меркурио?.

Асп снова засмеялся. -Она хорошо себя ведет, сэр. О, она ведет себя прекрасно. Тихая, как мышка. Но мы больше не сможем видеть, как она ведет себя тихо, Рон. Она нашла все камеры в комнате Вегеля,

и она наклеила малярный скотч на каждую чертову штуку. Нашла и микрофон.

Вскоре после этого конференция распалась.

Асп опустил свой поднос на стол у квартиры Вегеля и постучал один раз. С семейным талантом скрытности он снова ускользнул.

После долгой задержки — две минуты, не меньше — дверь в комнату Вегеля приоткрылась. Женщина, находившаяся внутри, выглянула наружу. Просунулось ручное зеркало. Его отражение мелькнуло по подвалу. Дверь снова закрылась.

Еще через пять минут появилась сама Элизабет, бледная, худая и нервная. С опаской она взяла поднос. Она отступила в свою нору, как барсук, и дверь тут же захлопнулась. Замок щелкнул за ней, и сквозь толстое дерево донесся звук, будто что-то тяжелое тащили по доскам.

В своем кабинете хозяин дома наблюдал за передвижениями своего пленника.

В бункере Томпсон видел, как Лиз собирала свой ужин, как Асп уплетал свой, и как Хеша, сидя совершенно, неестественно неподвижно, наблюдал за Элизабет.

Понедельник, 12 июля 1999 3:18 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Элизабет пронесла полотно через баррикаду у своей двери. Она поставила его на столик для сервировки, а затем закрыла за собой дверь. Она подняла картину, направилась в студию и несколько минут возилась в рабочей комнате. Из плоских ящиков она достала еще одну картину, масляное панно. Держа его в руках, она вернулась в главную комнату. На столе появился обед, но никого не было видно. Хорошо, подумала она.

Она поставила панель рядом с маленьким столиком и направилась к лестнице. Она проверила кухню — пусто, и попробовала открыть дверь в грязную комнату. Она была заперта, а к засову нужен был ключ. Она поняла, почему. Даже такой начинающий взломщик, как она, мог разбить стекло над дверью и повернуть засов снаружи.

Элизабет прислушалась. В доме царила тишина. Она повернула направо, в колониальное крыло и прошла через главный холл. В парадной двери не было окон; оставался шанс, что засов был попроще. Она повернула ручку. Безрезультатно. Может быть, она сможет найти запасной ключ? Конечно, это был не тот дом, где обитатели оставляют запасные ключи без присмотра. Элизабет наклонилась, чтобы рассмотреть форму замочной скважины, и увидела, что она расположена параллельно земле. Не был ли засов кухонной двери расположен вертикально?

Она вернулась назад. Через минуту она нашла проблему: всего было три болта. Один поворачивался вместе с ручкой и мог быть зафиксирован пружинным фиксатором. Она это исправила. Один находился у пола и поворачивался с помощью ручки странной формы — она не заметила его в первый раз. Задвижка с ключом была открыта, когда она попробовала ее открыть; через мгновение дверь тоже была открыта. Лиз

дважды проверила защелку; если она не сможет найти цивилизацию в одном походе (слово -побег— пришло ей в голову и было быстро отброшено), она не хотела звонить в дверь, чтобы попасть в дом.

Солнце светило сквозь тонкое одеяло облаков. Водянисто-серая рябь на покрывале быстро двигалась, но на уровне земли воздух был удушливым: влажным, густым и неподвижным.

Элизабет потупила взор. Она забыла, как темно в доме. Сквозь тусклое голубое послесвечение она направилась вверх по холму. Ловкими пальцами она расстегнула все вентиляционные молнии на своей фотокуртке. В ней было громоздко и некомфортно жарко; она уже обливалась потом. Тем не менее, она чувствовала себя лучше — до смешного лучше — зная, что все карманы набиты, что-то полезное. Инструментов, которые она взяла со стола Вегеля и из студии, было немного, но…

Через десять минут она поднялась на гребень. Это была изношенная гора, уже даже не предгорье, но это был хребет и пара обрубков ребер старого Аппалача. Гранитный хребет гиганта обнажался на вершине холма. Элизабет обогнула его изгиб и нашла место для подъема. Склон небольшой стены был слишком крутым, чтобы грязь могла закрепиться, а ежевичные заросли, которые сплошным кольцом росли по другим сторонам, здесь были пореже. Она подтянулась и огляделась.

Проклятье. Пейзаж был прекрасен; это была темно-зеленая, холмистая местность. Здесь было много деревьев, но из-за очертаний местности и высоты деревьев не было видно ничего из того, что она хотела увидеть… даже дома и подъезда к нему.

Она села на самой высокой точке, достала потрепанный латунный компас и нашла северо-восток. Балтимор в любом случае будет или должен лежать в этом направлении, и если она будет следить за башней вещания, когда будет идти, то быстрее на что-нибудь наткнется. Она надеялась, что достаточно

хорошо знает дорогу к дому, чтобы узнать ее, если дойдет до нее. Меньше всего ей хотелось, чтобы Томпсон проехал рядом с ней на седане как раз в тот момент, когда она подойдет к почтовому ящику.

Элизабет отправилась в путь по пересеченной местности.

В тенистой нише среди колючек Старший наблюдал за ней ленивыми глазами.

Элизабет вышла из зарослей рододендрона, покрытых паутиной. Она смахнула нити и сбила несколько попутчиков. Немного пошатываясь на толстом ковре старых, блестящих коричневых листьев под ногами, она протянула руку за опорой к саженцу толщиной в запястье. Это помогло ей спуститься, а когда она пересекла сырой участок на дне оврага, то использовала толстые корни дуба над собой в качестве лестницы.

Асп ждал по другую сторону дерева. Он пропустил ее вперед, а затем переломил сухую ветку между ладонями. В тихом воздухе раздался звук выстрела.

— Привет, Лиззи. — Слова были дружелюбными, но тон — нет. — Куда-то идешь?

Второй удар, подумала она.

— Хороший день для прогулки, — сказала она вслух.

— Был. — Рафаэль сделал паузу, поджав губы. — Похоже, сейчас начнется гроза. Тебе лучше вернуться в дом. Не хочу, чтобы ты попал в грозу.

— Спасибо. — Она переместила свой вес вверх по склону и сделала шаг дальше от Аспа, его дерева и фермы за ними. Он наблюдал за ней из полузакрытых глаз. — Лиз... ты не хочешь идти в ту сторону.

Она сделала еще один шаг.

— Вообще-то, думаю, что да. — Рафаэль протянул руку к ее запястью. Он был быстр, но она была достаточно нервной, чтобы быть еще быстрее. Она ускользнула от его хватки, и они остановились, стоя лицом друг к другу, в двух ярдах от ручья.

— Ты должна быть умной девочкой, Лиззи. — Он снова сделал выпад, и на этот раз его тренированные рефлексы взяли верх над ее нервным инстинктом. Он потянул ее вниз по склону и прижал к наклонному стволу дуба, но не мягко. -Ты же не думала, что это будет легко, правда? Он придвинул свое лицо к ее лицу. Между ними оставался дюйм, не больше, и напряженный, жесткий взгляд Аспа метался из глаз в глаза... влево, вправо... снова назад. Лиз смотрела в ответ. Запястье болело; он крепко сжимал его.

— Пойдем, — сказал он. — Сюда.

Боль вращалась вокруг ее руки. Рафаэль легко подтолкнул ее под локоть и повел по тропинке на краю оврага. Деревья редели по мере того, как они шли. Они спустились в ложбину и стали пересекать более влажную землю у ее основания.

— Меркурио! — Крик исходил от плеча Аспа, насколько Лиз могла судить. — Черт побери, Асп. Отпусти ее. — Статика потрескивала вокруг голоса. Это был Томпсон. — Отпусти ее в эту минуту. К черту, Раф. Что, если он проверит эти записи сегодня вечером?

Рафаэль отпустил запястье Элизабет. Она повернулась и прошла между ними три ярда, затем остановилась, потирая обожженную кожу. Ни один из них не показал никакого выражения.

— Она пыталась уйти, Рон. У меня есть работа.

— Я знаю. Я критикую ваш стиль, а не выступление. Передай меня Лиз на секунду.

Асп залез в карман рубашки и достал очень маленький, плоский, черный диск. Он бросил его ей. Диск оказался телефоном.

— Привет, Лиз, — сказал далекий голос Томпсона. — Сделай мне одолжение?

— Возможно, — ответила она.

Он вздохнул.

— Знаешь тропинку, по которой ты спускался? Вернись на нее и иди по ней к дороге. Я заберу тебя на машине и привезу домой.

— На Манхэттен?

Статика. Затем:

— Нет.

— Далеко ли идти?

— Пятнадцать минут, максимум двадцать.

— До встречи.

— Спасибо. Отдайте меня обратно Маверику. Нам с ним нужно поговорить, пока босс не проснулся.

— Кофе?

Элизабет кивнула.

— Если у вас есть немного. — Томпсон возился у прилавка несколько минут. Когда пар поднялся и кастрюля наполнилась,

он прислонился к шкафам и стал наблюдать за девушкой. Она сняла свой объемный пиджак и повесила его на спинку стула. Она сидела, опершись локтями на стол, небрежно, а ее волосы были заправлены за уши. Ее руки прослеживали текстуру и шрамы на потрепанной деревянной столешнице, вычерчивая одни и те же узоры снова и снова.

Рон снял со стойки две кружки и поставил их на поднос. Сахар, молоко, кофейник, жестянка с печеньем. Он зажал поднос в одном рифленом кулаке.

— Не возражаете, если мы отнесем это в вашу комнату?

— Почему? — огрызнулась она.

— Потому что я думаю, что вам может понравиться немного уединения. Это противоречит всем моим собственным правилам, но, черт возьми, если что-то появится через пол, ты побежишь и поднимешь тревогу. — Лиз ничего не сказала. — Я не шучу, девочка. Не зря у нас камеры через каждые пять футов. И двери соединены проводами, чтобы мы могли следить за теми, кого камеры не видят. — Брови Элизабет сошлись в недоумении.

Томпсон покачал головой.

— Вы его видели. Позвольте мне начать с простого. Представьте себе... двух из него. Двадцать его. Более слабые породы в упаковках по шесть штук, как плохое пиво. Человек-невидимка, пробирающийся сюда, чтобы украсть вещи. Одному Богу известно. Теперь мы можем спуститься вниз?

Она пошла по дороге. У ступеней, ведущих в квартиру Вегеля, она остановилась, чтобы достать ключ из куртки. Она открыла дверь и сдвинула баррикады в сторону.

— Что, черт возьми, у тебя там? Там не было столько свободной мебели в... — Рон остановился. Пораженный, он рассмеялся. — Хорошая работа, Лиз. Проклятие. Все дверцы причудливых шкафов — некоторые от пола до потолка, некоторые маленькие, как аптечка — были сняты с петель и нагромождены у входа. Тяжелая дверь ванной комнаты опиралась на потайную панель в склеп Вегеля, а ее основание было укреплено кусками каркаса кровати.

— Поднос помещается на столе, — распорядилась Элизабет. — Дайте мне минуту, и я освобожу еще один стул.

Они наливали, смешивали, потягивали, и когда она достаточно расслабилась, чтобы исследовать содержимое банки печенья Габриэля, он позволил ей справиться с двумя шоколадными чудовищами, прежде чем попытался заговорить.

Томпсон прочистил горло.

— Спасибо, что разрешили мне зайти сюда. Я ценю это.

— Спасибо, что притворился, что мои плотницкие работы принесут хоть какую-то пользу, если ты решишь, что хочешь участвовать.

— Это замедлило бы нас. И это было умно. — Он колебался. — Но на самом деле... Я рад, что мы здесь, а не на кухне. Мне нужно кое-что сказать, и я не хочу, чтобы Асп или босс слушали это позже.

Элизабет уделяла ему пристальное, каменное, как у сфинкса, внимание.

— Во-первых, позвольте мне сказать, что я сожалею, — медленно начал он. — Я знаю, что сейчас для тебя это ни черта не значит... но я должен это сказать, потому что я действительно это имею в виду. Он взъерошил свои всклокоченные волосы и продолжил. — И я хочу, чтобы ты

знала, что я... ну, я не могу сказать, что я... мы все не лгали тебе в той или иной степени, с самого начала. Но то, что я рассказал вам о моем родном городе, о моих предках, о моей школе, о том, почему я поступил на службу в полицию и почему я ушел из полиции, чтобы начать свой собственный бизнес, — все это было правдой, каждое слово. Он сделал паузу, и его лицо наполнилось каким-то безнадежным выражением. — Верите вы или нет, но вы мне нравитесь. И я должен сказать, что ты мне нравишься еще больше с тех пор, как эта штука взорвалась у нас на глазах. Ты боролась с этим, но ты не запаниковала после той первой ночи, и если ты жалеешь себя, то я не вижу этого на поверхности. — Он усмехнулся. — Даже босс не ожидал маскировочной ленты, Лиз.

На ее губах промелькнул слабый отголосок улыбки. Томпсон, не зная, как продолжить хорошее дело, посмотрел в свою чашку с кофе. Он пожал плечами и потянулся за печеньем.

— И я хочу извиниться за Рафаэля. Он неплохой парень, если узнать его получше, но он обижен на босса, который назвал вам имена Аспи. Босс думает — и я думаю, потому что я... ну, я наблюдал за вами через систему безопасности, — что вы знаете разницу между братьями. Раф не верит в это; он слишком привык ходить под именем Анджело и чувствовать свое превосходство из-за этого. Он не знает, как вести себя рядом с тобой, поэтому играет с тобой. Это пройдет, я думаю. В любом случае, Гейб приведет его в чувство.

Элизабет пробормотала:

— Вы говорите так, как будто я собираюсь остаться здесь надолго.

Томпсон слегка покраснел.

— На самом деле я не знаю, — ответил он. Его рот дернулся, как будто он попробовал что-то тухлое в шоколаде. — Мы ждем,

пока что-то снаружи не прояснится. Босс боится, что если мы отпустим тебя сейчас, то тебя убьют…

— Убита чем? — Ее голос был твердым.

— Вещи, — неадекватно закончил он. — Другие люди, такие же, как он, но другие; другие вещи; целая армия вещей, разрывающих восточное побережье. Вы видели сообщения о беспорядках в Атланте, в Вашингтоне? Они в самой гуще событий.

Она ничего не сказала, и Томпсон чувствовал, как из нее вытекает сомнение.

— Послушай, Лиз. Ты признаешь, что он существует, я надеюсь. Если он существует, не дышит, не умирает, что еще там есть?

— Что еще там есть?

— Человек-невидимка. Эти шесть пакетов. Поздние-поздние-поздние шоу. Лучше бы я этого не знал, — сказал Томпсон с такой законченностью, с такой усталостью, что она оставила этот вопрос. Он освежил их кружки и сделал глоток. Шли минуты, и в каждую из них Рон чуть было не заговорил. И каждый раз он решался на это. После дюжины фальстартов слова вырвались наружу.

— О нем, Лиз.

— А что с ним?

— Насчет вас двоих… не смотри на меня так. — Челюсть Элизабет сжалась. Она явно не желала даже слушать это. Проклятье, подумал он. Он и вправду задел ее за живое. Он сделал длинный вдох и приготовился рискнуть ради Хеши.

— Пожалуйста, Элизабет. Я не слепой. Ты влюблена в него.

Она почти смеялась.

— Нет. Нет, не знаю. Я не знаю его. Ты не можешь любить того, кого не знаешь. — Она снова отвесила челюсть. Ее губы были ненормально бледными и тонкими. — Ты не можешь любить того, кто держит тебя взаперти, — сказала она. — Того, кто лжет тебе; того, кто постоянно шпионит за тобой; того, чьи наемные... охранники... швыряют тебя вокруг во имя твоей безопасности — и, пожалуйста, не обижайся, если я признаюсь, что все еще не верю в те вещи, которые, по твоим словам, ждут, когда я ступлю туда.

— Не обижайтесь. — Он с трудом придумал что-то еще и сказал: — Но звучит так, будто вы очень стараетесь кого-то убедить.

— Тебя, — настаивала она. — Это у тебя теория.

— Конечно. Но тебе не обязательно убеждать меня. Ты можешь просто сказать “нет” и прекратить разговор. Но ты хочешь — ты жаждешь продолжать говорить о нем, потому что тебе действительно было не все равно, а теперь он причинил тебе боль. Поэтому вы хотите говорить. Поэтому я тебе не верю. Я также не верю ему, когда он отрицает это, — сказал он и понял, что это, по крайней мере, правда.

— Я был женат дважды, Лиз. Я знаю симптомы. — Он откинулся в кресле. — Позволь мне сказать тебе, что произойдет. Хеша не придет к тебе. Думаешь, он тебя пугает? Ты пугаешь его до смерти, — сказал Томпсон, скрестив пальцы, чтобы отогнать молнии. Она опустила глаза — она поверила в это, — помоги ей Бог, подумал Рон. И прости меня, Господи.

— Если тебе все равно, или ты не можешь пережить шок, или тебе так же страшно, как и ему, ты можешь оставаться в этой комнате до тех пор, пока длится опасность, если ты действительно этого хочешь. А потом он отправит вас домой в Нью-Йорк, и вы больше никогда его не увидите. Но пока вы

будете ждать, каждый из вас будет знать, что другой находится по ту сторону стены — пока он не выдержит и не найдет повод убежать от вас еще дальше. Томпсон, ошеломленный размером лжи, запутался и потянулся к клише. — Я знаю, это несправедливо, что тебе приходится делать следующий шаг. Это было лучше. — То, что здесь не так, это его... вина... из-за того, что он такой. Но я не могу пойти туда и поговорить с ним вот так. Поэтому я здесь. И... я прошу тебя. — Он покачал головой. — Потому что вы оба мне нравитесь. — Он нервно поигрывал своей пустой кофейной чашкой, и его голос звучал как угодно, но только не уверенно. — Иди к нему. Поговори с ним. Может быть, пусть он попытается объяснить.

Томпсон проверил свои часы и встал.

— Мне пора идти. Раф будет меня искать. — Он оглянулся на нее, но Лиз не отрывала глаз от ковра. — Пожалуйста, хотя бы подумай о том, что я сказал. И не надо... ну, я бы предпочла, чтобы ты не говорил боссу, что я была здесь, вмешивалась в его... личную... жизнь... — Он поднял поднос и унес его с собой. Через несколько мгновений замок щелкнул, и из-за двери донесся звук сдвигаемых баррикад.

— Докладывайте.

— Мисс Димитрос отправилась на прогулку сегодня днем, — сказал Томпсон. — Асп остановил ее недалеко от внутренней ограды и попросил вернуться.

Хеша повернулся от своего начальника охраны, чтобы посмотреть на Рафаэля.

— Воодушевлен, — сказал он ровно.

— Да. — Рафаэль слегка защищался даже перед самим собой. — Я привел ее обратно. И я передал ее Рону. А потом, — сказал он, видя, как уходит от неловкого внимания своего работодателя, — они исчезли в ее комнате на час.

Хеша снова обратил свой холодный взгляд на Томпсона.

— В ее комнате?

— Я хотел посмотреть на ее приготовления. — Рон откинул обложку своего блокнота. — Баррикада, сэр. Вы можете услышать, как она передвигает ее снаружи, даже через микрофоны системы. Как выяснилось, она соорудила ее из фасадов шкафов на складских полках Вегеля. У меня здесь есть эскиз — на самом деле, конструкция не сложнее карточного домика, но она достаточно эффективна и...

— Находчива, — пробормотал Хеша, взглянув на лист бумаги. Он протянул его обратно.

— Тебе не хватило часа, чтобы осмотреть ее комнату, Рон, — вмешался Асп. — Что еще там происходило? Томпсон проигнорировал взгляд Рафаэля и сумел, медленно и аккуратно складывая эскиз, убрать его, не смотреть Хеше прямо в глаза. — После “поощрения” Рафа, — начал он, — я подумал, что ей нужно немного нормальности. Рон перелистнул следующую страницу своего блокнота и спокойно встретил взгляд своего работодателя. — Немного метафорического подержания за руку. У нас был хороший, долгий разговор, сэр. Считайте, что клетка позолочена.

Хеша долго не решался заговорить.

— Очень хорошо. Другие дела?

***

Элизабет подошла к кабинету Хеши.

Из дальнего конца подвала донесся слабый щелчок. Хеша стоял в открытом дверном проеме.

Она держала себя в руках, пересекая пространство между ними в медленном темпе, который (она молилась) не выдавал ни малейшей тревоги, которую она чувствовала.

— Добрый вечер, Хеша, — сказала она, забирая у него его любимое приветствие. — Я надеялась, что ты придешь сегодня вечером. Не найдется ли у тебя несколько минут, чтобы уделить мне время?

Ее хозяин отошел в сторону и жестом пригласил ее войти.

Элизабет улыбнулась.

— Вообще-то, если вы не возражаете... — Она указала небрежной рукой в сторону своей комнаты. — Я думала о более приватной беседе.

Хеша не шелохнулся.

— Я могу отменить систему, если вы хотите.

Ее верхняя губа подергивалась.

— Но у меня не было бы возможности узнать, действительно ли ты это сделал или нет.

Его гладкая черная голова склонилась в ее сторону.

— Очень хорошо, если вам там безопаснее.

— Незначительно.

Когда оба сели, Элизабет улыбнулась как можно шире и протянула правую руку.

— Здравствуйте, — сказала она. Хеша взял свою руку и пожал ее. — Меня зовут Элизабет Димитрос. Я родилась в Бруклине и прожила в Нью-Йорке большую часть своей жизни.

Я зарабатываю деньги, реставрируя предметы искусства для антикварной галереи. Я учусь на доктора в невероятно непонятной области. Я не замужем, мне двадцать девять, и мне это не очень нравится. Она закончила пожатием плеч, которое унаследовала от своего отца; цветущее, греческое, с участием всей руки.

— Двадцать восемь, — вставил Хеша. — Двадцать восемь до сентября.

— Третий удар, — пробормотала Элизабет.

— Пардон?

— Я никогда не говорил тебе свой возраст, не говоря уже о дне рождения. Ни Томпсону, ни близнецам. — Ее улыбка исчезла. — Я полагаю, Эми могла бы упомянуть об этом, но она этого не делала, не так ли?

— Нет.

— Значит, вы знаете меня, — сказала она нарочито спокойно, — очень хорошо. А я ничего не знаю — ничего, правда, — о вас. — Она глубоко вздохнула. — И я подумала, не хотите ли вы представиться. — Элизабет проглотила нервный, задыхающийся рефлекс. -Пожалуйста.

Хеша сложил руки вместе и сделал странный полупоклон головой и плечами.

— Меня зовут Хеша, правда; это молочное имя, которое дала мне моя мать. У меня много других. Рухадзе я взял у моего друга после его смерти; у него не было сыновей, и я хотел почтить его память. Я был Хеша Абн Юсуф, Хеша Вашингтон, Хеша Абрахам... Я родился между Первой и Второй катарактами, в Нубии, которая сейчас является Суданом, в деревне, которой больше не существует из-за Асуанской плотины, у народа, который исчезает, у религии, которая не

должна была сохраниться. Я путешествовал по Северной Африке, Индии, Европе и Америке. Я сделал деньги на антиквариате, но мои нынешние владения разнообразны. Большую часть своего времени я посвящаю изучению древних языков и культур; я стараюсь, чтобы погребенные опасности не попали в чужие руки. Я холостяк по натуре, — подчеркнул он. — Я значительно старше, чем выгляжу; и до этого лета я получал огромное удовольствие от жизни.

— До этого лета, — ровно ответила Элизабет.

— В солнцестояние одна из самых страшных опасностей, которую я пытался обуздать, была раскрыта. Я понятия не имею, кто владеет ею сейчас. Во время солнцестояния Эрих Вегель, который был моим партнером и единственным... другом, — сказал Хеша, — принял приглашение на торжественное мероприятие и провел там деловую встречу от моего имени. Он был убит в тот вечер или вскоре после него, как я полагаю. Возможно, он попал в руки наших врагов. Возможно, что его подставили наши деловые партнеры; возможно, что люди, которым я доверял, теперь представляют угрозу. В солнцестояние началась ночная война за контроль над Восточным побережьем. В солнцестояние я встретил тебя. С тех пор, — сказал он, поднимая палец за каждый проступок, — ты вернула Кеттриджа в мой круг, нарушил порядок в моем доме, вторглась в мое святилище и едва не стала причиной смерти моего слуги Томпсона. — Подняв четыре пальца вверх, он начал другой список, в идентичных тонах, и загибал вниз по одному пальцу за каждый пункт. — Вы также обнаружили, как снять белый глаз со статуи, нашли один из двух недостающих камней, извлекли кольцо из валуна Вегеля и выявили слабые места в нашей системе безопасности, не убив никого из тех, кто находится под моей защитой. — Он закончил, снова закрыв рот рукой.

Элизабет отважилась:

— Мне жаль вашего друга. И я ничего не знаю ни о вашей опасности, ни о вашей войне, — серьезно сказала она. Ее желудок сжался в болезненные узлы. — Что касается последнего… ты хочешь сказать, что мы квиты? Потому что я тебя не понимаю. — Она потянулась к кулаку, который он все еще держал в воздухе между ними. — В этой ситуации есть нечто большее, чем четыре на четыре. — Ее рука сомкнулась над его рукой, и Хеша позволил ей остаться.

— Нет. Вы правы. Я забрал кое-что. Например, вашу свободу и безопасность — и я останусь вашим должником до тех пор, пока не верну их вам. — Его голос, отстраненный и официальный, обрушился на нее, как ледяная вода, но его глаза нашли ее и жарко запылали.

Они долго сидели в тишине.

Без слов Хеша разжал руку, которую держала Элизабет. Он потянулся к другой ее руке, и они продолжали сидеть, ничего не говоря. Узлы в животе Элизабет исчезли и сменились бабочками — не обычными, рожденными страхом, надеждой или прошлой любовью, а бешеными бабочками, которые причиняли боль и разрывали ее в то же время, когда она чувствовала себя прекрасно. Теплые волны удовлетворения омывали ее шею и плечи, сражаясь с ужасным холодок пробежал по ее позвоночнику. Она надеялась, что он заговорит. Она боялась того, что он может сказать.

Руки Хеши крепко держали смертную. Его указательные пальцы поддерживали ее запястья; его завораживал ритм биения ее сердца. Приятная музыка, подумал он. Он терпеливо ждал, пока сменится темп. Торопиться было нельзя… Когда пришло время, он произнес заготовленные слова.

— Элизабет, — мягко сказал Сетит, глядя ей в глаза. — Не задавай мне вопросов, — он колебался в течение тонко рассчитанной секунды, — пока не будешь абсолютно уверена, — снова пауза, — что тебе нужны ответы. Он свел ее руки

вместе и слегка коснулся губами костяшек пальцев; он осторожно опустил их ей на колени.

— У меня сегодня очень много работы, — сказал Хеша, поднимаясь. — Но я хотел бы увидеть тебя завтра. Не желаешь ли ты поработать над папирусом завтра в десять часов? — Она серьезно кивнула, и он с таким же торжественным лицом проскользнул через баррикаду и удалился.

Хеша уставился на пакет с кровью, который ждал его в квартире.

— Томпсон, — громко сказал он в пустой воздух.

Открылась цепь.

— Сэр.

— Приготовьте мою машину.

— Ваша машина, сэр?

— Если у вас нет особого желания наблюдать за моей охотой, вы подготовите мой личный автомобиль вместо модели с шофером.

— Ваша машина, сэр, — быстро сказал Томпсон.

Переговорное устройство замолчало со щелчком.

Вторник, 13 июля 1999, 12:31 PM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

Шаги на лестнице остановили Рона, когда он стоял на кухне.

Элизабет поднялась на самый верх и увидела, что он смотрит на нее.

— Привет, — сказала она.

— Привет, Лиз. — ответил Томпсон. — Ты в порядке?

— Нет. Но что мне с этим делать? — Томпсон молчал. — Есть шанс, что вы поможете мне собрать мою комнату? — Элизабет с тоской посмотрела на него. — У меня проблемы с большими дверями; я не могу одновременно держать их и вставлять штыри в петли.

— Конечно.

— Вы говорили с ним?

Она кивнула.

— Рон... наверное, я должна была сказать это раньше... но спасибо. — Она сделала паузу, и Томпсон поразился мимолетному сходству со своим хозяином в лице девушки. — За совет. И за то, что снял с меня Аспа на днях. И... за то, что вытащил меня оттуда. Змеиной ямы. Когда-нибудь, Рон, объясни мне, почему в этом доме есть комната, полная змей. Только не сегодня. Спасибо тебе, — неубедительно закончила она, — за то, что спас мне жизнь. Она подняла на него глаза. — Боже, это звучит так неадекватно, когда ты действительно говоришь это, не так ли?

Томпсон улыбнулся, покачал головой, но ничего не сказал. Он потянулся за пустой бутылкой. Вторник, подумал он. Ко вторнику она поблагодарит тебя за то, что ты спас ей жизнь. Будь он проклят.

Рафаэль завернул за угол от лифта и прислонился к стене бункера.

— Что ты делаешь, Рон?

— Отчеты агентств. Согласно этим шутникам, Кеттридж вчера был в Сент-Луисе, Филадельфии и Мемфисе. Чертовы дети. Не узнают собственных матерей на опознании.

Асп влил сочувствие в свой голос.

— Тебе нужно выпить, Рон.

— У меня есть выпивка. И я не буду пить то, что ты называешь выпивкой, — сказал Рон, пока не увидел бутылку, которую предлагал Рафаэль. — Ни хрена себе. Где ты это взял?

— Подарок от босса. За то, что вернул нашу девочку, не сломав ее. — Он пожал плечами. — Полагаю, я в долгу перед тобой; я бы, наверное, по крайней мере, порвала что-нибудь, если бы ты не вмешался.

Рафаэль поставил тумблер на консоль и наполнил его щедрой двойной порцией.

Томпсон сделал глоток, кивнул в знак благодарности, затем снова взялся за свои отчеты. Асп опустился в свободное кресло и стал смотреть на экраны. На центральном мониторе Элизабет и Хеша работали за папирусным столом. Звук был выключен, но казалось, что сидящие фигуры разговаривают вполне дружелюбно.

— Итак. — Рафаэль удовлетворенно наполнил свой стакан. — Все вернулось на круги своя, Рон?

Элизабет вздохнула и аккуратно отложила заметки Вегеля в сторону. Рукопись одолевала ее. Она отодвинула стул на фут или два дальше по свитку, к более богато иллюстрированной части.

***

— Устала? — спросил Хеша.

— Разочарована. — Лиз отщипнула клочок папируса с неясным красным оттенком от края стола. По краю проходила маленькая черная линия... которая не совпадала с тем участком, о котором она думала. — Мне так повезло с этим в прошлую пятницу.

Ее хозяин продолжал работать без комментариев.

— Сколько тебе лет, Хеша? — неожиданно спросила Элизабет.

— Тридцать три, я думаю. Возможно, тридцать четыре, — сказал Сетит, встретив ее взгляд с забавным и озадаченным выражением. Элизабет скептически подняла бровь. — Не считая лет, прошедших с тех пор, как я не умер, конечно.

— Как давно это было?

Его лицо ожесточилось.

— Вы хотите знать правду? — Элизабет кивнула. — Возможно, это был 1700 год н.э.; я часто подозреваю, что это было раньше. Старые календари не очень хорошо согласуются друг с другом. — Он наблюдал за ней. — Ты не удивлена?

— Нет. Я была готова к этому; ты уже достаточно намеков сделал. — Лиз снова взялась за щипцы и нашла подходящий красный осколок. — Предметы быта вашего деда из Северной Африки пятнадцатого века. — Она улыбнулась его отражению в столе. — Что написано на этом папирусе?

— Вы думаете, я могу это прочитать?

Она засмеялась.

— Да. — Она соединила еще две красные части вместе.

Его черные глаза сверкнули на нее.

— Истина? Это храмовая копия народной сказки о Нептис. На картине, над которой ты работаешь, изображено, как она покидает двор своего брата Сета, двор Верхнего Египта, чтобы навестить своих женатых братьев и сестер Осириса и Исиду в Нижнем Египте. Этот фрагмент, — он обратил ее внимание на собранную часть, — это молитва, а это, — еще один звуковой фрагмент, — рецепт благовоний для умилостивления богини.

— О. — Элизабет потянулась за записями Вегеля и новым листом бумаги. Она переписала символы четырех божеств и двух судов и начала искать имена среди обрывков.

— Как вы познакомились с профессором Кеттриджем?

— На раскопках в Ливане. Баальбек. Это долгая история.

— Ты куда-нибудь идешь? — Она усмехнулась ему.

— Нет. — Хеша подождал, давая ей возможность, но когда Элизабет не спросила правды и не поискала ее глазами, он беспрепятственно продолжил. — Джордан Кеттридж мог не узнать событий, описанных в версии Сетита, но Хеша сделал из них захватывающую историю. Профессор Кеттридж блистал в роли честного археолога, втянутого в международные события.

Томпсон смело выступил против неназванных террористов; Эрих Вегель в одиночку, ночью, защищал раскопки от непреодолимых трудностей; а Хеша (с изрядной долей скромности) вышел на сцену в качестве лингвиста, местного гида и тихого человека за кулисами. К концу рассказа Кеттридж раскрыл секрет Хеши, слишком остро отреагировал и вполне правдоподобно сбежал.

— И с тех пор вы с ним не разговаривали?

Сетит сделал паузу.

— Я подозреваю, что вызываю у него те же кошмары, что и у тебя, — он поднял на нее глаза, — хотя и по другим причинам… — и мягкий, смущенный взгляд его глаз был мастерским искусством введения в заблуждение. С легким, видимым усилием он отмахнулся от чувств. — Кеттридж — ученый. Я… трудно объяснить. Я не навязываю ему этот вопрос. — Хеша положил свои инструменты на столешницу. — Думаю, на сегодня с меня хватит, — сказал он, потягиваясь. Элизабет наблюдала за движением его тела под рубашкой, обнаружила, что уставилась на него, и быстро отвела взгляд. — Тебе тоже нужно отдохнуть.

Они встали вместе. Медленно идя бок о бок, они прошли по всей длине музея. В том месте, где Элизабет должна была повернуть к комнате Вегеля, а Хеша — к своей, она замешкалась и с облегчением обнаружила, что он все еще стоит рядом с ней. Его рука потянулась к ее плечу.

— Иди, — хрипло сказал Хеша.

Элизабет прикусила губу. Она достала из кармана ключ и спустилась по ступенькам к своей двери. Она слушала, как его мягкие шаги уносят его дальше, к его собственному порогу, и повернула ключ в замке. Еще секунду она колебалась. Иди в постель, Лиззи. Не думай об этом. Она вынула ключ из замка и

открыла дверь. Вопреки здравому смыслу, она оглянулась... и увидела его лежащим на полу.

— Хеша!

Она закричала и побежала одновременно, добежала, задыхаясь, до остановки на руках и коленях.

— Хеша! — Руки Элизабет беспомощно тряслись. Ни пульса, который можно было бы измерить, ни дыхания, которое можно было бы прослушать. Его глаза — его глаза были закрыты; веки и радужка неподвижны. Она ударила кулаком по полу и снова вскочила на ноги. Книжная полка — она подлетела к ней и попыталась открыть ее.

— Томпсон! Томпсон !— Она яростно била ногами по тяжелому деревянному ящику. — Черт возьми, Рон! — Она кружилась вокруг, пытаясь вспомнить... повсюду были микрофоны, но где же ближайшее переговорное устройство? В ее квартире? Кабинет Хеши? — Томпсон! — крикнула она снова.

Элизабет повернулась и побежала в свою комнату. Позади нее книжная полка отодвинулась в сторону, и Томпсон с Аспом увернулись от нее, чтобы добраться до своего хозяина. Ее чуть не сбили с ног, но она почти не думала об этом.

Рон Томпсон опустился на колени возле Хеши, осторожно, не касаясь ни его, ни его одежды, и жестом остановил двух других.

— Сэр?

Никто не дышал.

— Сэр?

Левая рука Сетита поползла к воротнику. Из шнуров, висевших на шее, он с леденящей быстротой выбрал самый новый.

— Глаз, — сказал он.

Томпсон махнул Рафаэлю рукой.

— Возьми его за ноги. — Асп повиновался, и вместе они подняли не сопротивляющуюся тушу Хеши с земли. — Лиз, откройте дверь в его комнату.

Среда, 14 июля 1999, 3:56 AM
Ферма Лорел Ридж
Колумбия, Мэриленд

— Свет, — сказал Томпсон. — Сэр? Мы на последней ступеньке. Мы не можем идти дальше без...

Существо в его руках шипело. Визгливое эхо заполнило камеру.

— Спасибо, сэр. — Томпсон снова начал двигаться. — Осторожнее, Раф. Они не укусят после того, как он сказал слово, но на всякий случай шаркай ногами. Поворот направо, сейчас. Легко.

Элизабет закрыла глаза, глубоко вздохнула и осторожно вошла в путаницу змей по щиколотку глубиной. Процессия прошла мимо Восьмого часа и Седьмого. Элизабет приходилось часто останавливаться, чтобы найти свободное место для отдыха. Ей казалось, что звезды над головой движутся вместе с ними, а клубок рептилий смотрит на нее.

— Прямиком в песочницу, Раф. Лиз? Переходим здесь. — Они вышли в пустой центр гробницы. Элизабет последовала за ними, уверенная, что за ней что-то идет.

— Хорошо. Уложите его. — Томпсон уложил своего хозяина на длинную, тонкую, приземистую скамью — почти раскладушку — на краю большого, круглого участка белого песка. Из маленького комода рядом с кругом он достал бронзовый амулет на черном шнуре и небольшой мешочек, затянутый шнурком. Без слов он протянул их Хеше, и пальцы сетита ожили.

— Что с ним? — прошептала Элизабет.

— Тихо, — приказал Томпсон. Посмотрев на ее лицо, он сдался. — С ним все в порядке, он просто… концентрируется. У него нет лишней энергии. Не отвлекайте его. — Он подтащил ее к стене и освободил место, чтобы они могли сесть. На другой стороне песка Асп сделал то же самое.

Руки Хеши остановились. На мгновение ничего не произошло. Затем он сел прямо на скамью, вытянул руки, крепко сжатые вместе, и пошевелил ртом, как будто говорил. Трое смертных услышали лишь слабый свист, похожий на дуновение ветерка. Правая рука Хеши торчала прямо, твердая, как камень. Левая рука Хеши медленно опустилась, держа бронзовую фигуру. Белый глаз статуи был завязан в узел над ней. Кончик амулета коснулся песка; левая рука сетита снова опустилась на колени, и хотя тело его совсем не двигалось, маятник начал бешено раскачиваться.

Элизабет завороженно наблюдала. Маленький бобик не подчинялся половине законов физики — после быстрого удара кнутом в одну сторону, натянувшего шнур до упора, он был в полном порядке, он так же быстро вернулся к центру, изменил направление и вяло покачался по короткой дуге. Медленно, быстро, коротко, длинно, делая резкие повороты, широкие углы — как магнитная вершина, подумала она. Как игрушка. Она подтянула колени, уперлась обеими руками в пол и села прямо, чтобы лучше видеть. Тонкие черные линии появлялись на песке везде, где проходил амулет.

Когда он остановился, он остановился внезапно. Глаз и груз сделали последний отчаянный рывок к длинной леске и остались на месте, дрожа, капая темным порошком на песок. Хеша протянул руку, схватил амулет, и леска между его руками ослабла.

— Кеттридж находится в Филадельфии, — сказал он совершенно обычным голосом. — Пусть агентство обеспечит ему охрану. Он не должен знать, что команда там; ему не должны мешать, но ему понадобится больше глаз и огневой

мощи, чем, как я подозреваю, он сможет собрать самостоятельно. Кто видел его там?

— Полина Ричардс, сэр. С вашего разрешения, я бы хотел, чтобы она возглавила команду. Она одна из кандидатов, которых я рассматривал в качестве замены.

— Как скажешь. — Хеша открыл глаза. — Кеттридж последовал моему совету. Интересно. Другой красный глаз остался в Нью-Йорке. Он подозревал, что им владеет колдун; если это так, то он совершенно недоступен — но если это так, то почему он… без присмотра? С ним не было связано никакого присутствия. Само Око находилось в Атланте. Очень хорошо. Теперь, когда он понял источник, оно может оставаться на месте. — Хеша потер белую бусину между пальцами. Он снял ее со шнура и снова повязал на шею. Длинная линия; линия, слишком слабая и зыбкая, чтобы проследить ее в первую ночь в Нью-Йорке, — теперь он знал, где она заканчивается.

Он повернулся к Аспу.

— Спасибо за помощь. Не могли бы вы занять стол, пока мы с Томпсоном завершаем приготовления? Времени мало. — В конце он добавил: — Покажите ей безопасный выход, если можно.

— Да, сэр. — Рафаэль проворно протанцевал между телами медноголовых. Лиз колебалась, нависая над Хешей. — Спокойной ночи, Элизабет, — сурово сказало существо. Ее челюсти сжались, но она поспешила догнать своего проводника, и они исчезли на лестнице.

— Томпсон. Око находится в Атланте, но источник силы Ока находится в Калькутте. Мы немедленно отправляемся в Индию. — Сетит встал на ноги и направился к саркофагу. Змеи открыли ему путь. Рон шел следом. — Позвони Джанет, как только покинешь меня; подготовь оборудование для себя и

Аспа. Ожидайте худшего. Конференция на закате, как обычно, но пусть на ней присутствует мисс Димитрос.

— Сэр? Мы… мы не можем взять ее с собой?!

— Нет? — Хеша сел на край его каменной кушетки. — Мы не можем оставить ее здесь одну, Томпсон; мы не можем отправить ее обратно в Нью-Йорк, пока не будем уверены в ней. Доктор на Аляске. Я сомневаюсь, что ее второй командир будет так благосклонен к нашему обычному решению по хранению… даже если бы я рискнул здоровьем Элизабет, погрузив ее в кому на недели или месяцы нашего отсутствия. Конечно, мы можем убить ее… но я думаю, что она пригодится нам в Калькутте.

— Если вы не хотите, чтобы я передумал, Томпсон.

— Нет. — Румяное лицо Рона было бледным. — Нет, сэр, спасибо.

— Оставь меня, — сказал монстр, ложась. — Солнце встает.

***

Элизабет появилась — неуверенно, но уверенно — в двери между ее комнатой и резным склепом Вегеля. Томпсон встал, указал на пустой стул рядом со своим и ободряюще улыбнулся. Он протянул Лиз толстую пачку документов, включая ее собственный подлинный паспорт, выписки из прививок и университетские документы, которые она оставила в своей квартире в Нью-Йорке. Он открыл свой блокнот — новый, посвященный Калькутте и ничему другому — и откинулся на спинку кресла в предвкушении. Рафаэль сел в кресло, и после театрально уместного перерыва к группе присоединился сам Хеша.

— Добрый вечер, — сказал Сетит, заняв свое место на каменной скамье. — Джанет? — обратился он к потолку.

— Вот, сэр.

Хеша повернулся лицом к Лиз и жестом указал на развоплощенный динамик.

— Элизабет Димитрос, Джанет Линдберг. Боюсь, обстоятельства не позволяют представить вас более лично. Мисс Димитрос, мы вылетаем в Калькутту сегодня днем.

Брови Элизабет удивленно поднялись. Ее подбородок резко, вызывающе поднялся. В ее глазах вспыхнули золотые отблески, и она слегка отстранилась. Однако она ничего не сказала, и Хеша, у которого наготове была быстрая и тихая речь, чтобы убедить ее, если это понадобится, отложил эти слова и продолжил:

— Томпсон и Асп идут с нами; миссис Линдберг и Асп остаются здесь в качестве тылового охранения. Докладывайте, пожалуйста. Джанет?

Джанет быстро записала все приготовления и предполагаемые личности, под которыми каждый из них будет путешествовать, включая дипломатический паспорт для Аспа.

— Дипломатическая печать на всем его багаже — включая вас, сэр.

— Отлично, — сказал Хеша. — Отель?

— Оберой Гранд. Центральный, дорогой, традиционный, но отремонтированный — и со свободным люксом, превосходящим основные требования Томпсона, сэр.

Рон заговорил.

— Мы подстраховались, предоставив комнаты под прикрытием в различных более подходящих местах по всему городу. У меня есть агенты, которые прибудут на место по

графику и войдут в состав группы охраны. И там будет находиться Г. М. Рухадзе, который будет пересекать границы, чтобы отчитываться о вашем появлении и исчезновении по мере необходимости.

— Боеприпасы?

Томпсон посмотрел в сторону Элизабет. Он и Асп подготовили свои варианты, но... они были несколько откровенны. Вместо того чтобы зачитать список вслух, он передал блокнот своему работодателю. Хеша просканировал его без выражения. Не глядя, он протянул руку к Томпсону, и Рон передал ему карандаш.

— Возьмите с собой дополнительные запасы обведенных предметов; они могут понадобиться нам для торговли на черном рынке. Если нет, мы можем раздать их по доброй воле до нашего возвращения.

— Что касается личных вещей: Будьте готовы ко всему. Асп, ты можешь сойти за местного, если не будешь говорить. Я хочу, чтобы ваш максимальный набор костюмов был готов, как только мы приземлимся. То же самое касается и моего комплекта. Мы можем подобрать дополнительную одежду для местных жителей, как только доберемся до города, но мы не сможем сделать это без подозрений, если не смешаемся с толпой, прежде чем войти в магазины.

Томпсон. Западная одежда. Туристическое снаряжение, деловая одежда, телохранитель любого уровня — от потроха до блеска. Если вы сможете подобрать акцент, мы можем добавить англо-индийский диапазон.

— Элизабет. Собери свои вещи обратно, но не бери все книги. Просмотрите свой предполагаемый маршрут и выберите те книги, которые помогут в работе над диссертацией в этих местах. Возьми из библиотеки Вегеля все, что тебе нужно, и принеси все, что у нас есть по бенгальскому мифу. Вы будете

изучать это и иероглифы большую часть нашего пребывания. Что касается одежды, я хочу, чтобы ваши вещи были в ваших собственных чемоданах. Томпсон, проследи, чтобы к нашему приезду в Оберой Гранд был в наличии гардероб для туристов, бизнесменов и джет-сет.

— У меня нет одежды в стиле джет-сет? Хеша, — вставила Элизабет. — Полагаю, твои люди могут украсть мои костюмы и вещи из моей квартиры, как они украли мой паспорт — но мое серебряное платье — единственное…

Он прервал ее.

— Мы займемся этим.

Элизабет затихла. Томпсон перелистнул на новую страницу в своем блокноте. Хозяин дома пробурчал им о выдаче багажа, об отправке ящиков под отдельными этикетками, и совещание затянулось.

Чувство, похожее на ностальгию, поселилось в костях старого полицейского. Там был Хеша, капитан экспедиции, в голове которого крутилась каждая деталь. Асп, убийственный, но знакомый, гладкий и бесшумный. Джанет, острая, тщательная, думающая обо всем почти так же быстро, как и сам босс. И если Вегеля не было рядом, чтобы придать эффективности немного извращенного тепла, то, по крайней мере, Элизабет наконец-то была в команде, а не тянула против нее. Он мог видеть ее через год, работающей в музее, болтающей с бедной одинокой Джанет, шутящей с близнецами, учащейся у него самого, как сканировать, снимать и управлять системой на ферме. Он посмотрел вниз на гладкую коричневую головку рядом с собой и улыбнулся. Младшая сестра, подумал он. Достаточно близко.

Часть третья: Калькутта

Пятница, 16 июля 1999 года, 8:06 вечера (местное время)
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

Хеша быстро проснулся. Солнце, садящееся над дельтой Ганга, покинуло Балтимор около десяти часов назад; долгое путешествие заставляло их входить и выходить из ночи тревожное количество раз. Освободившись от сна в грузовых отсеках реактивных самолетов, у него появилось время для себя. С тех пор как была разрушена Атланта, его молитвы к Сету были слишком редки, его размышления слишком часто прерывались Оком и всем, что с ним связано. Он позволил своему разуму на мгновение остановиться на снах, которые посылал ему его бог — болезненных, но многообещающих видениях, — и на планах, которые теперь конкретизировались в его мыслях.

Перевернувшись на спину, Сетит потянулся. Гроб, обитый замшей и наполненный огнеупорным гелем, лишь слегка сковывал его движения. Через некоторое время у него снова появились руки, ноги и нормальные уши. Ловко орудуя чешуйчатым когтем, он ощупал темноту. Возле его головы была небольшая пробка из геля и кожи; он отодвинул ее в сторону и прислушался.

— Раф? Какого черта ты принес это?

— Черный рынок. Они здесь очень горячие.

— Отлично. Уложи их. Давай, Лиз.

Хеша открыл крошечный люк, скрытый пробкой. Свет снаружи был тусклым и слегка голубоватым. Удовлетворенный, он приготовился к появлению.

Уверенный баритон Томпсона продолжал снаружи.

— В Калькутте нет телефонов, о которых стоило бы говорить, верно? Мы бы все равно ими не пользовались. Возьмите это. Здесь есть список номеров, которые вам нужно будет запомнить, я дам их вам через секунду. Но первый и последний протокол безопасности для наших телефонов: никаких имен. Никогда. Если кто-то набирает номер и называет вас Димитросом, Элизабет, Лиз, Лиззи, кем угодно — или спрашивает любого из нас по имени — вы вешаете трубку. Это звонок-ловушка. После того, как мы вдолбим вам в голову коды, я обсужу, оставите ли вы телефон на месте, позвоните нам, позвоните в службу спасения или что. Сейчас. Первое правило?

— Никаких имен.

— Последнее правило.

— Никаких имен.

Хеша выскользнул из алюминиевого чемоданчика в голубоватый полумрак. Его личные вещи были убедительно разбросаны по комнате. Его действительно личные вещи лежали рядом с наполненным гелем гробом и, по приказу, не были тронуты. Постельное белье, смятое, свидетельствовало о том, что путешественник был на взлете. В ванной комнате было достаточно следов использования; похоже, он не принимал душ. перед тем, как задремать. Он принялся за дело, и через полчаса чистый, отдохнувший Хеша, хорошо, но легко одетый, открывал соединительную дверь с остальной частью своих апартаментов.

— Добрый вечер.

Его помощники остановились в своих делах. Асп убрал сложный пулемет обратно в футляр. Он опустился рядом с ним на кушетку, загроможденную оружием. Томпсон отложил компьютер и нашел стул у пустого серванта. Элизабет подняла глаза от центрального стола. Ее новый телефон, блокнот, справочники и стопка местных газет лежали кучей вокруг ее жилища.

— Доложите, пожалуйста. Томпсон?

— Новости от Джанет ждут на вашем ноутбуке. Все здесь — пока что — прошло без заминок, сэр. — Он сделал короткий, пренебрежительный жест руками. — Конечно, мы только наполовину освоились.

Хеша вынул пистолет из одного из ящиков “Аспа” и взвесил его в руках.

— Тогда доложим на рассвете. Отбросив оружие, он повернулся и покинул их.

Пятница, 16 июля 1999, 11:27 PM
Кофейня Альберт-холла
Калькутта, Западная Бенгалия

Хеша вошел в старое, наполненное дымом кафе с книгой в руках. Это был потрепанный, перелицованный, исписанный и потрепанный экземпляр калькуттских народных сказок. Сетит получил чашку кофе, маленький столик и прямой стул с реечной спинкой. Он устроился так, словно ему предстояла целая ночь для чтения. Сквозь дымку и разнообразие света — ни одна из лампочек в светильниках, казалось, не была из одной страны, не говоря уже об одной коробке — Хеша без спешки установил зрительный контакт с мужчиной за угловым столиком в самом дальнем от двери углу. Индиец был беловолосым и бородатым, темнокожим и пустоглазым. Он разговаривал, приятно улыбаясь, с двумя серьезными молодыми студентами, у которых на футболках, книгах и сумках, если кто-то из посторонних сомневается, красовались университетские гербы и призывы к молодежи. Хеша не сомневался; он был уверен, что эти двое (какими бы ни были их прежние намерения) никогда больше не будут посещать лекции в залитых солнцем аудиториях Калькутты. Он поднес чашку с кофе к губам и открыл книгу на случайной странице, но не сводил глаз с троицы в углу.

Медленно, вежливо, старец прогнал своих гостей. Они ушли, недовольные, но сохранившие лицо, не обратив внимания на чисто выбритого чернокожего новичка, который прервал их аудиенцию.

Хеша почтительно дождался кивка бородатого мужчины, затем пересек запутанную, шумную комнату, чтобы присоединиться к нему. Хеша Рухадзе поклонился, убрал остатки мусора, оставленного студентами, и дружески устроился на сиденье у сине-зеленой стены магазина. Теперь вид на кафе у старика был ясный… как и у Хеши.

— Номошкар, Субхас Бабу.

— Номошкар, Хеша Бхай. Как ты поживаешь, младший брат?

— У меня все хорошо, Субхас. Очень хорошо. А ты?

— Признаюсь, я легко скучаю; в остальном жизнь моя сладка. — Он взял кофе, не свой, и Хеша последовал его примеру. — Они сделали вид, что пьют, затем поставили свои чашки рядом с пустыми сосудами.

— Я прошу прощения, если мое неожиданное появление заставило вас потерять друзей или бизнес, Субхас. Я был бы рад вернуться позже, если бы вы этого пожелали.

— Наоборот, братишка. Эти дети болтали бы всю ночь. Я благодарен за освобождение. — Старик поднес к губам еще более холодную чашку, поставил его на место и улыбнулся. -Забавно. Чем больше я настаиваю на том, что у меня нет Семьи, тем больше они убеждают себя, что я из своих, но стыжусь их.

— Молодые воины ищут философию в вашем почтенном уме?

— Шайка ищет вожака, Хеша. Не льсти им, как они льстят себя. Льстите мне сколько угодно, конечно. — Он мягко рассмеялся. — Итак, что привело тебя сюда, младший брат? Конечно, не Праздник Змей; еще слишком рано.

— Поговорить с тобой, Субхас.

— Весь путь из Америки? В следующий раз прилетайте ко мне на порог; я хотел бы увидеть страну богатства своими глазами.

Хеша наклонил голову к своему собеседнику.

— Это привело меня сюда сегодня. Калькутта изменилась с тех пор, как я в последний раз ходил по ее улицам.

— У него есть улицы, — перебил старейшина.

— И я верю, что вы знаете все, что нужно знать об этом.

— Вы оказываете мне честь. — Субхас облизал губы, отодвинул свой стул подальше от стола и скрестил ноги. — Устраивайся поудобнее, младший брат. Ты можешь курить? — Хеша кивнул.

— Это то, что делается здесь, вы понимаете. Акча! — Морщинистой, пятнистой рукой он подозвал служителя.

— Моя дорогая девочка, — сказал он в ее остекленевшие глаза, — убери этот беспорядок и принеси нам две зажженные трубки и две использованные чашки.

Когда она покинула их, Субхас начал составлять каталог ночной жизни Калькутты.

— Можно сказать, что Камарилья владеет собой, младший брат. Они так и говорят. У них есть принц; они держат двор, и те же персонажи разыгрывают те же маленькие комедии, что и в... ну, скажем, в Лиссабоне. Вентру говорят, что он обладает властью. Тремере колдует за его спиной. Тореадор делает вид, что возвышается над всем этим. Гангрел пренебрегает нуждами других. Малкав запутывает всех, включая себя. Бруха пожимает кулак Вентру. А Носферату смотрят и ничего не говорят. Но в Лиссабоне, конечно, Равнос — редкий и нежеланный гость. Здесь, осмелюсь сказать, он превосходит европейцев. — Девушка подошла и передала пустые чашки и полные, тлеющие трубки своим покровителям. — Прости меня, младший брат. Я позволила своей поэзии убежать от меня. Это не то, что тебе нужно.

— Старшие англо-родственники держат свои логова в старом Белом городе. Молодые пиявки спят везде, где, по их мнению, безопасно. Они часто ошибаются. У нас здесь много, много опасных мест. Я расскажу тебе о них в первую очередь. Я знаю, — сказал Хеша, качая головой, — что ты пойдешь туда первым, так что все может быть. Цыгане стоят лагерем у реки, к северу от ипподрома, под выработками для нового моста. Не приближайтесь к их жилищам, если хотите сохранить свои чувства и кожу. Гангрел и Равнос ведут небольшую войну, защищая этот район друг от друга. Держитесь подальше от Чайнатауна. Это сложно; есть... может быть, семь, может быть, восемь маленьких районов, которые могут побороться за это звание. С тех пор как вы покидали нас в последний раз, странные существа перебрались сюда из Бангладеш и Тибета. Остерегайтесь их. На юге живут волшебники. Я не слышал о нападениях их на наших сородичей уже некоторое время — но только до тех пор, пока наши сородичи избегали храмов Кали. Район храмов... неопределенный.

— В джунглях Сандербана полно тигров. Надеюсь, мне не нужно объяснять? — Оба сделали длинные, бессмысленные затяжки и откинулись в креслах.

— Охотничьи угодья? — спросил Хеша после долгого молчания.

— Везде. Для новичка, если вы ищете толпы после наступления темноты, Парк-Стрит подойдет. Отели хороши. Территория Майдана никогда не бывает совсем пустой, но я не должен рисковать. Слишком много деревьев, недостаточно каменной кладки.

— Элизиум?

— Ах. Ты хочешь смешаться с Камарильей? Такой плохой вкус, младший брат. Очень хорошо. Тебе, как всегда, повезло. Завтра вечером так называемый князь и его двор соберутся, чтобы поиздеваться друг над другом. Ты найдешь их, —

закончил он, и воспитанное презрение проступило в каждой черточке его лица, — в Бхутер Бари.

Хеша поднял бровь.

— Дом с привидениями? — перевел он.

— Боюсь, что да... Я полагаю, что придворный Малкав устраивает празднества во время Муссона.

Они снова закурили, глядя на задумчивые лица проходящих смертных. Наконец, Хеша заговорил.

— Я очень обязан тебе за твое время и мудрость, Субхас Бабу.

— Могу ли я предложить вам возможность погасить свой долг сразу?

Хеша окинул калькуттского старейшину безучастным взглядом.

— Пожалуйста, сделайте, сэр. Пожалуйста, сделайте.

— До меня доходит много слухов о ситуации в Соединенных Штатах. Не могли бы вы поделиться со мной своим взвешенным мнением о происходящих там событиях?

Хеша кивнул и затянулся дымом трубки.

— Я, конечно, говорю со стороны, — сказал он, тем самым оградив Око и свои собственные потери от историю, — но факты, как я их знаю, ваши...

Много позже на грязных ступеньках закрытого книжного магазина в кривом переулке рядом с Альберт-стрит сидела темная и потрепанная фигура, словно спящая. Со своего уличного насеста ожидающий шпион наблюдал, как высокий,

темный, лысый незнакомец прошел мимо него и скрылся в дождливой ночи. Когда черный человек скрылся из виду и слуха, его фигура развернулась. Невысокий, но выше, чем казался сидя; плохо одетый, но менее потрепанный, чем могло показаться с первого взгляда; грязный и сатурнически настроенный, но более красивый, чем можно было предположить по слоям грязи, он откинул мокрые волосы с глаз, повернулся к пустому пространству в воздухе рядом со ступеньками и спросил его:

— Он?

Суббота, 17 Июль 1999, 11:33 PM
Дворец Бхагьякул Рой, называемый Бхутер Бари
Калькутта, Западная Бенгалия

Хеша подошел к дворцу с юга. Сорняки, душившие мостовую, были раздавлены многими ногами до него; он шел по хорошо утоптанной тропинке среди восторженных лоз и трав. Сквозь густую серую пелену дождя он взглянул на старый особняк. Архитектор украсил его дешевыми копиями классических греческих статуй; сквоттеры добавили еще более уродливые проволочные телевизионные антенны. Первоначальные владельцы выложили свое богатство мрамором и редкими камнями; время, наводнения, гниение и разросшиеся деревья разрушили раствор и раскололи элегантный фасад. Стены без окон еще стояли, колонны и арки были целы, но в портике, где облаченные в ливреи лакеи первоначальной семьи ожидали гостей, толпились два десятка потрепанных, неопрятных мужчин, чтобы укрыться от бури. Дым поднимался от трубок и влажных сигарет в их руках. Из дешевых динамиков доносился женский голос: поп-музыка с бенгальскими текстами.

Хеша оглянулся на деревья и поднялся по разбитым ступеням дворца. Крупный мужчина, восседавший в важной позе на основании колонны, поднялся, чтобы поприветствовать его.

— Салам, сахиб. Только для членов, — уныло сказал он и приготовился снова сесть.

— Салам, бхаи, — произнес Хеша командным тоном. Охранник остановился. — У меня есть сообщение для одного из членов.

— Очень хорошо, сахиб. Ты отдашь это мне, а я отдам ему.

Хеша поднялся на последнюю ступеньку и встал лицом к лицу с бедняком.

— Я отдам его тебе, — сказал он, — если ты немедленно отнесешь его своему господину.

Серьезно, в тонах большого уважения, охранник сложил руки над запиской.

— Очень хорошо, сахиб. Благодарный, он перешагнул через своих товарищей и скрылся в тени.

Через полчаса охранник вернулся. Он подал команду остальным. Они бросились обратно в особняк, как крысы в нору. Сам предводитель исчез, и на ясную сцену вышел камарильский суд Калькутты.

Хеша ждал их, спустившись на три ступеньки вниз, мокрый, но ничуть не обеспокоенный этим. Если его одежда была мокрой от дождя, то сквозь нее было гораздо труднее видеть. Если его трость, монокль и голая голова неестественно блестели в свете домашнего освещения, тем эффектнее была бы его одинокая фигура. В качестве последнего штриха он сделал видимой свернувшуюся змею, вытатуированную на его обнаженной коже головы.

Длиннолицый светловолосый джентльмен в бледно-сером костюме подошел к портику. Они с посетителем долго молчали, а затем (к немалому удивлению ближайших к нему родственников) он грациозно спустился по широким ступеням к месту, где стоял Хеша.

— Давайте пройдемся, — сказал лорд Джеймс Абернети, принц Калькутты. — И вы скажете мне, почему открыто исповедуемый последователь Сета ищет аудиенции у меня.

— Я, — ответил Хеша, — просто представляюсь тебе по прибытии в твои владения. Это один из ваших законов, не так ли?

Принц слегка улыбнулся.

— Вряд ли я ожидал от тебя послушания.

— В данном случае это чисто практический вопрос. Я здесь по законному делу; я не хочу вас тревожить и не хочу, чтобы на меня напали в ходе ведения моих дел.

Лорд Абернети остановился. Ни он, ни Хеша не были настолько неопытны, чтобы смотреть в глаза другому сородичу, если не были уверены, что найдут там, но принц в гневе подошел так близко, как только позволяла безопасность.

— И почему, черт возьми, я должен позволять одному из таких, как ты, следовать правилам?

— Это, — начал Хеша, — ваш Элизиум будет разрушен. Симпатии Двора, несомненно, будут на вашей стороне; но так ли уж безопасно, чтобы кто-то стоял, — он сделал паузу, — за вами? В качестве дополнительного соображения я принес три вещи. Дар...

Он хлопнул в ладоши, и из-за деревьев вышел маленький, плохо одетый человек. На тележке слуга с огромным трудом протащил через сорняки большой стальной ящик цвета оливкового и хаки. Хеша указал, и Асп остановил тележку на полпути к дому.

— Ракеты класса земля-воздух. Британского производства, не российские. И пусковая установка, конечно.

— И зачем они мне нужны от тебя?

Хеша задумчиво оперся на свой посох.

— Восточные проблемы, возможно?

Дождь стучал вокруг них, но Джеймс Абернети некоторое время ничего не говорил.

— Я согласен, — наконец разрешил принц, — при условии подтверждения того, что они, как вы говорите, полностью работоспособны. Каков второй пункт?

— Мое обещание, что я не намерен селиться в Калькутте.

Лорд Абернети громко рассмеялся.

— А третий?

Хеша достал из жилетного кармана тонкий пластиковый пакет. Он протянул его принцу. Лорд Абернети открыл пакет, используя конверт, чтобы укрыть содержимое от дождя, и прочитал — и узнал — почерк на письмах внутри. Его смертельно бледная кожа еще больше побледнела, и он забыл о себе настолько, что посмотрел собеседнику в брови.

— Добро пожаловать, — коротко сказал он, — в мои владения. Не хотите ли зайти внутрь?

— Благодарю вас, ваша светлость, — сказал Хеша.

После того как лорд Абернети представил гостя и самых уважаемых гостей — их хозяйка отсутствовала и не могла быть найдена — он передал свои светские обязанности одной из своих воспитанниц: Рани Сураме, смуглой и послушной дочери, уроженке страны (как и лорд Джеймс), одетой в огненно-оранжевое сари и с безупречными манерами. Она провела его по кругу, знакомясь с каждой группой гостей, а затем расположилась с Хешей в укромном уголке. Многие из его новых знакомых обращались к нему с любезностями, но прекрасная сопровождающая сдерживала их навязчивость, и в час дня они углубились в беседу.

Длинные и изящные руки Сурамы легко играли по струнам цитры. Это был антиквариат, привезенный во дворец ее отцом, и юная Вентру использовала его для музыки, для демонстрации и для того, чтобы начать близкий и интересный диалог о бенгальских древностях. Хеша смеялся, улыбался, хвалил юную леди за ее таланты и сокровища ее родины. За гражданской маской он следил за атаками и финтами великолепного создания так же четко, как если бы она дуэлировала на шпагах, а не задавала вопросы. Она проверяла его рассказ, вероятно, по приказу лорда Абернети; она была любопытна сама по себе — ожидающим придворным не было дано ни малейшего намека на три дара Сетит; она пыталась, бедный младенец, соблазнить его.

В конце концов, Хеша заметил в толпе мальчика-подростка. Нетерпеливо ступая, худая костлявая фигура направилась к месту, где сидели Хеша и Сурама. Он уставился в пол перед собой и заговорил.

— Рони, твой отец ищет тебя, ты же знаешь.

— Правда? Спасибо, Мишель. — Детище принца оставило Хешу и ушло на вечеринку. Мишель с тоской смотрел ей вслед; сердце его лежало на лице. Мягко, на архаичном курдском языке, он сказал:

— Какого черта ты делаешь, заходя вот так спереди? — Его интонация напоминала душераздирающую поэзию.

— Время — это важно, — ответил Хеша на том же языке.

— Домашний пророк Тифона спешит. — Старый тремерский волшебник, давний должник Хеши, покачал головой. — Я не верю в это.

— Око Хазимеля свободно в Америке.

— Тогда я рад, что я здесь. — Он сделал паузу, а затем добавил: — Просто чтобы вы знали — я самый зеленый неонат, не более двадцати лет от роду, присланный сюда капеллой из Нью-Дели. С момента моего прибытия я стал преданным рабом маленькой Рани.

— Я сделаю все возможное, чтобы подкрепить эту идею, — сказал Сетит. — Однако. Руководящая сила, стоящая за Оком, находится в Калькутте.

Лицо Мишеля приобрело еще более скорбное выражение.

— Вы уверены?

Хеша не потрудился ответить, и Мишель взял в руки выброшенную Сурамой цитру.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Определите источник. Затем скажи мне, где его найти.

— Ммм... — Мишель начал играть любовную песню. — Поторопись, если ты торопишься, и расскажи мне подробности, пока она не вернулась.

— Она не вернется.

— Почему? — Колдун взглянул на своего спутника, но Сетит не ответил. — Прости. Как я мог забыть? Хеша, как всегда, ничего-ничего. Позволь мне взглянуть на.... Кровная слабость лорда Абернети — девушки, совсем юные девушки.

— Дочь лорда Абернети, Рани Сурама, — амбициозная молодая пиявка с плохим вкусом в выборе друзей. Сегодня вечером я привез с собой доказательства ее измены. Мишель пристально посмотрел на него. — Я бы не стал вступать с вами в контакт, если бы не предоставил милому двору что-нибудь

более интересное для просмотра во время нашего разговора, — просто ответил сетит.

Когда слухи начали распространяться среди собравшихся родственников, Хеша рассказал Тремере достаточно подробностей, и не более. Суматоха во внешних комнатах стала громче, и Сетит закончил:

— Вы найдете меня в отеле Oberoi Grand. Я буду ужинать в одном из ресторанов каждый вечер с белокожей шатенкой в качестве камуфляжа. Приходите к нашему столику и поговорите со мной об антикварiате. Это не должно скомпрометировать ваше положение; я призвал половину пиявок в городе делать то же самое.

— Тогда увидимся завтра. Если след такой сильный, как ты говоришь, это не займет много времени, — уверенно сказал колдун.

К тому времени, когда один из “друзей” Мишеля пришел сообщить ему, что его возлюбленная в опасности, два дьявола в углу уже были готовы сыграть свою роль. Мальчик побежал, потрясенный и страдающий, в аудиенц-зал принца. Он все еще сжимал в руке цитру Сурама. Хеша встал, нашел круг сплетничающих каинитов, с которыми можно было поболтать, и расположился на долгий, драматичный и утомительный вечер.

Воскресенье, 18 Июль 1999, 9:16 PM
Люкс Хеша, Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

Последняя закрытая дверь в большую комнату открылась, и оттуда вышел Хеша в свободном, простом черном костюме, который не дотягивал до смокинга. Он взглянул на ожидавшую его женщину, затем начал набивать карманы оборудованием. Телефон, портсигар, зажигалка...

— Повернитесь, пожалуйста, — приказал он.

Элизабет повиновалась. Слои бледно-голубой и янтарной марли неторопливо последовали за ней. Томпсон почесал заросший щетиной подбородок. Асп свободно подглядывал. Хеша равнодушно осмотрел ее и заговорил скучным тоном:

-Джанет. — Ее руки, плечи и грудь слишком обнажены для Бенгалии. — Все ли ваши подборки соответствуют этим требованиям?

Из трубки раздался голос Джанет Линдберг.

— Да, сэр. Вы сказали, джет-сет. Вот что носит -Общество. Лиз... — Элизабет, больше не улыбаясь, посмотрела в сторону телефона, чтобы отвести взгляд от Хеши. — Лиз, в одном из чемоданов лежит золотая ткань. Надень ее; я заказала его на случай прохладной погоды.

— Я принесу его, — предложил Томпсон.

— Элизабет, — сказал Хеша. — Мы собираемся спуститься вниз и поесть. Ты когда-нибудь пробовала муглайскую еду? Хорошо. Тогда мы закажем две тарелки с образцами. Предлагай мне что-нибудь из своей тарелки, я буду делать то же самое. В конце концов вы съедите большую часть того, что перед нами поставят. Вы будете притворяться самим собой, месяц назад.

Вы ничего не знаете ни о моем доме, ни о команде охраны. Вы приехали в Калькутту из Резерфорд-Хауса по моей просьбе и находитесь здесь, чтобы помочь мне приобрести антиквариат и перевезти его в Америку.

— Я ожидаю, что, возможно, полдюжины человек придут к нам сегодня вечером. Некоторые из них будут моими совершенно невинными знакомыми. Когда я буду представлять вас им, я упомяну Эми Резерфорд. Некоторые из них будут менее невинны; я упомяну Агнес Резерфорд, и вы выйдете из-за стола, посетите дамскую гостиную, а затем вернетесь к разговору. Если я упомяну Гермиону Резерфорд, вы выйдете из-за стола, посетите гостиную и останетесь там, притворившись больным, пока не получите дальнейшие инструкции по телефону.

Появился Томпсон, протягивая ей шаль.

— Вы прекрасно выглядите, — прошептал он. Она слабо улыбнулась, но встала во весь рост.

— Пойдем, — сказал Хеша, и она пошла.

Понедельник, 19 Июль 1999, 11:54 PM
La Rotisserie, отель Oberoi Grand Hotel
Калькутта, Западная Бенгалия

Элизабет прихлебывала кофе последними глотками. Это был долгий вечер, полный визитов бесконечного потока знакомых Хеши. Семь раз всплывало имя Агнес — семь раз Элизабет приходилось заходить в дамскую комнату и убедительно порхать к кабинке, раковине или зеркалу. Нарядно одетая служащая средних лет вежливо и подчеркнуто воздерживалась от комментариев. Теперь не нужно было действовать, чтобы убедить женщину, что тщеславная, сумасшедшая американская туристка тоже больна.

Лиз с беспокойством наблюдала за своим спутником. Эти две ночи на людях Хеша был таким же внимательным и очаровательным, как и в первую встречу с ним. Он улыбался, смеялся вместе с ней, его рука время от времени тянулась к ее руке… но его глаза были холодными. Ей казалось, что она, наконец, научилась читать его за маской. Под поверхностью не было ни одного ласкового слова в ее адрес, ни одного признака мягкого и честного взгляда, на который она надеялась. Он был… обеспокоен?

Хеша внимательно изучил личность своего собеседника. Мишель был уверен в себе, искусен и надежен. Тремер сказал, что его магия принесет результаты к вечеру воскресенья. Он говорил серьезно, и Хеша, помня их совместные усилия в Османской империи, поверил в это. Возможно, ритуал занял больше времени, чем предполагал самоуверенный старик. Но воскресенье прошло, через несколько минут наступит понедельник, а от колдуна не было не только никаких следов, но и никаких вестей. Возможно, Мишель был в городе так недавно, что любой гонец был рискован. Но Хеше трудно было поверить, что у хитрого древнего было так мало ресурсов.

Персонал ресторана закрывал ресторан вокруг них, и его задумчивость закончилась.

— Элизабет, — тихо сказал он, коснувшись ее руки. Она подняла на него глаза, ожидая указаний. Она устала; они провели здесь почти четыре часа. Она играла роль очень хорошо, но напряжение давало о себе знать. На мгновение ему вспомнились настоящие улыбки на ее лице, и он впервые заметил, во что она одета — по-настоящему заметил. Сегодня вечером Джанет одела девушку в винно-красный шелк без бретелек, а Асп купил на базаре шаль, чтобы прикрыть плечи Элизабет. Это была фигурная шаль кроваво-красного и иссиня-черного цвета. Хеша начал подозревать своих слуг в том, что они используют свое чувство юмора за счет девушки.

— Мы уходим, — сказал он. Он придержал ее стул и помог ей подняться на ноги. С опущенными глазами она собрала свою сумку и шаль, и Хеша предложил свою руку, чтобы проводить ее. — К счастью, дождь пока прекратился. Мы можем съесть десерт на террасе и выиграть еще немного времени.

Она держала подбородок, но ее плечи слегка обвисли. Она оперлась частью своего веса на его сильную руку, и они вместе направились в сырую, душную темноту кафе у бассейна.

Вторник, 20 июля 1999, 2:16 AM
Рынок Пять звезд, Киддерпор
Калькутта, Западная Бенгалия

Хеша, одетый в мокрую дешевую одежду, тяжело опираясь на трость, беспокойно шатался по узким тропинкам базара. Его сторожа не узнали бы его; рассеянная, угрюмая маска скрывала его лицо от смертных глаз, его руки были согнуты болезнью, он шел босиком по грязной, застоявшейся воде, которая начала скапливаться в низинах Калькутты. У полуразрушенной, полуразвалившейся лавки с дырявой стеной он остановился и покачался взад-вперед. Хеша поднял глаза на владельца. Это был мужчина лет пятидесяти, худой, остроносый и ясноглазый; потом он... это... почти скелетное существо, покрытое обвисшей серой плотью, больше похожей на осиные гнезда, чем на кожу.

— Хорошо. Я вижу тебя, ты видишь меня, — сказал голос, похожий на бензопилу в отбросах. — Что тебе нужно?

— Информация.

— Хах. Ну. У меня в запасе есть много такого, — сказала тварь, сидящая в дверном проеме. — Что ты имел в виду, старина Наг?

— Сначала скажи мне: Мы враги?

— Я знаю тебя, старый Наг, и слышал твое имя в сточной канаве, но я не знаю тебя так хорошо. — Носферату слегка сдвинулся на своем месте. -Е сть ли причина, по которой мы должны быть?

Хеша покачал головой.

— Никого... из тех, о ком я знаю. Я всегда считал твой народ единственным достойным союзником, но, боюсь, твои сородичи

изменили свое мнение обо мне. Он сделал паузу. -Я не ищу вендетты, я ищу помощи от вас. Вы слышите какие-нибудь новости из Бомбея?

— Я могу.

— Бомбей может говорить за меня, если захочет. Я оказал им услугу несколько лет назад.

Серое существо посмотрело на него сверху вниз и медленно произнесло. -Я обменяю все, что знаю о твоем положении среди моих сородичей, на все те причины, по которым ты думаешь, что мы с тобой не в ладах.

— Готово.

— Я никогда не слышал о вас до вашего визита в Дом с привидениями. — Лицо Хеши потемнело; Носферату поднял руку. — Знаю, знаю, звучит как дешевая сделка. Но, клянусь, я наведу справки и выясню есть ли неприятности и почему, и дам вам информацию в условиях перемирия. Если мы враги, я предупрежу тебя первым, хорошо?.

— Теперь сделка в мою пользу, я думаю.

— Нет, нет, нет. Я умираю от любопытства; за этим стоит какая-то история, я уверен.

— Ваши люди навязали мне приглашение. На вечеринку в Атланте, под так называемым Элизиумом. Они настаивали. У меня были другие дела; я послал своего лейтенанта. Вечеринка оказалась смертельной ловушкой, в ней погиб мой кузен, и я, — неохотно признался Хеша, — пока не знаю, хотели ли ваши сородичи поймать в нее меня. Не было никаких известий, ни в ту, ни в другую сторону.

Между ними воцарилась тишина. Их окружал шум ночного базара, стук дождя по жестяным крышам, крики и музыка из

квартала красных фонарей на соседней улице. Серое существо зашуршало, затем задало вопрос:

— Так чего же ты на самом деле хочешь? Что мы должны были заключить перемирие даже для того, чтобы начать говорить об этом?

— Знаете ли вы молодого человека по имени Мишель?

— Колдун с мокрыми ушами? А что с ним?

— У нас была назначена встреча. Он не пришел. Мне не хочется бессмысленно ждать; я также чувствую, что это... не похоже на него — быть менее пунктуальным. Я беспокоюсь, что кто-то может помешать ему и тем самым помешать мне. Я хочу найти его — или узнать, что с ним случилось, — мрачно закончил Хеша. — Теперь скажите мне, — сказал он более приятным тоном. — Что я могу сделать для тебя взамен?

— Я слышал, что вы умеете провозить вещи через таможню. Мне нужен товар. — Хеша поднял бровь. — Запрещенные книги, подпольные газеты, грязные журналы и тому подобное, — прошелестел монстр. — Я продаю свои газеты и стаду, брат Наг.

Сетит улыбнулся.

— Я веду дела из Оберой Гранд. Возьмите с собой список, и я попрошу своих людей отправить вам столько, сколько вы сможете укомплектовать; достаточно пиявок ищут такие услуги, и вы прекрасно впишетесь.

Среда, 21 июля 1999, 11:24 PM
Ресторан Ming Court, отель Oberoi Grand Hotel
Калькутта, Западная Бенгалия

Мишель вошел через парадную дверь, обменялся словами с метрдотелем и направился к столику Хеши. Он был хорошо одет, хотя манжеты его брюк потемнели от воды и грязи. Он почти естественно прокладывал себе путь сквозь толпу столов и обедающих, но Хеша, чуткий к мельчайшим деталям, уловил неестественное: Мишель был нервным, почти испуганным. От этой панической походки у Сетита заскрипели зубы.

— Господин Рухадзе? — с надеждой спросил молодой человек.

Хеша встал.

— Мишель. Присаживайся. Вам что-нибудь принести? Тремер покачал головой, и миллионер властно махнул официантам. — Позвольте представить вам — Элизабет, позвольте представить вам Мишеля Сингха. Его семья владеет отличной инвестиционной фирмой в Бомбее; они предоставили молодому поколению возможность блистать в Калькутте. Мишель, это Элизабет Димитрос, эксперт по антиквариату и древностям. Мне посчастливилось убедить Резерфорд Хаус одолжить ее мне для этой поездки — возможно, вы знаете Гермиону Резерфорд?.

— Боюсь, я не имел удовольствия, — пробормотал застенчивый мальчик на третьем стуле.

— Очень рада знакомству с вами, Мишель, — искрометно воскликнула Элизабет.

Мишель поднял голову и сделал над собой усилие.

— О, конечно, конечно. Я очарован, мисс Димитрос, Элизабет, — поправил он, когда она открыла рот, чтобы предложить это. На мгновение весь стол улыбнулся.

— Итак, — сказала Лиз, словно перебирая в памяти, — мы были... о, конечно. Мишель, я чувствую себя ужасно, когда мы встречаемся, но я собиралась... ах... — она изящным жестом указала в сторону дамской комнаты, — припудрить носик. Вы извините меня на минутку, господа?

Как только женщина оказалась вне пределов слышимости, Мишель наклонился и заговорил.

— За мной следят. Мне нужна ваша помощь.

Хеша немедленно встал.

— Пойдем со мной.

Его руки зашарили по карманам — он набрал на телефоне код экстренной помощи, приготовил оружие — и сделал маневр, чтобы оказаться между массой комнаты и своим спутником. Слабый. Мишель выглядел усталым и затравленным, но лицо его мальчика было изможденным и, прежде всего, слабым.

Все это время Мишель говорил.

— Я нашел то, что вы ищете, конечно. Вот почему они здесь. Ты ошибался, Хеша — я не думал, что доживу до этого, но ты ошибался. Когда Око активно, оно не использует энергию Калькутты. Калькутта посылает ему энергию.

Хеша направил мальчика к двери на кухню для безопасности. Служебный лифт... меньше толпы... меньше свидетелей... Они достигли стены, и, когда половина углов атаки была прикрыта, Хеша позволил себе просканировать комнату, а затем удивленно посмотрел на Мишеля. Мишель

потерял контроль над собой и сознание, и на его щеке виднелся отпечаток маленькой окровавленной ладони.

Хеша втянул в себя воздух, где покоилась невидимая рука. Ничего. Он заставил свои глаза найти преследователя... и потерпел неудачу. Он схватил Мишеля за талию и плечи, но обнаружил, что колдуна тянет вниз другое, невидимое тело. Хеша держал одну руку на плечах своего собеседника, тянул его вверх, вниз, вбок — и обнаружил, что противостоящая сила движется слишком быстро для него. На коже мальчика появились раны — двойные проколы, и сетуанец, расстроенный, поднял беспомощное тело Мишеля над головой. Он повернулся и побежал к дверям.

Уголком глаза он заметил эту штуку.

Она была крошечной — не больше восьми лет, если бы была человеком, — голой, как лягушка, и вдвое быстрее стрекозы. Ее волосы были выстрижены у корней, кожа была темной, переходящей в угольно-черную на кончиках пальцев рук и ног, а ее маленькие, нежные челюсти были зажаты на болтающейся руке Мишеля.

За мгновение до того, как она поняла, что ее заметили, Хеша схватил ее за шею и сломал ее. Миниатюрная убийца бросилась бежать. Ее шаги замедлялись, голова качалась из стороны в сторону, но она продиралась сквозь растущую толпу быстрее, чем Сетит мог за ней угнаться.

Хеша добрался до входной двери, протиснулся мимо растерянного персонала отеля и обнаружил Томпсона, ожидавшего его по другую сторону. Не говоря ни слова, он сунул неподдающуюся тушу Мишеля в руки телохранителя и бросился за ребенком.

Элизабет вышла из гостиной как раз вовремя, чтобы увидеть, как он пробегает мимо нее. Она последовала за ним, не задумываясь, и тут же услышала сигнал экстренной помощи в

своем телефоне. Он был в беде. Она бежала и боролась за то, чтобы не упустить его из виду.

Снаружи лил муссонный дождь. Улицы были по щиколотку в воде; бегущие ноги бросали брызги высотой по колено, которые сверкали в свете городских фонарей.

Над потопом появилась небольшая тень — Хеша следовал за ней. Ассамитка могла двигаться быстрее него, но она не могла делать это вечно, а ноги у него были длинные. Если бы он мог держать ее в поле зрения. До тех пор, пока она будет оставаться на улицах, будут раздаваться плещущие шаги. Хеша поклялся. След импа поворачивал на запад, в узкий переулок. Он мог бы проследить за ней и там, но ее целью должен быть парк — Майдан, плохо освещенный, травянистый, усеянный деревьями и огромный. Он призвал Сета придать ему скорости и побежал дальше.

Элизабет бросилась вниз по темному переулку. Хеша был лишь силуэтом в ливне; по крайней мере, на соседней улице горел свет. Она подобрала юбки, проклиная тяжелый, пропитанный водой атлас, и перепрыгнула через мусор и крыс. Вышла на улицу, поднялась вверх, спустилась по еще одному безумному переулку, пересекла бульвар, проскочила через пробки и попала в болото из растительности и грязи. Хеша все еще был виден, он направлялся к спутанной путанице деревьев, через треугольник воды. Элизабет скинула туфли и помчалась за ним. Ее чулки ударились о гравий и порвались, босые ноги попали в грязь, и она упала боком в бассейн. Когда она подняла голову, Хеша уже не было. Гром пронесся над общиной, и она, прихрамывая от боли, выбралась из грязной воды.

Сетит, ослепленный дождем и хлещущими ветками, пробирался сквозь деревья по запаху крови Мишеля. На другой стороне тонкого леса он снова увидел девушку. Он бросился бежать, преодолевая ярды, которые она выиграла в лесу, и начал сокращать разрыв.

Ударила молния.

Хеша вскрикнул от вспышки. Его глаза закрылись и сгорели в глазницах, мир померк, и Зверь бросился бежать. Проклятие гнало его вслепую, врезаясь в деревья, в камни, в тела, и жизнь, которую они находили, Зверь забирал с собой. Наконец, контролируя себя, совершенно лишенный зрения, он опустился на четыре конечности для безопасности, поскользнулся и оказался в луже. Зарывшись в грязь, прижав к прохладной воде красные веки, он ждал, уткнувшись лицом в землю, пока боль утихнет, моля Сета о заступничестве перед светом.

Вдалеке послышался звонкий смех, и сквозь землю пробились шаги, лишь немного тяжелее дождя.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:48 AM
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

— Не беспокойся, Рон. Это пустяки. — Элизабет выдернула свои исцарапанные ноги из рук старого полицейского. Она засунула голые ноги обратно под обломки своего платья — медно-зеленый полинявший атлас, каким он был раньше; теперь он покрылся коркой, стал грязно-желтым, испорченным и жестким — и устало опустилась на спинку дивана.

— Ничего, черт. На майдане чумные крысы. Правая нога, Лиз. И ешь свой завтрак.

Время пролетело незаметно. Элизабет ела мало. Томпсон ухаживал за левой ногой девочки. Оба они смотрели на свои телефоны — как будто это могло помочь — и ждали. Асп на своем телефоне вел короткие, шепчущие, закодированные разговоры с тихими голосами в других частях города. Дважды Томпсон принимал звонки: Джанет Линдберг, обеспокоенная; Полин Майлз, предложившая информацию о том, что Кеттридж уехал из Филадельфии в Олбани.

— Томпсон... — осторожно начала Элизабет, — он должен прийти к рассвету?

Рон опустил глаза.

— Конечно, нет. Он должен регистрироваться. Но он устанавливает правила; он может их нарушать. Иди прими душ, Лиз. От горячей воды твои ноги быстрее заживут. — Он помог ей подняться и направил ее в комнату.

Томпсон и Асп не спали до тех пор, пока, несмотря на тучи, не убедились, что солнце покорило горизонт. Не сказав друг другу ни слова, они разошлись по своим кроватям. Сон не шел часами.

-Элизабет Ариадна..., — сказал человек с луной на голове. — Чем ты здесь занимаешься?

Лиз подняла взгляд со своего кресла в холле отеля и позволила блокноту упасть на пол. И он, и стул, и земля под ними исчезли. Она встала — как встают, когда говорит бог, как встают, когда нет стула, — и попыталась разглядеть лицо фигуры более четко, но лунные лучи заливали глаза, и голос был всем, что она знала.

— Я... я пришла посмотреть выступление танцоров. Сегодня вечером они разыгрывали Проклятие оленя из Махабхараты.

— Обреченная любовь. Я вижу. — Человек с луной на голове повернулся и пошел. Элизабет, не двигаясь с места, пошла за ним. Они ступали по мягкой поверхности, как кожа, но это было также холодное, твердое, ночное голубое небо. Звезды рассыпались, как рассыпались змеи Хеши, когда он проходил среди них.

Лунный бог остановился и заговорил снова.

— Танцовщицы слишком рано вошли в цикл. Сегодня вечером начинается другая глава, Элизабет Ариадна. Посмотри вниз, на мои ноги. Она повиновалась — она не могла сделать ничего другого — и увидела в пустом пространстве, куда не ступала нога луны, откуда сбежали другие звезды, чтобы оказать луне должное почтение, маленькую, тусклую, красную, дерзкую звезду, которая обожгла ей глаза.

— Сегодняшний танец, Элизабет Ариадна, взят из Войны ракшасов. Царь Равана вернулся... Демон Равана проснулся... Ракшас Равана снова ведет войну. Сияющая рука незнакомца закрыла ее взгляд, и красная звезда отпустила ее. — Ты можешь вспомнить это?

Элизабет с сомнением покачала головой.

— Я сплю.

— Ты грезишь, — сказал бог. — Но путь будет найден. В твоих руках будет путь... — Он внезапно остановился. — Они придут за тобой, Элизабет Ариадна. Помни, Элизабет...

— Элизабет... Лиз... проснись.

Сидя на своем месте в холле отеля Oberoi Grand, Элизабет открыла глаза и увидела румяное лицо Томпсона и его насупленные брови, тревожно смотрящие вниз.

— Он вернулся, — сказал Томпсон. — Встреча через полчаса.

Элизабет тихо постучала в дверь номера. Асп открыл ее, проверил коридор, пропустил ее вперед, закрыл и запер за ней дверь. Он прошел мимо нее, оставив женщину стоять в фойе, и подал сигнал в общую комнату. Сразу же завязался разговор — тихий, срочный, начинающийся на середине предложения, начинающийся с того самого слова, на котором они остановились перед стуком и крошечным кризисом открытия двери.

— ...Провел день в водосточной трубе?

— Лучше, чем в реке. Помни об этом, когда придет твое время.

Непризнанная и одинокая, Лиз робко вошла в конференц-зал и села.

— Где Мишель? — спросил Хеша у Томпсона.

— Он мертв, сэр. Он был слаб, когда вы его передали. Мы отнесли его наверх, смыли отпечаток руки и попытались... оживить его, но прежде чем мы смогли многое с ним сделать, его тело распалось. Томпсон покачал головой. — Он тоже не был сухим. Он истекал кровью, но одно из пятен было не его

кровью. Я думаю, это была какая-то кислота. На рубашке были осколки стекла, прежде чем вещество разъело ее.

В комнате воцарилась долгая, тревожная тишина. Хеша, стоя прямо и торжественно у окна, смотрел на Калькутту. Огромные капли дождя бились в стекло. За падающими полосами и потоками дождя тускло светились огни города. Цветной неон, светофоры, аляповатые вывески, яркие уличные фонари — все это колебалось, как фонтанные лампы. Калькутта казалась городом под водой, и Сетит не мог видеть даже до самого горизонта.

— Докладывайте.

Томпсон и Асп взвешивали новости последних двадцати четырех часов. Имена незнакомцев прожужжали в ушах Элизабет: Полин Майлз потеряла человека; Дас Гупта и Форрест зарегистрировались; группа, работающая в Белом городе, видела Смита, Джонса и Робинсона, но потеряла след Тома, Дика и Гарри... Джонсон, Джексон, Джеймсон... Алекс, Эбигейл и Альберт Стрит. Рамона, Рамана, Равена, Равана.... Внимание Элизабет переключилось на ее блокнот, иероглифы, перо. Поток информации лился вокруг нее, как дождь.

— Что ты делаешь, Элизабет? — Голос Хеши, отрывистый и сердитый, ворвался в ее задумчивость.

— Я пришла посмотреть выступление танцоров, — ответила она, не задумываясь. — Сегодня они играют роль восстания Раваны.

— Элизабет! — На этот раз тон Сетита пронзил ее насквозь, и она подпрыгнула. Ее глаза встретились с его глазами, как у загнанного в угол животного, и она уставилась на него. Хеша подняла свои бумаги. Три верхних листа были свободны, исписаны тарабарщиной, испещрены обрывками мыслей на английском языке и наложены на линейные рисунки трехглазой

статуи демона. Импульсивно он разорвал их пополам на ее глазах, а затем вернулся к окну.

— Докладывай, Элизабет.

Элизабет Димитрос намеренно закрыла тетрадь. Она стояла, сердито-бледная и крепко зажмурившись, слегка опираясь на глянцевый край стола.

— Я не буду. — Ее челюсть сжалась. — Я также не буду называть вас “сэр”. Я не секретный агент. Я не приманка. До сих пор я была ближе всего к своей профессии, когда просматривала антикварный магазин внизу. Я не знаю, зачем вы привели меня сюда, — она тяжело вздохнула, — и уже не питаю иллюзий, что вы когда-нибудь скажете мне истинную причину. Я делала то, что могла на папирусе отсюда; я запоминала транслитерационные заметки Вегеля. Я делала все возможное, чтобы игнорировать твою незаконную, невозможную, необъяснимую — поскольку ты никогда не объясняешь, когда я спрашиваю — деятельность. Если вы хотите прекратить это, валяйте. У меня есть своя работа, которой я могу заняться. — Она захромала вокруг стульев в свою комнату. — Но будь я проклята, если буду сидеть здесь дальше.

Дверь захлопнулась за ней, и замок со звуком повернулся.

Томпсон и Асп молчали. Они коротко взглянули друг на друга, а затем продолжали наблюдать — мимолетно, краем глаза, нервно — за Хешей. С контролем и точностью он сложил разорванные бумаги между ладонями. Он сложил их пополам, разделил на четвертинки и спрятал в нагрудный карман пиджака. Закончив, он как ни в чем не бывало подошел к открытому телефону.

— Джанет. Докладывай.

Четверг, 22 Июль 1999, 4:02 AM
Подземный грот
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Обветшалый письменный стол, и без того большой, едва вмещал стопки книг и бумаг, наваленных вокруг старой ручной пишущей машинки. Стоявшая рядом потрепанная лампа выполняла свои обязанности еще хуже. Темнота грозила поглотить и стол, и сидящую за ним бесформенную фигуру.

Обитатель, однако, казалось, не обращал внимания на окружающую обстановку, а только опирался своими огромными ногами на стол, едва не нарушив хрупкое равновесие различных стопок. Лишь один лист бумаги — лист, который держали шишковатые, покрытые гримасой пальцы, — привлек внимание существа.

22 Июля 1999 Re: Хеша Рухадзе
Прибыл отчет из Калькутты через Каир и представился принцу Эбернети; один из детей принца впоследствии был уволен; совпадение? Также: связался с местным тренером, который затем был убит; подозревается ассамит.
Ральф сообщает из Атланты — вероятная причастность ассамитов к уничтожению Ханны, регента Тремер — Он, шаман Вегел, был там в то время.

Союзник Хеши атакован?
Опасность для нас?
ОТСЛЕЖИВАТЬ передвижение как только возможно

Пятница, 23 июля 1999, 3:43 AM
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

Опоздав без предупреждения, Хеша вошел в свой номер. Томпсон и Асп, ожидая, встали, чтобы принять его. Кивнув, он отпустил их. С благодарностью они оцепили территорию и отправились спать.

— Спокойной ночи, сэр, — сказал Томпсон, уходя.

Нет, подумал Хеша, это не так. Он освободил плащ от снаряжения, сложил инструменты и повесил капающий с него плащ сушиться. Вывернув карманы костюма, он посмотрел на место Элизабет за столом. Медленно он положил две пригоршни крошечных припасов. Бросив ботинки и куртку, он выбрал тонкий, кривой кусок стали и шагнул к двери женщины. Приложив ухо и руку, он прислушался к дереву и не обнаружил никаких звуков, кроме медленного, глубокого дыхания и слабого, ровного сердцебиения. Сталь отодвинула мертвый засов, и Сетит приоткрыл дверь.

Из комнаты полились запахи: молодой женщины, старых книг, чернил и новой бумаги, слабого страха, гнева и слез. Хеша пошел по следу; здесь она стояла в ярости, здесь она начала плакать, здесь был ужас. Он надежно натянул вокруг себя темноту и скрючился у края ее кровати.

Хеша задумчиво наблюдал за ней.

Было бы слишком много сказать, что он сожалел о том, что потерял самообладание с ней. Его анализ, проведенный за стенами самоконтроля, признал его собственное поведение... неудовлетворительным. Не стоило приводить женщину на закатные конференции; это могло быть опасно. Ей не нужно было знать общую картину, даже в таком ограниченном виде, какой был у его помощников. Обязанности Элизабет можно

было так же легко объяснить наедине, лицом к лицу. Сейчас она находилась дальше от его влияния, чем когда-либо, через разрыв, возникший из-за его собственной несдержанности. Он позволил маске соскользнуть из-за пустяка, из-за ничего. И он даже не мог свалить вину на проклятие. Это был его собственный нрав; Зверь просто расслабился и смеялся над этим зрелищем. Смерть Мишеля не была ни оправданием, ни сюрпризом. Когда он лежал прошлой ночью в затопленной водосточной трубе, Хеша знал, что ассамитское дитя так или иначе завершит свою миссию, и смирился со всеми последствиями, со всеми вытекающими трудностями.

Темперамент. Простой гнев овладел им, и после встречи, когда он искал Калькутту, он как носил его с собой, так и находил повсюду. Его контакт с Носферату не появился. Что он — она? — был недоступен, был разумным, но реакция Хеши была беспричинным раздражением. Он спустился на Альберт-стрит и застал Субхаса в кофейне. Вежливость и почтение беловолосого джентльмена медленно разрушались, цивилизованное лицо самого Хеши опустилось, и два старых союзника оказались на грани тотальной схватки. Лишь секундное колебание, боевой инстинкт, оценивающий противника перед ударом, сдерживал их. В этой мертвой паузе опытная, осторожная пара распознала фальшь в споре. Враждебность быстро сменилась мистическим расчетом — что-то за пределами их тщательно охраняемой психики подтолкнуло их к войне. Субхас положил руки на стол, Хеша отодвинул свой стул, и они разошлись без кровопролития.

Когда Сетит вышел из кофейни, он заметил двух вошедших студентов, и звуки потерявшего контроль молодого Бруха — бегущие посетители лавки, вопли разбойника, которого Субхас застал в боевом настроении, разбитые окна и сломанные кости — преследовали чуткий слух Хеши по улице.

В поисках новых улик Хеша пробрался через поднимающуюся воду к мостовой. Вокруг царил хаос. Тайфун пролился дождем. Цыганские таборы затопило вместе с

остальным городом, но то, что должно было стать привычным, ежегодным отступлением в более сухие места, превратилось в кричащую, бурлящую неразбериху. Одинокий гангрел, яростно спокойный, повернул Хешу назад, в ту сторону, откуда он пришел. Кошкоподобное существо сообщило, что племена сходят с ума, бханджары и хана-будо вместе взятые. Она обвиняла Равнос и сыпала проклятиями через плечо. Хеша покинул ее прежде, чем ярость смогла пересилить ее решимость защитить своих подопечных.

Больше не сомневаясь в том, что Калькутта пронизана влиянием, Сетит решил отдать проклятию должное. Он отправился на Парк-Стрит и в старые кабаре, охотясь так же неуклюже, как ночной каинит. В его нутре разгорался такой огонь, какого он не мог припомнить; помимо обычного голода, помимо звериного обжорства — неловкое, неистовое, основательное желание. Оно загнало его в бар. Он вышел оттуда со светлокожей, длинноволосой девушкой возраста и комплекции Элизабет. Хеша затолкал ее в переулок и без зазрения совести осушил. Зверь не овладел им, даже не пытался. Зачем бороться за контроль, если они и так были единомышленниками? Самодовольный и довольный, он свернулся вокруг нового гнева Хеши, как кобра вокруг яйца. И это еще больше разозлило Сетита. Неестественно, подумал он. Что-то глубокое и зловещее было не так в Калькутте. Хеша, будучи начеку, верил, что сможет побороть его влияние, но он молился Сету, чтобы все, что бы это ни было, поскорее закончилось. Он также молился, чтобы старшие жители города знали себя достаточно хорошо, чтобы устоять.

Элизабет слегка пикнула и перекатилась на плечо. Хеша смотрела на нее сверху вниз. Сон прогнал ее заботы… подарил ей покой. Не советуясь с ним, его рука протянулась и погладила волосы, убрав их с безмятежного лица. Ее глаза подергивались за веками, а лицо начало искажаться в менее счастливые линии. Опять кошмары. Откуда она знает? Существо отдернуло руку, сбросило замки и ушло в свой покой.

— Хеша... — сказал бог в маске. — Кровь моей крови.

— Лорд? — Хеша открыл глаза и сел прямо. — Что ты хочешь от меня? — Его дорожный гроб и гостиничный номер исчезли; его окружала чернота мертвых снов.

— Посмотри на меня.

Хеша повернулся на голос и различил в темноте очертания. Огромное, змеевидное существо с телом, похожим на смолу, заполнило его зрение. Ночь и плоть чудовища встречались только на горизонте. Прямо под ним в его объятиях лежала фигура гиганта с рыжей гривой льва, клювом птицы и рогами барана. Пока он наблюдал, бог в маске извивался в своей ловушке, его мышцы напряглись до того, что вены резко выступили. Бог освободил одну руку, и корявые конечности его противника зашатались вокруг него, пока не уперлись в его шею. Освободив шею, бог снова пожертвовал рукой, и схватка вернулась к исходной точке.

— Мой господин, — сказал Хеша, опускаясь на колени. Его собственные ноги, как он увидел, были обвиты угольно-черными усиками зверя.

— Стоять! Ты не можешь позволить себе склониться передо мной, пока я не освобожусь! Вместо этого посмотрите на моих спутников.

По обе стороны от бога в маске находились другие фигуры. Некоторые, лежавшие спокойно, но с открытыми глазами, были почти свободны от существа. Другие, столь же неподвижные, были так покрыты смолянистой чешуей, что ничего не было видно на их собственных телах; чудовище покорило всех, и осталась только форма жертвы. Немногие — очень немногие — боролись так же, как великан.

— А теперь посмотри на то, что стоит за тобой. — Хеша повернулся и увидел лишь пустую темноту, которую он видел,

когда проснулся. — Посмотри вверх, кровь моей крови, и пойми.

И Хеша, следуя велениям бога, понял, что ночь перед ним обрела форму. Это был скрученный столб, образовавшийся из тела того, что было под ним, и он возвышался над тусклым небом мертвых, как гора. На его вершине, почти полностью окутанная змеевиками, стояла фигура, которую Сетит хорошо знал; он владел статуей, вырезанной как его портрет. Демон, четырехрукий и увешанный ужасным оружием, сверкал черно-синим светом и стекал красными реками крови по поддерживающей его колонне. Реки, подумал Хеша. Кровь ста тысяч человек... миллиона...

— Дед настраивает сейчас, — сказал бог в маске. Хеша обернулся, чтобы посмотреть на своего хозяина, и, когда сон померк, услышал приглушенный голос Сета, кричавшего из-под извивающегося тела Апепа: — Помни!

***

— Что-то не так, Томпсон?

Брови Рона взлетели вверх, и он тяжело сглотнул.

— Вы не помните, сэр? — Рон облокотился на край стола и покачал головой. — Черт. — Он взял себя в руки. — Вы проснулись на закате и что-то кричали — не по-английски — так громко, что стекла дребезжали. Я зашел проверить, как ты. — Его взгляд обеспокоенно скользнул по лицу хозяина. — Ты этого не помнишь? Ну... ты, кажется, медитировал, и, похоже, на тебя никто не нападал, поэтому я ушел. Это было примерно полчаса назад.

Сетит прочесал свою память. Был сон... что-то важное... исчезло. Он поднял со стула вчерашний пиджак и сел. Возможно, если он помедитирует, образ вернется. Однако он сомневался, что гневное влияние, нависшее над Калькуттой,

позволит спокойно предаваться размышлениям, а отель, шумный от кондиционеров и чужих разговоров, был плохим местом для размышлений в любое время. Сейчас какая-то женщина разговаривала достаточно близко, чтобы ее можно было услышать. Хеша сложил пальто между ладонями и попытался очистить мысли. Под тканью хрустела бумага. Он вытащил из кармана сложенные листы и развернул их.

Элизабет нарисовала статую — статуя была в моем сне. На английском она написала свое имя, имена Хеши, Танцы Индии, 6:30 ежедневно, грубый алфавит, а затем “красный король” семь раз и “красная звезда” одиннадцать. Тщательно сформированная печать выглядела как практика писца. Каждая итерация буквы “р” в слове “красный” становилась все более изысканной, и английские слова сменялись повторениями одной буквы, к которой добавлялся заостренный горизонтальный овал — знак рта, обозначавший “р” в иероглифах.

Хеша оглянулась на тарабарщину египтянина. Конечно... женщина, запоминая иероглифы, тренировалась писать на языке, который ей был удобен: английский. Написанное не было бессмыслицей; это был случайный код. Он нахмурился и начал транслитерацию.

— Рис'бтх — было ее собственным именем. — Хш' — его, хотя выбранная символика была ужасной. — Рвн' — должно быть — Рон, но... здесь был тот же рисунок, только с одной буквой, — Рфн', что в Индии означало — Равана. Сдвиги согласных склонялись к немецкому... С трудом он извлек красную звезду, ракшаса, короля, Махабхарату и бодрствовать.

Сетит посидел еще немного, прислушиваясь к отголоскам слов в своей голове. Все, что было послано ему в течение дня, было потеряно навсегда, но он знал, сам не понимая почему, что записки Элизабет параллельны сну.

— Попросите мисс Димитрос вмешаться, если она не против.

Томпсон скорчил гримасу и с болью начал:

— Я... я не думаю, что она может, сэр. — Хеша прищурил глаза, и он продолжил: — Она бредит. Она спала весь день, а когда вы закричали, она проснулась и начала разглагольствовать о демонах, призраках и королях. Я думаю, она подхватила лихорадку, когда бежала за тобой ночью.

Сетит промчался мимо него и вошел в комнату Элизабет. Она сидела на кровати, пытаясь говорить с Аспом, который довольно беспомощно пытался заставить ее лечь.

— ...И четверо путников пришли в Город Страшной Ночи, чтобы найти принца Ра — остановите это. Остановись! Эй! Но король... отпусти меня, змея, но король Ракшаш спал под сердцем горы, и он услышал... — Она прервала свой рассказ достаточно, чтобы укусить Рафаэля за руку, и Асп отступил, ругаясь по-итальянски. — Но Вестник Раваны послал Обезьяну-дьявола уничтожить проклятого волшебника...

— Оставьте нас, — приказал Хеша, обратив холодный, жесткий взгляд на своих приспешников. — Я позабочусь о ней.

Хеша подошел к кровати; женщина или Асп сбросили одеяла и простыни на пол. Элизабет, предоставленная самой себе, села на матрас, разгладила свою кривую ночную рубашку и снова начала читать.

— Однажды в городе, который никогда не спал, жила молодая девушка из скромной семьи...

— Элизабет. — Хеша сел напротив нее и поискал ее глаза. Казалось, за ними ничего не было. — Кто спит под сердцем горы?

— Равана, царь ракшасов, спал под сердцем горы десять тысяч лет, но теперь он больше не спит. Гора разорвалась от корня до вершины, и царь вышел навстречу Трем с Востока.

— Кто такой принц?

— Принц ракшасов, Хазимель, который выступил против своего отца и спит под Городом Страшной Ночи.

— Что такое Красная звезда?

Ее лицо исказилось почти до слез.

— Красная звезда не подчиняется Луне, Хеша. Я прошла по полу твоего потолка, и красная звезда устремилась в небо. — Пустые глаза наполнились болью. — Хеша?

— Я здесь, с тобой, Элизабет, но я плохо вижу. — Он взял ее за руки. — Ты должна сказать мне, где мы находимся.

— Мы находимся в полях возле гробницы принца. Надвигается гроза, и становится все темнее. Тучи заволакивают небо.

— Хорошо. Красная звезда нас не увидит. Совсем рядом должно быть здание, храм, — предположил Сетит. — У него есть колонны с лотосами и статуи, ведущие к нему. Ты можешь увидеть храм, Элизабет.

— Да.. .— она колебалась. — Но это было не там…

— Оно всегда было там, но ты его не замечала. Мы укроемся от бури в этом храме, Элизабет. Я иду к нему. Следуй за мной из полей.

Выражение ее лица изменилось.

— Это кошмар, — медленно сказала она.

— Тогда выходи из него. Ты видишь меня? Следуй за мной из сна.

Элизабет пришла в себя внезапно, словно канат, отпущенный во время перетягивания каната. Хеша продолжал наблюдать за ней, опасаясь, что транс снова затянет ее обратно. Ее глаза полностью прояснились, и он забыл отвести взгляд, гадая, что же это такое, что делает их светлыми и темными одновременно. Конечно, за триста лет он уже видел такие глаза, как у нее.

— Где я была?

Он покачал головой.

— Я не уверен. Томпсон считает, что вас лихорадило; я думаю, что вы были охвачены видениями. У меня самого сегодня было нечто похожее. — Элизабет посмотрела вниз на их руки, все еще соединенные вместе. — Позвольте мне извиниться за мою вспыльчивость вчера вечером. Никто не может быть самим собой в Калькутты больше нет. — Ее взгляд снова поднялся к его, и он медленно сказал: — Я понимаю, что вы последовали за мной прошлой ночью, после того, как на Мишеля напали. Это было очень смело с вашей стороны. — Он сжал ее руки. — Никогда не делай этого снова, — затем добавил: — Я хочу знать, что ты в безопасности.

Хеша поднялся и открыл соединительную дверь.

— Томпсон, Элизабет и я идем ужинать. Вы с Меркурио можете делать все, что захотите, — сказал он, не поворачиваясь лицом к своему телохранителю. — Закрой свой рот. Калькутта сегодня достаточно опасна, чтобы вы не смогли защитить нас, даже если бы у вас была армия, а я думаю, что Калькутта в достаточной опасности, чтобы оставить нас в покое.

Рон Томпсон шагал по Майдану медленной, вальяжной походкой полицейского на посту — на своем посту, под дождем, в плохой день, после ссоры с сержантом, во время войны между бандами. Одним глазом он следил за Аспом в упор. Другим глазом он наблюдал за Хешей и Элизабет, идущими впереди

него. Казалось, вопреки здравому смыслу, они наслаждались жизнью. Через открытый контур телефона он уловил непрерывный поток бормочущих проклятий. Меркурио, не желая выражать свое отвращение простым языком тела, выплеснул свою селезенку в эфир.

Хеша Рухадзе шел между своими людьми. Он решил не обращать на них внимания; в руках у него был огромный зонт для гольфа с нелепым розово-белым козырьком. Его внимание было полностью сосредоточено на девушке рядом с ним. На ней было тонкое черное платье и тонкий черный плащ. По сандалиям Элизабет текла вода Хугли, но слезы, угрожавшие с тех пор, как они приехали в Калькутту, наконец высохли. Они забрели на территорию Майдана, и, несмотря на дождь, вокруг них разлился воздух пятничного карнавала. Заклинатели змей, нищие, продавцы цветов и уличные артисты подарили ему тысячу сцен, которые он мог бы ей показать, и достаточно тем для разговора, чтобы избежать... неприятностей.

К ним подошел продавец бус, увешанный сотнями ниток своего товара, и стал зазывно торговать своим дешевым стеклом. Асп приблизился, и Хеша почувствовал, как Томпсон затаил обиду. Элизабет прислушалась к подаче мужчины, улыбнулась, но покачала головой.

-Na, dhonyabad.

Хеша усмехнулся и подвинул ее к себе.

— Ваше бенгальское произношение очень интересно.

— Почему это не звучит как комплимент?

— Я уверен, что человек был польщен тем, что вы предприняли такую попытку. Большинство американцев так не поступают. — Они повернулись, вышли из маленького павильона и снова направились в сторону городских огней. — Вам не нужны сувениры?

— Дешевые бусы? Я могу купить такие же в Нью-Йорке... если я когда-нибудь вернусь в Нью-Йорк. — Она нахмурилась, глядя на него.

— Ты вернешься в Нью-Йорк. — заверил ее Хеша. Он переключил свою хватку на зонтик и сжал ее руку. — Я обещаю. — Элизабет, не удовлетворенная и не желающая спорить, позволила ему держать ее за руку, пока они шли. — Давай поднимемся на базар и посмотрим. Может быть, магазины уже закрываются, но я найду тебе достойный сувенир. Что-нибудь красивое для твоей квартиры? Ковер? Кожаный письменный стол ручной работы для Слейпнира? Тебя, — спросил он серьезно, — вообще интересует латунь?

— Брасс?

— Индия очень хороша для латуни... — Он повел ее на север через лабиринт маленьких улочек, и они вышли на более широкий проспект, усыпанный магазинами. Пока они шли, Асп разведывал обстановку впереди них. Томпсон проверял их след, чтобы убедиться, что за ними не следят. Хеша не спускал с них глаз. А Элизабет, не задумываясь об этом, заметила две вещи: Во-первых, на вывесках магазинов и рекламных щитах было меньше санскрита и английского шрифта и больше арабских букв; во-вторых, на Хеше, которого она никогда не видела в украшениях, кроме как на шее, был браслет из ниток. Когда они шли рука об руку, их запястья терлись друг о друга, и бусины, вплетенные в браслет, натирали ей кожу.

Они прошли по маленькому базару, в последний раз оглядывая закрывающиеся на ночь заведения, заглядывая в витрины мусульманских магазинов, которые закрывались на закате священного дня. Затем Элизабет, поначалу довольная тем, что следует за своим спутником, начала выбирать свой путь. Поначалу ее остановки имели смысл — антикварная лавка, мастерская ткача сари, ларек, где продаются последние десерты паан, — но постепенно любая мелочь могла привлечь ее

внимание и без объяснений отправить их в переулок и на следующую улицу.

Хеша давала ей полную свободу действий, даже когда экскурсии теряли смысл и Элизабет, казалось, сама удивлялась, почему это здание или этот перекресток так интересны. Она остановилась возле старой, плохо сохранившейся мечети, сделала замечание по поводу архитектуры и вдруг решила нырнуть в крошечный проход неподалеку. Сетит присоединился к ней и поплелся вниз.

Элизабет вела себя так, словно дикий рывок через темную щель между двумя старыми домами был обычным делом. Крошечный переулок изгибался на полпути, где дома, выходящие на одну улицу, криво встречались со спинами тех, что выходили на другую.

И через мгновение Элизабет почувствовала, как рука Хеши покинула ее. К тому времени, когда она смогла снова найти его глазами, его руки держали корчащуюся тьму. Томпсон и Асп странным приглушенным светом фонариков отогнали тени, и Лиз с ужасом увидела, что изменившиеся руки Хеши сжимают ребенка.

Хеша прижала крошечную девочку к потрескавшейся штукатурке стены, и худенькая, угольного цвета девочка испустила тонкий крик. Удвоив свое маленькое тело, ребенок подтянул колени под себя и выпрыгнул. Штукатурка разбилась, но силы ее тонких ножек хватило, чтобы перебросить ее и Сетит через переулок. На другой стороне они ударились о кирпичную лестницу. Ребенок, опустив голову и вцепившись, как клещ, в предплечье Хеши, снова оттолкнулся. Борцы крутанулись на более мягкой поверхности — Элизабет — и швырнули смертную женщину в обломки первой стены.

Свет задвигался, колеблясь, а затем резко остановился. Лиз почувствовала рядом с собой Асп и обнаружила руку, протянутую вниз, чтобы поднять ее на ноги. Стоя на ногах, она

посмотрела в сторону битвы. Маленькая фигура, несмотря на теплый свет, была лишь серо-коричневой, едва различимой. Более высокая фигура возвышалась над своим врагом на странно соединенных ногах и била по ней чешуйчатыми когтями. Он рвал раны на обнаженной коже ребенка кнутоподобным вилообразным языком длиной в два фута.

Элизабет задыхалась, чтобы закричать, но Асп был быстрее — его рука обвилась вокруг ее шеи, и его мозолистая ладонь закрыла ей рот прежде, чем звук вырвался из нее. Она задохнулась, попыталась укусить его, но остановилась. Давление на ноздри предупреждало, что он может задушить ее так же легко, как и заставить замолчать. В другом его кулаке она увидела силуэт пистолета, который менял прицел с почти механической точностью, пока бойцы двигались вперед и назад. Когда все прекратилось, когда яростные брызги от кружащихся чудовищ утихли, Меркурио толкнул ее вперед, и Лиз увидела, что бой окончен.

— Перчатки, — приказал Хеша.

Он опустил тело своего врага в воду под ним. Оно дернулось, и Сетит наступил на него своими сандалиями на толстой подошве. Один каблук впечатал подбородок ребенка в мостовую. Элизабет вздрогнула. Победитель смыл когти в ручье, и Томпсон шагнул вперед, натягивая латексные перчатки на вновь формирующиеся руки своего хозяина. Хеша емедленно сбросил свой окровавленный плащ, выпутался из рубашки и брюк и позволил им упасть в стремительный поток. Он осмотрел себя и тщательно смыл красно-черную слизь со своих ран.

— Чисто, сэр. — Томпсон подтвердил.

Элизабет вздрогнула. Чешуйчатая шкура Хеши начала затягиваться; раны и укусы, нанесенные существом под его ногой, закрылись. Ни одна из них не кровоточила. Чешуя растаяла, и вместе с изменением кожи исчезли странные

суставы и рост. Рон подал сигнал Аспу. Рафаэль прицелился в точку под водой. Томпсон выскользнул из собственного пальто, накинул его на босса и вернулся к лестнице, крепко сжимая пистолет двумя кулаками.

Защищенный перчатками, Хеша потянулся вниз, схватил девочку за лоб и челюсть и прижал ее к кирпичным ступеням. Ее младенческие мышцы ужасно напряглись, и полусформированные звуки вырвались сквозь стиснутые зубы. Без предупреждения сетит отпустил хватку на ее подбородке, и рот ребенка распахнулся. Быстрее, чем могли видеть смертные, его пальцы проскочили внутрь и вырвались наружу, держа серый, хлюпающий кусок мертвой ткани — ее язык. Он бросил его в сточную канаву, снова прижал ее к черепу и заглянул ей в глаза. Она быстро закрыла их.

— Томпсон. Дай мне пистолет и глушитель. И откройте ей глаза. — Рон что-то сказал себе под нос, но Хеша уловил это. — Тогда отрежь веки.

Старый полицейский двинулся к нам. Он собрал оружие и положил его на ступеньку под рукой Хеши; он достал из рукава маленький нож и наклонился над головой ребенка. Сетит наклонился ближе к серому лицу и произнес короткие, властные слова, обращаясь к девочке. Ее губы все еще складывались в начальные слоги. Он кричал ей по-арабски, шептал, искал в испорченных глазах признаки покорности или неуверенности.

— Тише, — попробовал он сказать по-английски.

— Держите ее голову, — коротко сказал он. Он снова отпустил ее челюсть. Челюсть девочки с треском разлетелась, когда пуля прошла насквозь, а когда движение прекратилось, четверть ее лица оказалась раздробленной на штукатурке стены в другом конце переулка. Хеша снова попробовал свои команды. Наконец, когда похититель сосредоточился на

подавлении ее воли, маленькое, решительное существо на ступеньках смогло издать звук.

Хеша ткнул в нее небрежным, нетерпеливым когтем. Он тут же пожалел об этом — от девушки не осталось и следа, чтобы выдержать неровный порез.

Она вскрикнула, сморщилась и на месте превратилась в порошок.

В пустой момент после этого в переулке почти не было слышно шума.

Дождь стучал и хлестал по обломкам. Так было раньше, так будет и впредь. В Калькутте в июле небо падает на город. Дождь упал на пыль, бывшую ассамитской, и превратил ее в грязь.

Элизабет, все еще пленница Аспа, всхлипывала страшными, душераздирающими рыданиями. Дышать ей было больно; вода на ее лице не была дождем. Ее полные и жгучие глаза медленно обшаривали круг света. Она боялась того, что лежало за его пределами, и боялась трех мужчин, стоявших в нем вместе с ней. Хеша двинулся к Аспу, а за ним Томпсон собрал инструменты для ужасной операции. Лиз отвела взгляд; она не смотрела ни на одного из них.

— Отпусти ее, — сказал Хеша. — Отпусти ее.

Отпущенная, она зашаталась, и монстр подхватил ее на руки. Осторожно он развернул ее в переулке, подальше от быстро разлагающегося трупа на ступеньках, и начал долгую прогулку обратно в отель.

Суббота, 24 Июль 1999, 2:24 AM
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

Элизабет, склонившись над раковиной, подняла глаза от слива к крану. Темно-коричневая рука протягивала ей мокрую мочалку, а ее глаза метнулись к зеркалу, и она увидела стоящего позади нее Хешу. Ее снова тошнило, и он держал ее за плечи, пока ее тело боролось за то, чтобы опорожнить и без того пустой желудок. Кислота стекала в проточную воду. Влажная салфетка прохладно провела по ее лбу. Конвульсии прекратились, и он подождал, пока женщина выполощет желчь изо рта.

— Не трогайте меня! — Она с силой вырвалась из не сопротивляющихся рук существа.

Хеша остался на месте и позволил ей встать между ними во всю длину комнаты.

— Она была просто ребенком. Ребенок! — Элизабет прокричала последнее слово.

— Нет, — сказал Хеша.

— Ты убил маленькую девочку, — плевала она на него, — ребенка. Ты замучил маленькую девочку до смерти.

— Нет, — спокойно повторил монстр. — Это часть кошмара, который ты видела ранее.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят, это было на самом деле. Я видела, как ты это делал. — Она разрыдалась. — Почему ты убил ее?!— Хеша осторожно шагнул вперед. Он остановился в точно выбранной точке — ровно на том расстоянии, которое она могла допустить. — Это часть кошмара. Твой Красный

Король под горой. Женщина-обезьяна, посланная убить волшебника. Ничто в кошмаре не является тем, чем кажется.

— Я видела, как ты убил ее, — опасно прошептала Элизабет. — И я видела тебя. — Она сглотнула, борясь с бурлящими внутренностями, и задрожала. — Кто ты?

Сетит покачал головой.

— Еще одна часть кошмара.

— Нет! — Ее руки, сжатые в белые кулаки, в разочаровании бились о ноги. — Правда! Кто ты? Кто ты? Кто ты?

Он закрыл пространство между ними и заключил ее в свои объятия. Они стояли так, наверное, минут пять — смертная женщина дрожала, прижималась к нему, крепко обхватив себя руками, чтобы защититься от него, но все равно плакала на его плече. Хеша ничего не говорила, но он прижимал ее к себе, не давая вырваться рыданиям. Они замедлились, мучительные крики стихли и перешли в рыдания, и когда он понял, что она снова стала хозяйкой самой себе, он отпустил ее.

Элизабет попыталась отступить, но ей некуда было идти. Она рухнула на ковер в углу и уныло сказала:

— Оставьте меня в покое.

Хеша стояла на коленях на полу, на расстоянии вытянутой руки. Он вдруг осознал тепло, оставленное на его коже ее телом, и горячие, влажные слезы, пропитавшие его рубашку. Под шум неровного дыхания женщины он начал замечать биение ее сердца. Он стряхнул с себя ритм ее крови и нарушил тишину.

— Я убил эту тварь, — ровно произнес Сетит, — потому что она отведала моей крови, поставила под угрозу мою миссию и мой народ, и потому что она убила Мишеля. Он растягивал слова, позволяя им медленно падать на нее.

— Кем для тебя был Мишель?

— Волшебник. А она была женщиной-обезьяной, посланной уничтожить его. Она — это — не была ребенком; не была маленькой девочкой, чтобы ты плакал над ней. Возможно, она была ребенком, столетие назад. Но мои враги забрали это дитя, обучили ее, убили и превратили в убийцу под своим контролем. Он сделал паузу. — Инструмент для убийства.

Из того места, где раньше было его сердце, доносился шепот: В какой инструмент ты превратишь Элизабет?

— Я говорил вам, что не даю похороненным опасностям попасть в чужие руки. Я приехал в Калькутту, потому что одна из самых страшных из них на свободе. Красная звезда, которая пугает тебя в твоих снах. — Он посмотрел на нее. Она, по крайней мере, слушала. Упоминание о звезде поразило ее, и она, возможно, была готова, наконец, поверить в то, ради чего он приехал. — Мишель нашел бы ее источник для меня. Вместе мы могли бы узнать достаточно, я думаю, чтобы остановить Око — звезду — если бы ее использовали во вред. — Его голос ожесточился. — Убийца положил конец этой надежде. Еще больше людей пострадает из-за этой девушки и того, кто заплатил ей за убийство моего друга. Они уничтожили его, чтобы он не смог поговорить со мной. Произнося это, он задумался, может ли это вообще быть фактом.

Хеша прислонился спиной к тяжелым шторам и вытянул ноги. Тяжело, печально, он сказал ей:

— Но ты... ты не должна была видеть это. Это было ужасно, и мне жаль, что ты оказалась так близко к центру всего этого. — Он изучал покрывало на кровати, ее ночной столик, комнату за окном. Через определенный промежуток времени он снова посмотрел на женщину в углу и протянул к ней руку. — Прости меня, Элизабет, — умолял он. Он покачал головой и сказал снова: — Ты не должен был этого видеть. Господи, — взмолился он, — ты послал мне провидицу, когда знал, что я потерял

Вегеля, и я благодарен тебе за это. Но почему эта женщина? И почему она должна была увидеть так много так скоро?

Хеша почувствовал, как теплые пальцы сжимают его руки, и вздохнул, затаив дыхание. Он посмотрел на нее; проследил за ее взглядом до их соединенных рук; горестно улыбнулся.

Элизабет взяла его руку в обе свои. Манжета его рубашки лежала поверх запястья, но она подумала, что под ней... вот он. Браслет из узловатой пеньки и полированных белых бусин. Самая крупная висела низко, и она потянула за нитку, чтобы рассмотреть ее получше. Без удивления она узнала белый глаз статуи.

Ни один из них не заговорил. Еще мгновение назад в комнате царило спокойствие. Теперь здесь было мертвое спокойствие, заряженное для бури.

— Ты всегда, — сказала Элизабет, — носишь это на ремешке на шее. Почему сегодня оно у тебя на запястье? — Прежде чем он смог ответить, она продолжила логику. — Ты надел это на запястье. Ты взял меня с собой на прогулку и приложил его к моему запястью. — Более медленно: — И после этого я начала... ходить из стороны в сторону. Ходить куда-то без причины. — Она закрыла глаза и обхватила руками колени. — Вот почему ты был мил со мной сегодня вечером. Чтобы ты мог взять меня за руку и вложить в нее это. Я была просто... ниточкой на маятнике. Ты использовал меня.

Хеша отрастил коготь и отрезал браслет. Он сомкнул вокруг него свои чешуйчатые руки.

— Да, — сказал он.

— Чтобы найти девушку.

— Нет. Я не знал, куда ты меня поведешь. — Сетит сделал паузу, потирая камни в браслете друг о друга. Они щелкали,

как голубые молитвенные четки его давно потерянного дома. — Если бы у меня было время, я бы сам нашел все на свете. У меня нет времени, Элизабет. Я ищу короткие пути. Мне нужны быстрые ответы. Я поместил тебя... в цепь... с глазным камнем, чтобы отследить источник. Я не ожидал найти убийцу, это правда.

Очень тихо Элизабет прошептала:

— Но для тебя я по-прежнему всего лишь нить маятника.

— Нет. Нить в маятнике — это любой шнур, любая нить. Ты незаменима, Элизабет. — И как только он разработал эту ложь, он понял, что это правда.

— Незаменима, — повторила она, смеясь во все горло. Хеша начал — ее тон полностью изменился. От высокой истерики она опустилась до циничного, непредсказуемого уровня, до которого он не был уверен, что сможет дотянуться.

— Почему это смешно? — резко спросил он.

— Пожалуйста, — сказала Элизабет, качая головой. — Уходи сейчас же. Я устала.

В соседней комнате зазвонил телефон. Хеша неохотно посмотрела в сторону двери. Она снова засмеялась и забралась на кровать.

— Иди, Хеша. Ракшасы зовут тебя, а кто-то хочет, чтобы я спал.

— Хеша Рухадзе? — Это был мужской голос, с сильным акцентом, но достаточно хорошо говорящий по-английски.

— Вот.

— Мне нужно поговорить с тобой лично. Прямо сейчас. Не думаю, что мое имя будет иметь для вас значение. Но я разговаривал с Мишелем несколько ночей назад, и думаю, что вам нужно поговорить со мной, по крайней мере, так же сильно, — задиристо сказал незнакомец, — как мне нужно поговорить с вами. — Он оставил это на мгновение. — Я в Розовом слоне, внизу. Приходите в ближайшие десять минут или не приходите вообще.

Хеша неуверенно вошел в темный, утопающий в музыке клуб. Настойчивый барабанный бой пробирался по деревянному полу к подошвам его ног. Дым и цветные, движущиеся огни играли с его глазами. Он обследовал бар, заказал виски с содовой и осмотрел помещение в поисках знакомых лиц. Не найдя ни одного, он сделал вид, что потягивает свой напиток. С поведением и выражением лица решительного любителя выпить поздним вечером он обошел танцпол и направился к небольшому пустому участку с кабинками и столиками. Сетит сел на изогнутую скамейку, прислонился к стене и принялся заставлять выпивку исчезать.

После случайной задержки от группы девушек, гикающих в мигающих огнях, отделилась фигура. Размашистыми шагами мужчина подошел к столику Хеши и, развернув бедра, зашел под стол.

— Рухадзе. Приятно, что вы заглянули.

Новоприбывший был темноволосым и красивым, но неряшливым. Он носил засаленную имперку, а его черные дугообразные брови казались такими же острыми, как усы и борода. Локоны вьющихся, неухоженных волос падали на неестественно бледные брови, и он зачесывал их назад, когда улыбался.

Хеша осмотрел его без комментариев. Испытание молчанием незнакомец проиграл. Он с тревогой поспешил дальше:

— Хорошо. Я здесь, чтобы заключить с тобой сделку. — Он почесал подбородок. — Ты что-то ищешь. Я знаю, где это. Я могу отвести тебя к нему.

— Ваше имя, — спросил Хеша.

— Разве тебе не интересно? Я думал, ты погорячился, чтобы найти...

— Ваше имя, — приказал Сетит.

— Равана. Халил Равана.

— Иди, Халил. И зови меня Хеша, если хочешь. — Незнакомец с именем ракшас колебался. Хеша заполнил пробел. — Почему вы считаете, что я что-то ищу?

— Мишель, — ответил Халил. — Он пришел ко мне с пачкой вопросов о... о месте, которое я знаю. У него было много времени, чтобы спросить раньше, но он не интересовался, пока не появился ты. А потом его убили здесь, на вашем пороге. Говорят, он даже не успел присесть, как его схватили. Так что, я думаю. Ты ищешь то, что искал он. И он не успел передать вам информацию до того, как они его схватили. Я не знаю, кто такие -они, но могу догадаться. И у меня такое чувство, что я уже не здоровый мертвец. Я здесь, чтобы вылить свои кишки, чтобы они могли заняться тобой.

— Как мило. — Хеша сжал пальцы. — И чего же ты хочешь от меня?

— Ну, я еще не уверен. Может, ты мне задолжаешь.

Хеша покачал головой.

— Назови свою цену.

Халил пожал плечами.

— Смотри. Я покажу тебе товар. Я отвезу тебя туда. Если это то, что вам нужно, мы сможем заключить сделку тогда. Назовем это, — казалось, он слушал кого-то слева от себя, — услугой, оказанной в обмен на... будущие соображения. — Он сморщил усы. — Во-первых, вы можете вывезти меня к черту из Калькутты.

— Я способен это сделать, — подтвердил Сетит.

— Верно. Итак. — Халил кивнул. — Я встречу тебя здесь завтра, сразу после захода солнца, и отвезу тебя на место. Хеша поднял бровь. — Нет. Завтра, в девять часов, мы встретимся с тобой возле отеля.

— Кто такие “мы”?

— Кто мы. — Сетит сложил руки и уставился на неудачливого Равноса в мгновенном молчании. — Это, — сказал он, — моя забота. Встречаемся на улице, рядом с книготорговцем, в девять часов.

— Я никогда не говорил ничего о...

— И я не спрашивал вас о других людях. Тем не менее, вы проводите меня и моих последователей от книготорговца, а не от этого мясного рынка, в девять часов. Если ты и твой друг... — Хеша жестом указал Халилу на левый бок, — будете ждать меня здесь, то окажетесь брошенными, когда я покину Калькутту.

— Только одну чертову минуту, грязная змея. — Нрав Равноса, усиленный гневом, охватившим город, поднял его на ноги, и он закричал. — Я не обязан терпеть это дерьмо от тебя. Никто другой не сможет доставить тебя в... Я могу выйти отсюда прямо сейчас, и где, черт возьми, ты будешь?

— По какой-то причине, господин Равана, я не думаю, что вы можете уйти от этого. Сообщите вашему работодателю, что

я предпочитаю иметь дело с директорами; в данном случае я сделаю исключение ради него или нее. В его распоряжении не может быть много по-настоящему... расходных материалов в такое время. — Сетит встал, насмешливо поклонился человеку, которого он мог видеть, искренне поклонился невидимому слушателю и удалился.

Позади себя, смешиваясь со звуками музыки, он услышал, как Халил ударил ногой по столу. Он разлетелся по залу, разбивая по пути стекла и головы, а вслед ему полетел поток проклятий. Когда Сетит оглянулся, младший монстр был окружен полусформировавшимися фигурами и цветными пятнами, не имеющими ничего общего с освещением клуба.

Хеша водрузил монокль на место, повернулся, чтобы подняться по большой лестнице из голландской плитки, и позволил себе полуулыбку.

Суббота, 24 Июль 1999, 11:03 PM
Задняя улица в Сером городе
Калькутта, Западная Бенгалия

Рон Томпсон сидел, холодный и мокрый, на спинке вздрагивающей ослиной повозки. Его настроение было таким же черным, как и ночь вокруг него, что говорило о многом. Тайфун — тысячелетний шторм, по подсчетам CNN, — пришел на рассвете. Но если солнце и взошло, Томпсон его не увидел. Облака были слишком плотными. Несмотря на то, что тайфун "Джастин" висел над сушей уже восемнадцать часов, он не подавал признаков ослабления. Гималаи задержали дождь и ветер на пути на север. Порывы ветра не могли заставить систему преодолеть горы, но и не отказывались от борьбы. В городе вода стояла на глубине трех футов. Свет в более цивилизованных частях города мерцал и грозил погаснуть. А в трущобах, через которые их вел безумец с вожжами, электричества не было совсем. Видимость была нулевой. В отвращении Томпсон бросил свой часовой пост и присел рядом с Аспом. Вода и плавающее овощное месиво захлестывали его по щиколотки, но ярко-зеленые доски бортов тележки хотя бы немного защищали от ветра.

Маленький зеленый фургончик остановился рядом с массивной, запутанной развалиной многоквартирного дома. Вода лилась по потрескавшимся стенам, стекала по нескольким водосточным трубам и жестяным желобам. Томпсон и Асп ждали, глядя на разбитые окна, сорванные тенты и слабые ставни. Когда стало ясно, что повозка действительно остановилась, они спустились с ее задней части. Асп встал на страже, насколько позволял дождь, а Томпсон протянул Лиз руку, когда она прыгнула в бурый поток высотой по колено. Хеша вышел один, с противоположной стороны.

Халил Равана спрыгнул с подводы на спину несчастного осла. Быстрыми, натренированными пальцами он отвязал животное от следов. Он бил ее по бокам — она отказывалась двигаться —

и шептал ей в уши ужасы. Дикая и белоглазая, Дженни убежала от рева тигра, поднялась по короткой лестнице и попала в полуукрытие открытого коридора. Он спрыгнул с него, привязал зверя к перилам и повернулся, чтобы спрыгнуть обратно на лестницу.

— Аиии! — Высокий голос и коренастая, жестикулирующая женщина преградили ему путь. На языке хиндустани она потребовала объяснений по поводу осла. Халил щелкнул пальцами, и сильно мускулистый мужчина с топором спустился по лестнице позади него. Призрак облизал губы и поднял окровавленное оружие над головой. “Аиииииии!” Вдвое громче и втрое пронзительнее, кричащая женщина исчезла за поворотом и скрылась в темном дверном проеме.

Халил повернул самодовольное лицо к четверым, ожидавшим на улице. Он спустился по ступенькам, открыл толстую, удивительно прочную на вид дверь и выделил Хешу из маленькой группы взглядом.

— Мы здесь. Идемте. — Все четверо направились к открытому порталу. Равнос засмеялся. — Нет. Только ты, Рухадзе.

Сетит безмолвно уставился на своего проводника.

— Что? Что? Ты хочешь вернуться в отель с пустыми руками? Приходи один или не приходи вообще. Я пытался сказать тебе это прошлой ночью, наглая задница.

Хеша подошел ближе к дверному проему, рассматривая дерево, разрушающееся здание и усмешку Равноса.

— Она идет со мной, — сказал Сетит. Его глаза внимательно изучали каждый мускул лица младшего существа. Веки Халила дрогнули, и на его правом виске начался тик. На мгновение Хеша подумал, что мужчина может полностью потерять контроль над собой, но когда он замер на грани, на него

бросили взгляд, которого ожидал сетит. Халил снова словно прислушался к кому-то рядом, и выражение его лица прояснилось.

— Хорошо, — согласился он, очевидно, к своему собственному удивлению. — Но только она. Остальные остаются здесь.

Хеша позвал:

— Дайте мисс Димитрос фонарик и камеру.

Томпсон и Асп ничего не сказали... так громко, что Элизабет уловила каждое слово. Босс был сумасшедшим. Все это было ловушкой. Девушка не была готова. По крайней мере, сегодня девушка была одета в джинсы и крепкие ботинки. Девушка не пошла бы. Девушка пошла бы. Пока их скованные, хорошо натренированные лица говорили все это, двое мужчин пристегнули Лиз к поясу с инструментами, повесили ей на шею старую прочную водонепроницаемую камеру и засунули под плащ полный пакет пленки. Последнее, что она успела прочитать от них, прежде чем Асп подтолкнул ее вперед, было что-то вроде сочувствия: не друг другу, а одинаковые взгляды, прямо на нее, которые говорили, что они были там, где она была, и им это не понравилось, и они хотели бы, чтобы она была где угодно, только не там. Странно успокоенная, Элизабет последовала за Хешей вниз по проходу. Она держала руку на телефоне и повторяла про себя список тревожных кодов Томпсона, чтобы сохранить спокойствие.

Тускло освещенный коридор заканчивался лестницей наверх. За мной следят, подумала Лиз. Семь-два-два. Лестница привела их на полубалкон, разбитый по внешнему краю. Кто-то находится со мной в комнате: восемь-три-четыре. Халил провел их в заброшенную квартиру и на крышу. Приехала полиция: три-ноль-шесть. На крыше оказалась разбитая, искореженная пожарная лестница. Я ранен: один-один-один. Проводник выдернул лестницу из железных обломков и прислонил ее к

стене. Хеша ранен: девять-девять-девять-девять. Они поднялись наверх, прошли по бастиону из старого кирпича между двумя зданиями и остановились в тупике. Пожар: пять-два-восемь.

Халил исчез в кирпичах. Его голова и руки по-прежнему торчали над обожженной глиной. Хеша взял его за мозолистые пальцы и шагнул в иллюзию. Он протянул руки к Элизабет, и она ухватилась за них. Внутри кирпичей она ничего не видела, поэтому достала фонарик. Они оказались на винтовой лестнице с очень низким потолком; она вела вниз, в каменную кладку. Кирпичи уступали место камню, камень — кирпичу, и ступени уходили вдаль, за пределы приглушенного света лампы. Их ноги почти не шумели на пыльных башмаках. Промокшая одежда не шуршала; через некоторое время с нее перестало капать, и Элизабет отчетливо слышала, что в затхлом дымоходе раздается только ее дыхание.

Я подтверждаю ваш звонок, подумала она, защищаясь. Четыре-девять-четыре.

Наконец, спуск остановился, и все трое поползли по туннелю. По большей части он шел горизонтально и пролегал через руины, которые не имели ничего общего с цементом, кирпичом или жилыми домами над ними. Между обломками и пустым камнем Элизабет заметила фигурную резьбу и слова, написанные на чем-то вроде санскрита. Она бы остановилась, чтобы изучить их, но двое других шли на четвереньках, и ей было трудно за ними угнаться.

Я потерял зрительный контакт: Восемь-один-восемь.

Внезапно открылся проход, локти ломит, колени ломит. Лиз разогнулась, потянулась и окинула взглядом проход. Это место, достаточно высокое, чтобы стоять в нем, представляло собой четверть сферы: одна ровная вертикальная стена, плиточный пол, почти под прямым углом к стене, и пространство для дыхания, вырезанное из обломков. Позади них — отверстие,

через которое они вошли. Впереди — очертания двери. Ее история проносилась перед глазами: заделанная камнем, взломанная, снова заделанная кирпичом и глиной, сломанная во второй раз, в третий — возможно, чаще. Сейчас она была открыта на уровне плеч и перемычки, и Хеша только что взобрался по обломкам и пролез внутрь.

Элизабет поставила ногу на обломок, выглядевший устойчивым, ухватилась за косяк для надежности и взобралась на верхнюю часть разрушенной герметичной стены. Она присела там на мгновение, переставляя свое снаряжение. Фонарик, выдернутый из обоймы, заиграл на изогнутом сводчатом потолке. Луч отразился от веселого лица Халила и его непринужденной позы; он легко откинулся на верхушку резной балюстрады в другом конце комнаты. Лиз направила свет ниже, ища место, куда можно спрыгнуть, и закричала...

Трупы устилали пол — некоторые свежие, некоторые скелетные, некоторые в состоянии гниения — и их в свою очередь укрывали крысы, нездоровые, безволосые, покрытые повреждениями существа, которые при звуке ее крика разбегались в пустые пасти, полые грудные клетки и гноящиеся тоннели плоти. После секундной паузы они снова показались. Глаза, красные от вспышек на сетчатке, многозначительно повернулись к ней. Горстка набросилась на нее, остальные вернулись к своему пиршеству.

Голос Хеши донесся сквозь щелканье когтей паразитов:

— Оставьте ее в покое, — приказал он.

Мгновенно ужасы исчезли. Элизабет вздрогнула. Голый каменный пол был чист. Она с благодарностью опустилась на него. Подозрительно, нервно она осмотрела свое реальное окружение. Потолок остался прежним; стены, как выяснилось, были высечены из камня, а не из изъеденной крысами земли. Халил по-прежнему сидел на перилах, но выражение его лица было невеселым. На его лице застыло разочарование. А Хеша,

невидимый ранее, занимал дальний правый угол камеры. Его указательный палец провел по нарисованным рельефам, не совсем касаясь их, и сосредоточенно нахмурил брови. Лиз присела у двери, наблюдая за ним.

У Халила на добрых пять минут хватило терпения сделать то же самое. Затем Равнос прочистил горло.

— Хорошо? — спросил он ярко.

Хеша остановился и повернулся лицом к Равносу.

— Хорошо. Но это все еще не источник.

Халил щелкнул языком.

— Нет. Но он не проявлял никаких признаков движения.

— Чего ты хочешь?

— Ну, — Халил сел. — Ты охотишься за Глазом. Оно торчит повсюду вокруг тебя. — Он пожал плечами. — Я мог бы быть ценным парнем, чтобы взять меня с собой в эту поездку. В конце концов, это наше Око, а не ваше. Так что я могу знать то, что тебе понадобится позже. — Он почесал подбородок. — Итак. Если я покажу тебе последнюю комнату, ты заберешь меня с собой из Калькутты. И защитишь меня. И сделаешь приятное мне, — вырвалось у него, на мгновение утратив маску доброжелательности. — И я помогу тебе найти старого Злого Глаза.

Хеша задумался на мгновение, а затем заговорил — медленно, тщательно подбирая слова.

— Я возьму тебя с собой, — произнес он, — и буду защищать тебя, — он сделал паузу, — пока ты будешь продолжать помогать мне в поисках Ока Хазимеля.

— Договорились, — крикнул Халил. Он разразился смехом и посмотрел на своего нового партнера в приступе товарищества. — Представь себе выражение лица старого Абернети — цыган и змея верят друг другу на слово. Ну, пойдем. Это здесь, внизу. Он постучал пальцем по полу, и под его ногами открылась яма: вырубленные в скале ступени, ведущие вниз... заполненные в данный момент паводковой водой. Халил легко опустился в нее по пояс и усмехнулся Элизабет. — Захватил с собой акваланг, милая?

Хеша поймал ее взгляд.

— Сфотографируй эту комнату. Мне нужны детали фресок. — Она кивнула, и он последовал за Халилом в отверстие.

Оставшись одна, Элизабет прислонила фонарик к одной стене и начала снимать на пленку другую. Когда все четыре были закончены, она перекрестила фонарик и начала все сначала. С помощью водостойкого карандаша и блокнота она сделала заметки о предполагаемых размерах комнаты. Она нервно ждала, держа на коленях камеру и лампу. Бассейн с водой лежал без движения. В конце концов, она поднялась, снова изменила угол освещения и сделала третью серию портретов, на этот раз с блокнотом на каждом снимке для масштаба. Время ползло незаметно.

Жду на рандеву: Два-семь-один.

Воскресенье, 25 июля, 1999 12:34 AM
Погребальная камера безымянной могилы
Калькутта, Западная Бенгалия

Халил, скучающий до невозможности, лежал во весь рост на каменной крышке грязного саркофага. Свет его собеседника метался по камере, как шальной желтый светлячок; сам он предпочел бы вернуться на дискотеку, а еще лучше — в Нью-Йорк. Там был город греха для вас. Равнос сложил руки на поясе и мечтал об Америке.

Хеша плавал от стены к стене, внимательно изучая символы, узоры, сцены и, наконец, ряды шрифтов, высеченных в скале. Наконец, удовлетворенный, он вздохнул. Погребальная камера, хотя он и подозревал, что она может быть фальшивой, принадлежала к той же культуре, что и статуя ракшаса — некоторые работы, похоже, были выполнены тем же художником. Несколько глотков воздуха, которые он задержал в легких для разговора, улетучились, и его мертвое тело увереннее осело на скользкий пол. Он скинул сандалии, чтобы удобнее было держаться, достал свой фотоаппарат и принялся подробно осматривать гробницу.

На третьей стене, возле угла, он нашел решающий проход. Инструкции. Хеша сделал паузу, читая их, и на мгновение замер. Он искал Око больше века; шок от успеха (хотя Сетит всегда был уверен, что в конце концов добьется успеха) заставил его задуматься.

Инструкции по удержанию, герметизации и безопасной транспортировке Ока Хазимеля.

Хеша едва не рассмеялся. Задача была невероятно простой… если знать секрет. Ему потребовалось больше мастерства, чтобы перевести старое письмо, чем для того, чтобы поймать Глаз. Это была крестьянская магия, колдовство, буквально детская игра — пирожки с грязью. Святая речная вода, смешанная с землей

(ил с Ганга, думал он, с Нила), прикоснувшись к сфере, закрывала крышку. Толстый слой, нанесенный вокруг Ока, погружал его в сон. Высохшая и затвердевшая глина защищала артефакт от вреда... а мага — от артефакта. Далее писец подробно рассказывал о спасении Ока от воров, о могущественном ракшасе, мудро повелевавшем им, о призыве к Хазимелю. Надпись продолжалась под другим рельефом, но дополнительный текст был утерян. Прямо над легендой о происхождении Ока какая-то неграмотная рука взяла резец. Неглубокие царапины описывали вариацию бенгальской народной сказки разрушение сердца королевы демонов мечом из пальмовых листьев. Хеша тщательно сфотографировал этот участок, проклиная автора граффити. Возможно, позже он сможет расшифровать разбитую резьбу. Он перешел к следующей панели, затем к потолку и бокам самого саркофага. Он не торопился.

Элизабет загрузила в фотоаппарат еще один рулон пленки. Она уже использовала половину запаса; лучше, подумала она, сохранить оставшиеся экспозиции на случай, если будут еще комнаты, о которых Халил не удосужился упомянуть. Если она и не успела поймать какой-то ракурс этой камеры, то не потому, что не старалась. Или времени.

Она прикрепила камеру обратно на грудь и взяла в руки фонарь. Любопытство привело ее к первой (или последней) панели серии. Было трудно определить, где начинается повествование — она была уверена, что резьба изображает определенный миф, а не разрозненные сцены, — но можно было начать с этого угла. Читая слева направо, она проследила историю, по крайней мере, в своем воображении.

На первом рельефе город пал перед захватчиками. Слева изображены высокие красивые здания, справа — воины за воротами. На втором рельефе башни пали, воины контролировали улицы, а беженцы хлынули наружу. Крупнее остальных, а значит, вероятно, и важнее, бежал странный человек. Элизабет внимательно изучила его. На нем было

несколько символов, присущих демонам — ракшасы, асуры, злые мертвецы, — но самым важным в сознании художника были его глаза. Они не совпадали. Один был по крайней мере на три размера больше другого, а остатки краски показывали радужки разных цветов. На третьей сцене асура стоял в джунглях, окруженный горами, и в нескольких позах на фоне пейзажа, казалось, командовал строительством храма или дворца вдалеке. На четвертой панели демон, большой и центральный, занял левую сторону, чтобы сразиться с бандой захватчиков из захваченного города, изображенного в миниатюре высоко в углу рисунка. Справа он вершил правосудие над пленниками, привязанными к колоннам его почти законченного здания.

В пятой части, безусловно, самой напряженной и трудной для интерпретации, армия из далекого города пришла, чтобы завоевать его. Даже понимая, что сцена развивается из стороны в сторону, Элизабет оказалась в проигрыше. Была армия; был дворец асуры; асура сражался; но на чьей стороне сражались звери? Если демон командовал полевыми зверями, то почему некоторые из них находились в агрессивных позах внутри дворца? Если существа сражались за армию, то почему многие из них были обращены в сторону от асуров и нападали, очевидно, на своих?

К сожалению (Элизабет прислушалась к звучанию этого слова и признала, что была предубеждена против демона с несовпадающими глазами), последняя панель показывала явный триумф асуры. В своем законченном храме он вершил суд. Позади него в торжественной позе стоял большой (или очень важный — на этом уровне пиктографии размер мог означать что угодно) демон-бог с сотней голов и рук. Он, или она, или оно, заключил Лиз, должно быть, послал животных, чтобы помочь демону выиграть битву. По крайней мере половина голов не были человеческими, и она выделила среди толпы крыс, собак, кошек, обезьян и ослов.

Без предупреждения Элизабет отлетела от стены. Растянувшись на спине у ступенек, она судорожно огляделась, пытаясь понять, кто ее ударил. В ужасе она поняла, что движется сама земля. Толчки подняли пыль из трещин в полу и осыпали камни с потолка. Элизабет крадучись подошла к балюстраде и ухватилась за нее, чтобы устоять. Она приготовилась к худшему. Молитва Отче наш прилила к ее губам, а за ней последовала Аве Мария. Последний толчок прокатился по земле, когда она дошла до слов “ныне и в час смерти нашей”. Блоки свода остались на своих местах, вода перестала выпрыгивать из лестницы, а гравий возле разбитой двери лежал неподвижно.

Телефон подал сигнал, и она подскочила. После сердитых земных раскатов модемный, дружелюбный, стаккато тон показался абсурдным. Элизабет чуть не захихикала от облегчения.

— Алло? — Голос Томпсона, подумала она. Помехи были настолько сильными, что трудно было определить. — Все еще с нами?

— Я здесь, — ответила она.

— Алло? Алло? Есть кто-нибудь? — На секунду сигнал полностью прервался, затем: — Цепь открыта, просто... никого... не могу получить ответ.

— Я здесь! — крикнула Лиз в трубку. — Я здесь. Что случилось? Ты меня слышишь?

Тонкий, сквозь шум, голос Аспа:

— Попробуйте еще раз... улица...

Линия оборвалась, и Лиз разочарованно уставилась на маленькую телефонную трубку. Она стала ломать голову, как бы выжить после землетрясения и услышать вас. Связь слишком

плохая, чтобы говорить, но ситуация казалась слишком специфической. Она отправила четыре-девять-четыре, затем убрала телефон в кобуру и посмотрела на бассейн. Плещущаяся вода ничего не говорила о ситуации внизу. Она проверила свой камеру на предмет повреждений, достала свой фонарь из угла, куда он отскочил, затем подтянула ноги и села на перила. Адреналин — второй за эту ночь — выплеснулся из ее желудка.

Элизабет терпеливо ждала полчаса или больше, просто наблюдая, как успокаивается вода. В конце концов она заметила новую рябь на поверхности. Она осторожно ощупала перила в поисках новых толчков, не нашла ни одного, который могли бы уловить ее пальцы, и улыбнулась, увидев, что бассейн стал двигаться более резко. Двое других возвращались; через некоторое время они смогут выбраться из-под руин. Она соскользнула с балюстрады на камни и обошла перила, чтобы встретить Хешу и цыганку, когда они выйдут.

Вода всколыхнулась, и Халил выпрыгнул из нее, как ракета. Он трясся в воздухе, как животное, разбрасывая брызги по комнате. Лиз прикрыла глаза рукой и не сводила глаз с бассейна. До ее слуха донесся сильный стук — она подняла голову и увидела, что гид бьется телом о дверной уплотнитель. Он отпрянул назад и снова ударился плечом — он пытался пробить себе путь наружу, хотя отверстие было на расстоянии вытянутой руки.

Элизабет вскрикнула:

— Что вы делаете... — и прервалась, увидев его лицо. Глаза Халила смотрели в пустоту, настолько открытые, что белки были видны вокруг радужной оболочки. В них застыл беспричинный ужас, и его взгляд дикого животного снова и снова возвращался к яме. Его рот был открыт, как у задыхающейся собаки, и в свете фонаря хорошо были видны обнаженные зубы: Клыки, вытянутые в клыки, жестоко сверкали.

— О, Боже, — прошептала смертная женщина. Она отступила от чудовища и от невидимой опасности вниз по лестнице.

Равнос ударился о стену еще раз, с такой силой, что отскочил назад и с воем упал на пол. Его глаза начали меняться — веки сузились — теперь хищные щели искали в комнате добычу, а не спасение. Существо бросилось на Элизабет, подхватило ее когтистыми руками и швырнуло в угол. Набросившись на скорчившееся тело, он уткнулся носом в ее шею, обнюхал ее, лапами содрал с плеч половину ошейника и лизнул голую кожу. Она попятилась вдоль стены. На его лице на мгновение появилось недоумение. Затем с него исчезло всякое выражение, и животное вернулось. Халил снова прыгнул к ней, схватил ее за плечо, и тут из ямы донесся шум, и его взгляд снова изменился. Он начал поворачиваться.

Мгновенно Элизабет осознала, что Хеша находится между ней и монстром. Сцена замерла: Халил Равана, распростертый на полу, Элизабет прижалась к стене, Хеша стоял перед ней, его рука все еще держала тупой конец чего-то бледного, пронзающего грудь другого мужчины.

— Не кричи, — спокойно сказал Сетит. — Землетрясение могло ослабить туннели. Вы ранены?

— Просто синяк, я думаю.

— Хорошо. Теперь помоги мне с ним. — Хеша протащил труп Равноса до самой двери. — Перелезай. Теперь поддерживай тело, когда я передам его тебе. Не пытайся взять вес сам. Вместе они протащили тело через проем, и Хеша начал обвязывать нейлоновый шнур вокруг туловища мертвеца. Элизабет посмотрела на оружие в груди Халила и подтвердила свои подозрения.

— Он вампир, — сказала она, и ее тон был настолько странным, что на мгновение Хеша перестал что-либо делать.

Плавно он продолжил вязать узлы. Так же спокойно он сказал ей:

— Нет. Он шилмуло.

— Он отрастил клыки. Ты посадила его на кол, и он умер, Хеша. Он вампир, — холодно настаивала она.

— Элизабет, — сказал Сетит с легким нетерпением, — если бы я посадил тебя на кол, ты бы продолжала двигаться после этого? Если бы я пронзил твое сердце, ты бы выжила? Халил выживет, шилмуб выживет, а люди — нет. — Он привязал концы веревки к своим ногам и нагнулся, чтобы войти в туннель. — Следи за колом. Если он начнет ослабевать, немедленно скажи мне. Я бы не хотел повторять процедуру в более замкнутом пространстве. Лиз заколебалась, и он поймал ее взгляд. — В чем дело, Элизабет?

— Он пьет кровь? И не надо про комаров, пиявок или масаев. Ты знаешь, о чем я. Правда, Хеша.

Хеша посмотрел вниз на лицо цыгана. Маверикские глаза уставились на него в ответ и голодно мерцали.

— Он знает, — сказал Сетит и пополз в дыру, увлекая за собой парализованного Равноса.

Воскресенье, 25 июля, 1999 4:45 AM
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

— Комната в безопасности, сэр, — раздался голос Томпсона из трех наушников в трех разных частях курорта. -Коридор без наблюдения.

— Приведите его в чувство. Транспорт, следите за открывающимися дверями. Отвлекающий маневр, докладывайте и задерживайте всех, кто приближается. Я приду по центральному маршруту, чтобы обеспечить более привлекательную цель.

Транспорт в виде Asp, тележки посыльного и подозрительно объемной сумки для одежды пересек вестибюль и благополучно вошел в служебный лифт. Отвлекающий маневр в виде Элизабет расположился у пассажирского лифта и убедительно играл с фотоаппаратом, часами, блокнотом, ремешком сандалии и утренней газетой. Рано утром горничная отеля обратилась к ней с просьбой указать дорогу к выдающейся святыне в непривлекательном районе города. Когда Хеша проходил мимо, Лиз поблагодарила ее, перепроверила название улицы и отпустила женщину.

— Он внутри, — объявил Рон. — Все возвращайтесь домой.

“Отвлекающий маневр” прогуливалась по коридору к номеру люкс. Асп открыл перед ней дверь, устало улыбнулся, и они в унисон захлопнули за собой дверь. Элизабет подошла к большому столу и начала отстегивать гаджет за гаджетом. Она бросила пленку в холодильник, нырнула в свою комнату и сменила испачканную грязью одежду на свежую пижаму, рухнул на диван, чтобы посмотреть на остальных. Халил, развернутый, но все еще замороженный, лежал на полу посреди постельного одеяла. Томпсон и Асп отсчитали время, подняли и отнесли тело в каюту Хеши. Они свернули за угол в гостиную, и

Лиз уловила звуки последних поправок дивана, окон и шилмуло. Ее пальцы задумчиво перебирали клавиши стоящего перед ней маленького компьютера.

— Асп, — сказал Хеша, — наш гость будет не в лучшем состоянии здоровья или настроения, когда наступит закат. Найди банк крови или больницу и укради десять или пятнадцать единиц из их запасов. Холодный ужин будет лучше, чем никакой.

— Да, сэр. Рафаэль скрылся в своей спальне.

— Томпсон — я хочу, чтобы вы с Джанет узнали все, что сможете, о сегодняшних толчках. Я хочу местного освещения здесь, я хочу местную информацию из источника, если Калькутта не была центром. Полный репортаж на BBC, CNN, Голосе Америки, NPR, китайских правительственных, российских государственных и частных и пиратских станциях. Возьмите также телеграфные службы.

Старый коп кивнул, поднял телефон, принял от Лиз ноутбук и вышел, набирая номер.

Хеша повернулся, казалось, впервые заметил последнего члена команды и с любопытством посмотрел на нее.

— Элизабет? Что тебе нужно? — настороженно спросила Сетит.

— Вы спасли мне жизнь сегодня ночью, не так ли? — сказала Элизабет, ее голос был полон удивленной благодарности.

Хеша кивнул. Он чувствовал себя лучше; он снова стоял на твердой земле. Благодарное отношение открывало широкие возможности контроля над девушкой. Он поднял одну руку в едва заметном, благородно-уничижительном жесте и шагнул ближе к дивану. Он решил сесть на подушку рядом с ней. Он подвинулся, и она улыбнулась ему. — Ты чуть не убил меня

сегодня вечером, не так ли? — сказала она совершенно другим тоном.

Хеша сел на журнальный столик. С опаской он ждал продолжения.

— Я только что искал шилмуло в Интернете. Пять ссылок на различные словари румов... несколько десятков ссылок на страницы, посвященные вампирам, Хеша.

— Не существует такого понятия, как вампир, Элизабет. Это жужжащее слово, которое некомпетентные переводчики на английский приклеивают к любому мифологическому существу, которое выживает, питаясь чем-то отвратительным. Монстру даже не нужно пить кровь, чтобы претендовать на эту честь, ни человеческую кровь, ни быть нежитью...

— Стоп, — резко сказала Лиз. — Послушай, — серьезно спросила она, глядя в его угольные глаза своими янтарно-карими, — -я... я думаю, что, возможно, влюблена в тебя. — Так же торжественно, с той же серьезной, но неуверенной интонацией, она продолжила: — Я думаю также, что мне лучше умереть, чем чувствовать себя так по отношению к тебе... что я скорее увижу тебя мертвым, чем буду чувствовать себя так. И я не понимаю, почему после всего, что я видела, я все еще могу что-то чувствовать к тебе. Она на мгновение вздохнула, а существо перед ней подумало о маленьком голубом стаканчике, оставленном в холодильнике в Бруклине, и решило, что знает ответ. — Пожалуйста, Хеша... скажи мне правду. Кто ты?

Сетит сделал паузу, тщательно взвесил момент и медленно позволил своей повседневной маске соскользнуть. Открылась его кожа чуть более светлого цвета. На его обнаженном скальпе красовалась детальная татуировка в виде извивающейся змеи, выполненная черными чернилами, которые никогда не исчезали. Открытые и незащищенные, честные глаза смотрели

на женщину на диване, и когда он заговорил, его голос слегка дрожал.

— Я — мертвый жрец мертвого бога. Это правда.

Элизабет горько улыбнулась.

— Каждый раз ты даешь мне другой ответ. — По ее щеке скатилась слеза, и она поднялась, чтобы уйти.

— Все это может быть правдой, — мягко сказал он.

Она продолжала идти и не отвечала. Хеша стояла, поймав дверь, прежде чем та закрылась, и смотрела на нее с вызовом.

— Закрой глаза, — прошептала Сетит, проскальзывая в комнату девушки.

В покорности, или усталости, или ненависти, или похоти, или любви, ее веки опустились, и Хеша наклонился, чтобы поцеловать ее губы. После секундного колебания она поцеловала его в ответ. Сетит почувствовал движение ее рта, но не ощутил ничего под поверхностью своей кожи. Зверь подался вперед, жадно вслушиваясь в биение ее сердца, вытесняя этот звук на передний план своего сознания. Руки Элизабет прошлись по его спине, сближая их тела, и Зверь уловил вибрацию ее жизни и насладился ею, отрезав Хешу от связи с полом, от ощущения ее ночной рубашки под его пальцами, даже от простого давления ее рук и пальцев, впивающихся в его спину. С огромным усилием он отстранился — сорвал пелену с чувств — и воспользовался моментом, чтобы отнести ее на кровать. Зверь бросился на его разум, но, к удивлению и облегчению Сетита, гнев на Калькутту исчез. Без этой помощи проклятие оказалось слабее его самого, и он запер его.

Его рука пробралась под ее рубашку. Ее сердце билось в ребрах и плоти и отдавалось в его ладонь. Хеша снова нащупал рот женщины и нашел его мягким, теплым и более жаждущим,

чем прежде. Его клыки скользнули вниз, и он разорвал легкую ранку на ее нижней губе. Она вздрогнула, но он пустил кровь через булавочные уколы. Он пил медленно, едва ли извлекая из порезов больше, чем они сами кровоточили, и задыхающееся, дрожащее дыхание смертной подсказало ему, что борьба окончена. Элизабет расслабилась в его объятиях, не сопротивляясь, но все еще держа его.

Хеша нежно потягивал из вен своей возлюбленной; монстр продолжал пожирать свою жертву. Хеша наслаждался вкусом странно сладкой, кисловатой от адреналина крови Элизабет; Сетит питался пленницей. Хеша чувствовал, как колотится сердце девушки, и был рад, что она разделяет его экстаз; расчетливая холодность его разума считала удары и измеряла их силу. Когда ровный ритм прервался и затрепетал, он облизал ее губы, запечатывая порезы.

Он посмотрел на ее озадаченное лицо, улыбнулся и прошептал, что она спит. Элизабет свернулась калачиком под одеялом, и он накрыл ее рукой. Она погрузилась в сон, а Хеша вяло посмотрел на окно. Рассвет… он мог бы добраться до своей комнаты… но портьеры здесь были плотно закрыты, одеяло толстое… смертные женщины придавали особое значение тому, чтобы оставаться после… это может пригодиться… для контроля над ней… Свободной рукой он натянул на себя отброшенное покрывало в двойные и тройные складки и навалил подушки на голову. Ра обрел горизонт, и его потомок благополучно погрузился в дрему.

Томпсон, осматривая номер в последний раз перед уходом на пенсию, обнаружил, что гроб Хеши открыт. В страшном предвкушении он открыл дверь в комнату Лиз. С минуту он наблюдал за ее дыханием, затем вернулся и достал из аварийного чемоданчика майларовую простыню. С чувством выполненного долга, несмотря на здравый смысл, он сделал нору Хеши защищенной от солнца и оставил их вместе.

В одиночестве, сидя на собственной кровати, Рон уставился на свои руки. Если согнуть запястья назад и держать их под углом, Рон мог бы увидеть пульс под кожей. Рон резко встал, открыл шторы и позволил утреннему свету ударить в него. Он лег, и солнце взошло, и он заснул, греясь в его лучах.

Воскресенье, 25 июля 1999, 8:32
Гранд Отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

— Халил? Ты меня слышишь? — Хеша деликатно склонился над парализованным телом своего гостя. — Ты пришел в себя? Посмотри налево, дважды, если ты меня понял.

Глаза причала сигнализировали достаточно разумно.

— Хорошо. Приготовься. Сетит положил одну руку на грудь цыгана, другую — на кол. Он потянул.

Какое бы таинственное... внушение, агрессивное внушение ни овладело нежитью в Калькутте, казалось, оно в основном ослабло. Хеша подумал, что Халил теперь должен быть достаточно безобидным.

Равнос вырвался на свободу, дико дергаясь, чтобы убежать от старшего монстра. Халил, как крыса, проскочил в противоположный угол комнаты и присел, защищаясь.

Хеша отпустил его, немного отступил назад и сел на диван, сложив руки.

— Я прошу прощения, — начал он, — за то, как я прекратил ваш... припадок... прошлой ночью. Вы очень быстро вышли за пределы разумного, и, пообещав защищать вас, я не мог позволить вам бежать в Калькутту в таком состоянии. У его ног лежал небольшой синий холодильник; он открыл его, достал пакет с кровью и бросил его под руку своему гостю. -Уверяю вас, все это не мое.

— Да. Точно.

Хеша разломил кол на две части и пожал плечами.

— Я полагаю, Халил, что твой наниматель полностью привязал тебя к себе. Ты слышишь его голос на расстоянии; ты подчиняешься ему, когда явно предпочел бы этого не делать. Мне нужно многое сделать, и я не хочу тратить кровь на то, что сделал до меня другой. Выпей это и почини свой сундук. Здесь есть еще кое-что. — Сетит наклонился и взял сумку для себя, затем отодвинул холодильник на полпути через всю комнату. Он вонзил зубы в пластик и поморщился от вкуса. Через мгновение к нему присоединился Халил. Равнос был неприхотливым едоком. Он отбросил пустой пакет в сторону, схватил холодильник и, не останавливаясь, перебрал еще шесть или семь.

— В шкафу для вас висит свежая одежда, если вы хотите одеться. И душ, разумеется. — Хеша внимательно оглядел волосы и грязные ноги шилмуба. — У меня принято проводить совещание среди своих сотрудников на закате. Если у вас есть что-либо, что вы хотите внести, приглашаю вас присутствовать, если вы будете соблюдать приличия — я не позволяю вмешиваться в дела моих государей даже союзникам.

— Если ты хочешь уйти, ты волен это сделать. Сетит четко уловил вспышку паники на лице собеседника и позволил фразе закончиться самой собой. Халил смертельно боялся чего-то снаружи. Хеша поднялся, чтобы присоединиться к смертным на совещании. Равнос остался сидеть в углу, как никогда похожий на загнанного в ловушку зверя.

Асп, Томпсон и Джанет Линдберг ждали его — первые двое в креслах за главным столом, последняя — с помощью телефона, открытого сетевого соединения и миниатюрного лазерного принтера.

— Добрый вечер, — сказал Хеша. — Докладывайте.

— Да, сэр, — быстро ответила Джанет. — Рон, первый файл для него, пожалуйста.

— Следующие факты не оспариваются никакими источниками. Во-первых, тайфун Джастин с центром над Западной Бенгалией и Бангладеш, наконец, потерял силу и вернулся к статусу тропического шторма. Во-вторых, в Бангладеш произошли масштабные, смертоносные оползни почти во всех уголках страны. В-третьих, Бангладеш оказалась в эпицентре сильного землетрясения, последствия которого ощущались вплоть до Рангуна и Дели.

Хеша обдумал представленный ему доклад. Не поднимая глаз, он спросил:

— Как поживает наш народ?

— Все зарегистрировались вовремя, сэр, — ответил Томпсон.

— Элизабет? — спросил Сетит тем же отстраненным тоном.

— Спит. Когда мы пытаемся ее разбудить, она снова начинает говорить о Раване. Я подумал, что лучше оставить ее в покое, сэр. — К облегчению Томпсона, его хозяин остался за столом, и конференция продолжилась без дальнейших упоминаний о девочке.

***

Хеша потряс спящую женщину за плечо.

— Элизабет? Ты меня слышишь?

Непонимающе пробормотала Лиз.

— Элизабет! — резко сказал Хеша. Она зашевелилась. — Хорошо. Поговори со мной. Расскажи мне о Раване.

— Равана... трое победили Равану. Они сбросили его с горы, разрезали и отдали его сердце на съедение солнцу. Князь бурь ослабил свою власть над царством... Равана умер в центре его

власть, посреди своих детей. Они не пришли, чтобы помочь ему. Он наложил на них свое проклятие из центра своей власти: они должны сойти с ума; их больше не должно быть; так и случилось. Их ночи сойдут на нет... даже ракшасы не могут бороться с силой трех проклятий сразу... убийства, клеветы и безумия... — Она ненадолго перешла на нормальный голос: — Это достаточно распространенная метафора, профессор. Мятежные дети, проклятые дедушкой или бабушкой — обычно часть цикла колонизации. Кэмпбелл придает этому слишком большое значение, но Грейвс звучал..... — Ясность перешла в сказки, которые Хеша уже слышал раньше, и еще больше распалась на бессмысленное бормотание.

Понедельник, 26 Июль 1999, 10:02 PM
Незавершенные работы по строительству второго моста Хугли
Калькутта, Западная Бенгалия

Хеша подошел к цыганскому табору тем же путем, что и в пятницу. Он прошел к месту своей предыдущей встречи, через северную половину лагеря и под самой мостовой, не подвергаясь нападению одичавших стражников. Он прошел через центр — на юг, на другую сторону, и ни один Равнос не окликнул его и не попытался что-то с ним сделать. Вряд ли каждый шилмуло в поселении мог сдержать себя, когда перед ним предстала такая красивая марка, как серьезный, публичный, набожный последователь Сета.

Хеша остановился на южной границе и задумчиво огляделся. Он понял, что среди хижин, палаток и повозок горело множество костров — не поварских, которые не должны быть такими большими, и не сушильных, поскольку отсыревшие от наводнения склады не были развешаны рядом с ними. Хеша избегал их по дороге, как само собой разумеющееся. Теперь он повернул свои шаги обратно к ближайшему, приблизился к нему настолько близко, насколько позволяло его мужество, и прищурился, вглядываясь в сердце света.

Это был костер из обрезков дерева, высотой по колено и не более четырех футов в поперечнике. На концах досок и сломанных ящиков лежали груды ткани, обугливаясь и плавясь от жара — картонный чемодан, сломанная скрипка, стопка книг, фотографии, набор расчесок, полдюжины колод карт, — и каждый лист бумаги тлел, пепел улетал на ветер, а клочья старой ткани уносились вместе с дымом.

Хеша отступил в более удобную тень и наблюдал за людьми, находившимися поблизости. Он был почти уверен, что костер — это конец цыганских поминок... имущество умершего мужчины или женщины уничтожили, разбив и сжегши его... но

никто не скорбел ни у костра, ни в палатках вокруг него. Ни здесь, ни у других открытых костров, которые он мог видеть, не стояли скорбящие, и прохожие отводили глаза от этого зрелища.

Через полчаса Сетит вошел в кофейню Альберт-холла. Стол Субхаса был пуст. После минутного раздумья Хеша сел на обычное место старика. Он положил руки на стол, и официантка, с которой, как он помнил, имел дело Субхас, подошла обслужить его.

— Номошкар, сахиб. Что бы ты хотел, чтобы я принес тебе этим вечером?

— Турецкий кофе, пожалуйста. — Когда она начала уходить, Хеша прочистил горло. — Простите, но не могли бы вы сказать мне, где может находиться мой друг, джентльмен, который обычно сидит здесь?

Вежливая темнокожая девушка покачала головой.

— О, нет, сэр. — Она выглядела расстроенной и повернулась назад с большим количеством разговоров на лице. — Забавно, что вы спросили об этом. Мы все беспокоились — он был очень добрым и щедрым джентльменом, и никто не видел его с ночи землетрясения. Хеша подбодрила ее кивком. — Каждый вечер он приходит, как только зажигается свет, и уходит, как только мы закрываем двери. Он никогда не пропускал ни одной ночи… пока не случилось землетрясение. А сегодня его нет уже второй вечер. Я боюсь, что с ним что-то не так. Хозяин думает, что старый Бабу — простите, сэр — старый джентльмен, возможно, потерял семью в Восточной Бенгалии. — Ее глаза показывали нечто большее; Сетит увидел, что она боится, что Субхас умер. — Если вы увидите его, сэр, передайте ему, что мы все здесь очень, очень переживаем за него. Пожалуйста, попросите его прислать нам весточку, если с ним все в порядке.

— Увижу, — сказал Хеша. — Если увижу его.

Вторник, 27 июля 1999, 1:02 AM
Рынок Пять звезд, Киддерпор
Калькутта, Западная Бенгалия

— Старая кляча! — Торговец еще мгновение смотрел в изумлении, а затем покачал головой. — Черт побери, если я не рад тебя видеть, — удивленно заявил Носферату.

— И я испытываю огромное облегчение, видя тебя, — ответил Хеша.

Они молча смотрели друг на друга в течение, казалось, долгого времени, даже для существ их терпения. Затем серокожий монстр прохрипел:

— О наших договоренностях...

— Да? — Тон Хеши подразумевал ограниченное расстояние для торга, и лицо в маленьком книжном магазине нервно дрогнуло.

— Вы нашли Мишеля раньше меня, как я слышал. Что делает эту сделку недействительной, я боюсь. Но другая... Я не смогу выполнить ваши желания в течение нескольких месяцев, по крайней мере. Все мои контакты временно недоступны.

— Я принимаю это как оправдание за неуплату долга, — сказал Хеша, и монстр среди журналов, казалось, почувствовал облегчение. — Скажите, где вы были в воскресенье утром... когда произошло землетрясение?

С опаской, носферату ответил:

— В дренажном туннеле.

— Под землей и под водой?

С еще большей осторожностью:

— Да.

— В Калькутте нет ночных существ, кроме нас самих, не так ли?

После ужасного, грохочущего вздоха:

— Нет. Никого. В тот вечер я шла на встречу с друзьями. Я поднялся на уровень улицы, и они исчезли. Все. Равнос исчез, двор исчез, принц мертв. — С нотками истерики в голосе книготорговец закричал: — Я — князь города, старый Наг! — Понизив тон, он добавил: — Моим первым действием будет отречение от трона. Как насчет этого? Хочешь город, князь Хеша? Господин Рухадзе?

— Я уезжаю из города, я думаю. Я позабочусь о том, чтобы ты получил хотя бы частичную плату за свои попытки от моего имени. — Хеша оперся на свою трость и продолжил идти к гостинице. — Если ты когда-нибудь окажешься в состоянии рассказать мне о том, о чем я спрашивал, в Гранде найдется способ; спроси меня на стойке регистрации.

Короткое, серое, веретенообразное существо посмотрело на него сверху вниз, и длинные шаги Сетита остановились. Дрожа, облизывая губы, нервничая, Носферату наклонился к нему. Оно спросило:

— Что ты сделал с Калькуттой, старый Наг?

Хеша на мгновение уставился на отвратительное лицо, покачал головой и пошел дальше.

Вторник, 27 июля 1999, 2:51 AM
Гранд-отель Оберой
Калькутта, Западная Бенгалия

Элизабет лежала, закутавшись в одеяла. Ее глаза двигались, как у мечтателя, но лицо никак не расслаблялось в мирном сне. Одеяла не были потревожены; она не могла сильно пошевелиться с тех пор, как Томпсон и его хозяин проведали ее на закате. Она не ела с воскресенья. Воду она пила только когда ее запугивали, да и то маленькими глотками. Хеша с беспокойством посмотрел на своего любимца-антиквара: если транс не будет нарушен еще один день, они будут вынуждены поместить ее в больницу, чтобы она не умерла от обезвоживания.

Он притянул ее за плечи в сидячее положение, затем подпер ее кучей подушек. Лиз никак не отреагировала. Он позвал ее по имени — мягко, резко, властно, даже (хотя это потребовало усилий) с нежностью в голосе, чтобы приманить ее. Сетит взял ее за руки — она не сопротивлялась и не отстранялась. Выражение ее лица отражало то, что она видела за пределами комнаты, а не ужас или радость от того, что Хеша рядом.

Без чувства вины — просто для информации — он вспомнил, что выпил у нее изрядное количество. Ничего опаснее пинты или двух, но ослабленный организм может не защитить от… транса… так хорошо, как здоровый. Хеша сходил в умывальную и наполнил стакан водой. Медленно, несколько раз проливая воду, он уговорил ее бессознательный рот глотать правильно. Он принес еще, сумел дать женщине, не подавившись, и некоторое время сидел рядом с ней, держа пустой стакан в руках. Слабый щелкающий звук привлек его внимание, и он посмотрел вниз… его когти, вытянувшись, отстукивали ритм по тонкому стеклу. Хеша порезал запястье большим пальцем другой руки и дал крови стечь в чашку. Он поднес красновато-черную жидкость к носу Элизабет и снова

позвал ее. Слабые признаки узнавания вознаградили его — он вложил стакан в ее руки и поднес ободок к губам.

— Элизабет? Ты меня слышишь? Попробуй выпить это.

Рон Томпсон тихо вошел в больничную палату в поисках своего работодателя. Он застал сцену, которая встревожила его больше, чем все, что он знал в Калькутте: Элизабет, очевидно, не спала, сидела, ничего не видя, несла чепуху о королях и чудовищах, мальчиках-стражниках и демонах-амулетах на шее — магнитофон на прикроватной тумбочке — следы красного цвета на губах девушки — Хеша сидит у изножья кровати, внимательно слушает и держит пустую, окровавленную чашку.

Хеша поймал взгляд своего водителя и подал сигнал молчания. Он пробормотал:

— В чем дело?

Томпсон смотрел на него как грозовая туча. Он грубо позвал. Хеша осторожно спустился с кровати, чтобы не мешать чтению, и присоединился к нему по другую сторону двери.

— Сэр, — начал Томпсон мрачным тоном.

Хеша просканировал конференц-зал через плечо Рона. Линия Джанет была открыта; Асп и Халил сидели за главным столом и играли в карты.

— Томпсон, — предупреждающе прошептал Хеша, — ты знаешь, как глубоко я ценю твое мнение. Однако. Сейчас не то время, не то место и не та компания, — его глаза многозначительно метнулись в сторону Равноса, — в которой я хотел бы выслушать твое мнение. Понятно? Мы обсудим это наедине, позже.

— Итак, — сказал он, возобновляя разговор, — по какому поводу вы пришли ко мне?

Рон замешкался, спотыкаясь от внезапной смены передач. Он достал из нагрудного кармана блокнот, чтобы успокоить себя.

— Наши агенты получили задания на выход, сэр. Мы готовы закрыть магазин по вашему слову. — Он обратился к страницам с пометками, но едва взглянул на них. — Предметы доброй воли, которые мы привезли с собой, были доставлены книготорговцу в Пяти звездах. Джентльмен был весьма ошеломлен партией, но мы убедили его принять товар.

— Итак... ты прогрессируешь, — сказал Хеша.

— Да, сэр. Но пока... агенты знают, куда они направляются, но вы еще не дали мне никакой информации, чтобы начать приготовления для нас. Каков следующий шаг, сэр?

Сетит отошел от стены, став, казалось, выше и властнее. Он подошел к столу и с легким неодобрением посмотрел на карточную игру. Томпсон, догадавшись, что его ждут, незаметно занял место у подножия стола. Асп положил карты лицом вниз и почтительно ждал, пока его работодатель заговорит. Халил Равана, почувствовав перемену в атмосфере, прекрасно и элегантно разложил карты веером и отложил руку в сторону. Он устроился поудобнее, расслабившись в мягком кресле, отдыхая, он положил руки на мягкие подставки и позволил своим быстрым пальцам играть среди покерных колов перед ним.

— Пули? — заметил Хеша.

Халил поднял 45-миллиметровый патрон и покрутил его на острие, как вертушку.

— Он не стал бы играть за деньги.

— Я предупреждал его об этом.

— А Халил здесь не хотел играть со спичками, — усмехнулся Асп.

— Понятно. Хеша сел в кресло, вызвал Джанет на конференцию и начал: -Как вы все знаете, мой основной проект в настоящее время связан с поиском Ока Хазимеля. Халил Равана, — он кивнул в сторону Равноса, — оказал существенную помощь в этом направлении. В обмен на его услуги мы предоставим транспорт и достаточное количество фальшивых документов, чтобы он мог эмигрировать в Соединенные Штаты.

— Никому из вас еще не сказали, что Калькутты как ядра деятельности Семьи больше не существует. — Сетит сдержанно посмотрел на своего гостя. — Возможно, вам нужно подтверждение этого?

Равнос покачал головой, и Хеша внутренне улыбнулся. Как он и предполагал, в живых осталось по меньшей мере четверо — книготорговец, он сам, этот мальчик на побегушках и хозяин Халила. Конечно, хозяин Халила не обязательно должен был находиться в городе в то время... Хеша отложил эти догадки на потом и продолжил свою речь.

— Когда мы заключили вторую половину нашего соглашения, Халил, ты намекнул, что твои знания об Оке и его свойствах сделают тебя полезным для меня в моих поисках. Я созвал эту встречу, чтобы обсудить наши дальнейшие действия по поиску артефакта, и буду благодарен, если ты внесешь свой вклад в это обсуждение.

Лицо Рафаэля слегка дернулось от подразумеваемого приглашения хозяина “обсудить” что угодно.

Томпсон, более привыкший к тактике Хеши в общении с третьими лицами и чаще спрашивающий мнение, несмотря на сцену с Элизабет за несколько минут до этого, прочистил горло и начал говорить.

— Что ж, сэр, возможно, пришло время отправиться в Атланту самим. Если бы вы точно знали, что случилось с… — он сделал паузу, подыскивая выражения, за которыми можно спрятаться, — …вашим помощником, вы могли бы что-нибудь узнать. Разве не туда привел первый след?

— Это правда, — сказал Хеша.

Томпсон хватался за соломинку, чтобы продолжать. -Калифорния? Там будут записи профессора; вы знаете от Лиз, что у него была соответствующая информация. Он наверное, не все ей рассказал. Асп перевел “обсудить” в своей голове: Прикидываться и прикидываться дурачком.

— Мне нравится идея Атланты, — медленно сказал он. — Но я не могу не задаться вопросом о маленьком гнезде линий, проходящих вокруг Нью-Йорка. Там были следы, направленные в ту сторону, которые мы никогда не отслеживали.

Хеша кивнул, и Рафаэль дал волю своему сдерживаемому дыханию. Он направил это — что бы это ни было — в нужное русло. Пусть Рон подберет его снова….

С элегантным и превосходным видом Халил поднял обе руки вверх, чтобы прекратить разговор. Он снисходительно покачал головой.

— Джентльмены, джентльмены… вы совершенно не на том пути. Записки профессора? Холодные убийства? Вам повезло, что я здесь. Атланта — это старые, старые новости. И Нью-Йорк не годится; Глаз никогда не был в этом городе, что бы вы ни думали. Он позволил своему голосу зазвучать, и последнее слово моментально слетело с его языка: — Чикаго.

— Чикаго? — ровно спросил Хеша.

— Чикаго. — Халил улыбнулся.

— Вы уверены в этом?

— Глаз находится в Чикаго, — сказал дерзкий молодой цыган. — Я клянусь. Видишь? Я же говорил, что буду полезен. Атланта, черт…

Хеша изучал своего партнера.

— Очень хорошо, — сказал он. — Томпсон. Джанет. Бронирование и безопасность через Чикаго. — Хеша больше не использовал Калькутту. Его открытие в подводной камере гробницы подготовило его к следующему и, возможно, последнему этапу его поисков. — Я хочу покинуть Индию до заката. Халил, у тебя есть два часа до рассвета. Будь готов к тому времени, когда солнце застанет нас. Если у тебя больше дел, чем можно сделать за это время, составь их список, и команда займется этим.

Сетит поднялся.

— Вопросы? — Никто не заговорил. — Тогда я с нетерпением жду встречи со всеми вами… в среду вечером, я полагаю.

Когда мертвые перешли в соседний номер, чтобы отдохнуть, Хеша хлопнул по плечу своего телохранителя, и Рон почувствовал, что в его ладонь вложена бумага. После того как за ними закрылась дверь и взошло солнце, Рон сел за стол, чтобы прочитать его.

Томпсон,

Не обращайте внимания на Халила. Узнайте у Майлза, где находится Кеттридж, и организуйте нашу транспортировку туда. Если добрый профессор залег на дно в Чикаго, очень хорошо — Равнос говорит правду. Просто убедитесь, что мы прибудем раньше него.

Отправьте Халила в Чикаго, куда бы мы ни поехали.

Среда, 28 июля 1999 года, 7:27 вечера (местное время)
Верхний штат Нью-Йорк

Хижина была маленькой, грубой, новой и должна была выглядеть одновременно и более старой, и более деревенской, чем это было правдоподобно. В нем пахло дезинфицирующим средством, стиральным порошком, собакой, туристами, травой, рыбой и грязью. Поверх занавесок с -деревенским— принтом черная клейкая лента приклеила к стенам и окнам черную пластиковую пленку. Заплатки из солнцезащитной пленки на двери и у потолка свидетельствовали о том, с какой скрупулезной тщательностью слуги существа заботились о его интересах. Когда Ра выпустил Сетита из сна, Рон Томпсон был там, терпеливо ожидая.

— Добрый вечер, сэр. Я принес вам завтрак.

— Местный банк?

— Ваш собственный винтаж, сэр. Я подогнал его вместе с машиной. Кстати, мы находимся на севере штата Нью-Йорк.

— Вы были заняты. Докладывай.

— Да, сэр. Полин Майлз и ее команда выследили Кеттриджа здесь. Предположительно, Чикаго был слепком Халила, и я надеюсь, что отделение левого багажа открывает ящик этого скунса днем. Томпсон провел рукой по своим всклокоченным волосам.

— Команда Полин ослаблена потерями, о которых вы уже знаете. Я отправила всех, кроме самых стойких, домой на перерыв. Им это необходимо... они видели больше, чем следовало. Кеттридж был удивительно популярен эти три недели.

— Я оставил Полину здесь; она теперь в курсе всех событий, и она достаточно хорошо перенесла бурю. Она все еще мой лучший выбор для управления детективной работой, если я ее куплю, но многое можно сказать о грубой силе и способности управлять ею. Поэтому я пригласил Мэтью Восса на пробу. Он пришел из бизнеса, связанного с защитой руководителей. Его команда свежая и готова к работе, но пока я держу его людей подальше от того, что осталось от отряда Полин, чтобы свести к минимуму риск распространения слухов о Семье. У нас есть небольшая армия охраны, довольно большой арсенал, обе машины, Майлз и Восс, Асп — который уже пристрелял половину оружия для собственного прицела — Джанет, заботящийся о трудностях с багажом, я сам, и вы, сэр.

— Где Элизабет?

— Проснулась и в здравом уме, — удовлетворенно сказал Рон, — ужинает с остальными.

Хеша встал, потянулся и выбрал карту из стопки на неубранном столе.

— В качестве замены вы предлагаете Майлза, Восса или обоих?

— Думаю, обоих.

— Я склонен согласиться с вами. — Хеша изучал страну в виде контурных линий, древесного покрова, уровня грунтовых вод, зон разломов, стратификации, шоссе, местных дорог, тропинок, пожарных разрывов, школьных округов, полицейской юрисдикции, почтового индекса. Наконец, он выбрал обычную карту троп с указанием природных достопримечательностей и сидел, уставившись на нее. — Когда остальные закончат есть, мы отправимся в путь. Команда Восса для подстраховки. Ты, Асп, Полина и Элизабет поедете со мной. — Его плечи дернулись. — Я чувствую ваше неодобрение, Томпсон, но она оказалась бесценным чутким человеком. Если

возникнут проблемы, она узнает об этом, возможно, раньше нас.

— Кроме того, — сказал Хеша, — если эти двое будут удовлетворены, вы можете рассчитывать на вступление в ряды Сета, когда Око будет защищено.

Томпсон сидел очень спокойно.

— Спасибо, сэр. Я обязательно продолжу думать об этом.

***

Элизабет шла последней по крутой, извилистой тропе. Ночь не омрачало ни одно облако. Полная луна светила над головой так ярко, что никто из участников похода не включил фонарики. Хеша на мгновение показался над ней на повороте тропы. Она подняла на него глаза, любуясь его фигурой — гордый, молчаливый, уверенно стоящий на ногах, его кожа блестела иссиня-черным светом, а белки глаз сияли, как звезды. Он исчез за поворотом. Томпсон шел позади, и Лиз могла видеть каждый седой волос, посеребренный лунным светом; она видела и жалела его согнутую спину, усталую посадку плеч. Асп, более легкий на ногу, более скрытный, более хитрый в каждом движении, обошел своего напарника на повороте. Он расстегнул сумку Рона, что-то из нее достал и сунул в свою. Старший шел легче, и его толстая рука потянулась к плечу Рафаэля. Асп сделал вид, что ничего не заметил, и скрылся из виду.

Перед Элизабет Полин Майлз держала ровный темп. Пока было трудно услышать, как Асп пробирается по тропинке, трудно было увидеть Полину. Она была невысокого роста, худая, от природы смуглая, а ее тусклая темно-синяя одежда легко сливалась с тенью.

Сразу после поворота дорожка расширилась, и последние несколько ярдов две женщины шли в ногу. Трое их спутников

остановились впереди них в просвете между деревьями. Полина и Элизабет догнали их, заняли места напротив Рона и Рафаэля и спокойно заняли свои позиции. Хеша ждал, застыл на месте на целую минуту, а затем двинулся через луг по прямой, непоколебимой линии.

Элизабет прочесала гроздья какого-то растения, пахнущего ужасно сладко, и сорвала ветку одного из них, чтобы взять с собой. Она посмотрела на место их назначения — еще один подъем, как она полагала, — величественную, изрезанную камнями и лесом массу, возвышающуюся над неглубокой долиной. Хеша была уже на две трети пути к ее подножию.

— Лиз, следи за шнурками, — прошептала Полина.

Элизабет опустилась на одно колено, чтобы завязать шнурок. На короткую секунду она почувствовала волну жара. Земля под ее руками была больше похожа на асфальт, чем на что-либо другое. Лиз моргнула, увидела звезды, покачала головой и снова ощутила землю. Травянистую, коренастую почву. Она опустилась на колени, пока ее щека почти не коснулась грязи, и на лице не появилось палящее ощущение. Лиз с сомнением поднялась и прошла остаток пути, пытаясь разглядеть что-то в уголках глаз.

Хеша подошел к отверстию под наклонной скалой, заглянул внутрь, а затем уверенно позвал остальных. Он повел их вокруг и направо, подтянулся и перелез через большой валун и посмотрел вниз, в проход шириной с городской тротуар и высотой в два человеческих роста. Скалистая стена давным-давно раскололась на две части. Расколовшие ее силы заставили куски сблизиться вверху и разойтись шире внизу, образовав неровный тоннель, уходящий в землю. Пол— представлял собой грязь и обломки, вымытые водой. На стенах росли мох и мелкие растения, но только до тех пор, пока свет мог проникать в трещину.

Сетит наблюдал за всем этим, не отрываясь. Он включил свой фонарь и повел остальных на холм. Позади него одна за другой зажглись четыре лампы.

В конце спуска туннель открылся в большую, неровную камеру. Пять светильников — очень маленьких и тусклых по сравнению с темным пространством, с которым им пришлось столкнуться, — играли над изгибами пещеры. Элизабет узнала плавные, странные формы известняка, вырезанного водой и сложенного водой. Она развернула луч своей вспышки до упора и направила его на потолок, который взмыл вправо за пределы света. Слева от нее потолок опустился до четырех футов от пола. Причудливое сочетание клаустрофобии, агорафобии и головокружения охватило ее. Она посмотрела на свою опору, снова навела фокус и попыталась удержать свет на одном уровне с ее глазами. Остальные вышли наружу, каждый выбрал немного другой путь, чтобы избежать сталагмитов и колонн, торчащих из пола. Хеша выбрал путь к узкому, почти невидимому отверстию, и команда последовала за ним — хотя Томпсону было трудно протиснуться.

С другой стороны была тревожно знакомая комната. Элизабет показалось, что она попала в природную часовню, свод пещеры был похож на свод собора. Сталактитов, сталагмитов и колонн здесь было больше, чем в первой комнате, а самые крупные из них образовывали две неровные линии... как ряды колонн в руинах. Несколько образований в центре комнаты лежали низко; подушки, мотки веревки и пуговицы усеивали покатый пол, а сосульки и занавески, подвешенные к потолку, свисали не ниже верхушек -столбов— по обе стороны.

— Жди здесь, — сказал Хеша. Его голос отдавался эхом. Он понизил его и продолжил: — С профессором мне будет легче справиться одному. Я не хочу, чтобы он пострадал от кого-то из вас, — сказал он, взглянув в сторону Аспа, — даже случайно, и я не хочу, чтобы кто-то из вас был застрелен или сожжен им при покушении на меня.

Элизабет поднялась и устроилась на сыром месте на каменном пне. Она наблюдала, как Хеша копается в одном из рюкзаков, пристегивает к спине большой и тяжелый мешок из прорезиненного холста и отправляется через часовню. Он преодолел скользкую, округлую местность без единой ошибки, выбрал глубокую тень в правом заднем углу пещеры и уверенно направился к ней. По движущимся теням она поняла, что то, что она приняла за заднюю стену собора, должно быть отдельно стоящей колонной огромного размера. Она прищурилась, чтобы лучше видеть.

Хеша дошел до выбранного им бокового прохода и обернулся, чтобы самому взглянуть на гигантский столб. Его фонарь осветил его в профиль, и Элизабет вздрогнула. На мгновение показалось, что боковое образование движется; оптическая иллюзия придала ему сотню чудовищных лиц и искаженных конечностей. Сетит двинулся дальше, и тьма снова опустилась на дальний конец пещеры, но Лиз упала со своего насеста. Она знала это жуткое изображение; в последний раз она видела его на фреске под домом в Калькутте. Она сняла фильтр с мощного объектива, который держала в руке, и побежала по проходу часовни.

Горячая галогенная лампа залила светом огромный зал. Она отделила тени от колонны и отбросила их в углы комнаты.

Он выделил грязь и ржавчину, заключенные под полупрозрачной кальцитовой пленкой. Но лица не было. Элизабет изучала поверхность стоголового демона — естественного двухэтажного каменного столба, который, должно быть, рос веками и стоял тысячелетиями, — и отчаянно пыталась найти угол, под которым она могла бы снова увидеть лица. Самый жесткий свет отказывался прояснить контуры, которые могли обмануть ее взгляд. Самый мягкий свет, снова отфильтрованный, как лампа Хеши, не смог повторить условия. Томпсон, смущенный, но готовый помочь, взял вспышку и встал на то место, где, по мнению Лиз, находился их

работодатель, и хотя она вернулась к пню и указала ему направление, лица так и не появились на камне.

Рон вернулся, любопытный и слегка обеспокоенный. Он спросил:

— Что это было?

— Мне показалось, что я что-то видел.

— Двигаемся? Асп вскочил.

— Нет. Просто... там.

Элизабет больше ничего не сказала, и Томпсон остался рядом с ней, пока Рафаэль и Полина отправились искать в комнате более практичные вещи, например, выходы. Их голоса рикошетом долетели до ушей Рона и Лиз, и девушка вздрогнула.

— У вас есть какое-то предчувствие? мягко спросил старый полицейский.

Она помрачнела.

— Нет. Просто... эхо... звучало так, будто здесь было больше четырех человек. Мы можем вернуться в первую пещеру?

— Конечно, — сказал Томпсон, и они вместе спрыгнули со своих пней.

Хеша шел по следу красного камня легко — почти самодовольно, с чувством полного удовлетворения. Бусина на шее, казалось, тянула его по следу, а ощущение холодного, резного, кровавого цвета халцедона висело, как маяк, когда его шаги совпадали с правильным направлением.

Сетит наслаждался возможностью триумфа. У него еще ничего не было, и он знал, как опасно считать себя победителем, пока битва еще не состоялась, но к концу ночи он, возможно, достигнет своей цели. Вполне возможно, что к рассвету Око будет принадлежать Сету. Возможно, его поиски закончатся, и это была поразительная возможность.

Он тоже дорожил предстоящим противостоянием. Хеша мог признаться себе, что с нетерпением ждет новой встречи с Джорданом Кеттриджем. Молодой человек — нет, не такой уж молодой, осознало существо, — был необычным экземпляром. Редко Хеша встречал человека настолько твердолобого, настолько непоколебимого. Кеттриджа можно было завоевать, но не купить. Его можно было убедить доказательствами, но не обратить ничем, что Хеша мог найти, чтобы соблазнить его. Конечно, любого смертного можно было сломить, но толку от этого было мало. Поэтому последние шестнадцать лет Хеша превратил карьеру Кеттриджа в нечто вроде хобби. Сетит развлекался тем, что финансировал работу Джордана, снабжая его грантами и мелкими уликами, подтверждающими теории археолога. Он сглаживал правительственные трудности, держал на расстоянии академических волков и использовал свое влияние, чтобы помочь профессору получить любую визу в любую страну, какую он пожелает.

Когда-нибудь он сможет рассказать Джордану обо всем, что сделал для этого человека, но ему нравилась картина, как мертвый Кеттридж стоит перед Осирисом (если Осирис когда-нибудь снова восстановит контроль над подземным миром), держа в руках перо Маат, читает список своих деяний, а боги расспрашивают его о родстве с ребенком Сета по имени Хеша Рухадзе… и невинно дают все неправильные ответы.

Красная линия опустилась на уровень ниже. Хеша вцепился в углы лестницы, по которой легко взобраться на дымоход, и осторожно спустился на скользкий камень внизу.

Он нашел тупик.

В помещении в форме норы размером с двуспальную кровать на камне лежало распростертое тело человека. Сетит приготовился к тому, что может произойти, и коснулся вытянутой руки оборванной фигуры. Его пальцы ухватились за холодную, как камень, но не твердую плоть. Старый труп? От него сильно пахло мертвечиной… но текстура кожи говорила о том, что под ней находится увядшая плоть, а не тление могилы. Каинит… спящий… или встретивший окончательную смерть таким образом, какого Хеша еще не видел.

Сетит развернул фонарь, чтобы осмотреть тушу. Худощавый, изможденный человек был голым, но на нем были свободные штаны, кроссовки и ремень. Грязь, налипшая грязь и засохшая запекшаяся кровь скрывали первоначальный цвет одежды и покрывали большую часть тела. Что еще более примечательно, на взгляд Хеши, старое пятно чего-то более бледного перекрывало другие пятна, как поясок. Жирный желтый поток начинался у опухшей, опустошенной левой глазницы мужчины и стекал по его лицу, шее и плечу, словно сальная свеча, растаявшая в ослепительной ране. Часть ее еще блестела, как свежая, а на пол пещеры падали новые капли, словно свеча была извлечена из трупа совсем недавно.

Хеша наклонился над телом и поднял красный камень. Зажав бусину между ладонями, он на мгновение настроился на нее, а затем присоединил ее к шнуру, на котором висел белый глаз и амулет. Он проделал обратный путь до вершины дымохода, дважды полностью обернулся и понял, что у него появилась новая проблема. Белый камень был так же хорош, как ищейка для выслеживания красных. Красный на его шее чувствовал зов самого Ока, определял местоположение и общие ориентиры — но только пока вороны летали. В лабиринтах известняковой пещеры Хеша не мог идти по прямой к источнику.

Сетит достал компас и телефон.

— Либо профессор очень, очень умен, — сказал он своей команде, — либо мы имеем дело с кем-то другим. С кем-то более опасным. Здесь находится спящий каинит. Приз исчез, но нет никаких следов борьбы. Как наш друг мог это сделать, я не знаю, но у него есть объект, который мы ищем. Я хочу, чтобы вы приказали резервной группе подняться и прикрыть вход в пещеру. Они должны предотвратить проникновение в пещеру других людей. Если наш объект попытается уйти, позвольте ему это сделать, но немедленно предупредите меня, пусть он идет по следу и внимательно следит за ним. Ни в коем случае не открывайте по нему огонь.

— Тем временем, — продолжал Хеша, — вы и остальные должны разделиться на четные группы и начать поиски нашего друга. В данный момент он находится на юго-западе от меня, на высоте примерно восьмидесяти футов и в полумиле от меня. От точки, в которой я вас оставил, я предполагаю, что он находится на западе, в сорока футах над вами и на расстоянии чуть меньше мили. Сосредоточьтесь на этом участке и пометьте ноги каждого, прежде чем уходить. Я свяжусь с вами снова, если я почувствую какой-либо из ваших путей или если наша цель изменит свою позицию.

Четверг, 29 Июль 1999, 12:41 AM
Верхний штат Нью-Йорк

Рон Томпсон осторожно спустился по крутому склону. Он был усеян сыпучими камнями и очень коварен. Он знал это, потому что последние полчаса осторожно карабкался по нему, пытаясь понять, ведет ли куда-нибудь тень на вершине.

— Слепой переулок, — сказал он своему напарнику. — Давай вернемся к перекрестку и попробуем пройти в центр.

Лиз попыталась двигаться, как Асп. Она отбросила этот пример и попробовала двигаться, как Полин Майлз, и почувствовала себя лучше. От голого камня к голому камню — рыхлый камень был плох, он скользил под ботинками — избегая влажных мест и луж, она все еще слышала себя, но не так громко, как тяжелые шаги Томпсона.

Средний путь шел в никуда, но быстро. Расщелина в его конце была слишком широкой и глубокой, чтобы они могли ее пересечь; логика подсказывала, что Кеттридж тоже не смог бы ее пересечь, и они вернулись к перекрестку. Спустились в первое из левосторонних отверстий. Они полагали, что все еще находятся под уровнем Кеттриджа, поэтому пошли по второму. Час спустя, измученные огромным разнообразием тайников в сотах, которые они только что исследовали, они повернули к спуску. По крайней мере, он был широким, гладким и по нему было легко идти.

Казалось, что он закончится в яме, но Томпсон посветил фонарем на дно туннеля, нашел еще одну тень, которую не смог объяснить, и они вдвоем спустились в нее. Свет показал, что тень была более русловой; они проползли под низким, но узким, похожим на нож коленом потолка и оказались в дымоходе с почти идеальной лестничной стеной, поднимавшейся выше, чем мог достать свет.

Томпсон прикрепил свою вспышку к груди и начал подъем. Он указал Элизабет на другой маршрут, не прямо под своим. Она ухватилась за выступ, подтянула под себя ноги и полезла по крутой лестнице. Шаг, шаг, шаг, шаг... Свет мешал ей, кончики пальцев натирали шершавый камень, а джинсы не были такими свободными при подъеме, как казалось во время похода. Лиз начала отставать. Она посмотрела на Рона и поняла, что он обогнал ее на две полные длины. Пока она смотрела, Рон перестал двигаться прямо вверх и начал подтягиваться вперед — он достиг вершины. Элизабет усмехнулась и прибавила темп. Осталось двенадцать футов, не больше...

Звуки сверху:

К...

Спанг. Тварк. Туд.

Элизабет замерла.

— Дерьмо. Мужской голос — знакомый, но не Томпсона.

— Лиз... — Томпсон, звучит странно.

Она честно пробежала последние восемь футов до вершины, дважды поскользнувшись в спешке, проталкивая голову над вершиной, не думая о последствиях. Томпсон лежал там, скрючившись на один бок, в скрюченной, полуэскалаторной позе. Его правая рука, испещренная липкими багровыми пятнами, касалась тупого конца золотисто-коричневого кола в его груди. Лиз включила свет и увидела, как другой мужчина — Джордан Кеттридж — подбежал к телу ее друга и опустился на колени.

— Ты гнилой стрелок, — сердито сказал Томпсон. — Чувствуется, что все легкие.

Джордан поперхнулась.

— Я думала, он придет один. О, черт. Рон... я опустил прицел, когда увидел, что это ты, клянусь Богом... но курок...

— Оставь это, Джордан. — Рон кашлянул, и Элизабет плюхнулась рядом с ним. Она прижала его голову к земле и попыталась удержать его тело в неподвижном состоянии. Слезы лились по ее лицу. Она судорожно нажимала на кнопки своего телефона. — Подожди, — простонал Рон. — Остановись. Не звони ему.

Элизабет набрала неправильный номер, сбросила и начала сначала.

— Он может помочь вам..., — умоляла она. — Ты говорил мне, что он исцелил тебя после укуса змеи...-

— Может быть, он исцелит меня. Может быть, он меня убьет. — Томпсон поднял на нее глаза, пытаясь объяснить. — Он хочет заменить Вегеля. — Его взгляд поймал взгляд Кеттриджа, и младший мужчина отвернулся. — Я думал, что хочу этого. С тех пор... — он вздохнул, и из края раны вытекло еще немного крови, — я знаю, что нет. Но я не думаю... что Хеша... просто так позволит кому-то уйти.

Его рука сомкнулась на руке Элизабет. Она позволила телефону упасть на колени.

— Позволь мне сказать тебе кое-что, — мягко сказал он. — Ты думаешь, он заботится о тебе? Ты не видела его лжи достаточно. Я думала, что в нем что-то есть. Потом я увидела, как он манипулирует тобой. Я больше не верю ему... Я больше не хочу быть таким, как он ..... Его голос прервался, как у сонного ребенка, а глаза на мгновение закрылись.

Затем, широко раскрыв глаза и внезапно окрепнув, он спросил:

— Ты любишь его? — Глаза Элизабет беспокойно переместились. — На самом деле ты не любишь его. Его кровь — их кровь — делает с людьми разные вещи. Во-первых, ты заботишься о них. Два — и ты любишь их. Три рюмки делают из тебя раба. Вот как он выразился, сестренка.

— Я не...

— Да. Дважды. — Голос Рона упал до резкого шепота. — Лекарство от похмелья, той ночью в Нью-Йорке. Она открыла рот, чтобы возразить, но умирающий мужчина пересилил ее. — Потом, в Калькутте, я поймал его, когда он скармливал его тебе, пока ты была в трансе, рассказывая истории... два стакана, Лиз. Я тоже лгал тебе, конечно. Ты начинаешь это делать, рядом с ним... из лучших побуждений. Но я просто лжец, Лиз. Асп — взломщик и убийца. А Хеша — вампир, какими бы причудливыми словами он это ни прикрывал и чьим бы определением ты ни пользовалась. Он — тварь из позднего шоу. Так что не звони ему. Сначала дай мне тихую могилу. — Томпсон слегка повернулся к Джордану Кеттриджу, и его изрезанное, увядающее лицо почти умоляло. — Заберите ее от него, — прошептал он. — Убирайся отсюда к черту. Оставьте Глаз... только не рискуйте ни собой, ни ею... уведите Лиз.

Его рука притянула Элизабет к себе, и она крепко обхватила его руками.

— Рон... пожалуйста... мы вызовем скорую помощь.....

— Они собираются доставить меня по воздуху из пещеры? — попытался пошутить он. Он снова закашлялся, и на этот раз кровь свободно полилась изо рта. — Не волнуйся, сестренка. Я ухожу. Смотри, как я бегу. Смотри, как я...

Рональд Томпсон выбежал из жизни, улыбаясь, с глазами, прикованными к лицу Элизабет.

Кеттридж закрыл лицо старого полицейского, а Элизабет повесила голову и горько заплакала.

Джордан ушел и надолго оставил ее одну.

— Мисс Димитрос... — Кеттридж осторожно подошел к стоящей на коленях женщине.

— Да, — уныло ответила она.

— Мне жаль. Мы с Роном... были друзьями, давным-давно. Если бы он хотел, чтобы Хеша...

Элизабет повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Сейчас это легко сказать.

— Я серьезно. — Его серо-зеленые глаза остановились на ее, и она обнаружила в них искренность.

— Что теперь?

— Если вы позволите, я попробую еще раз для Рухадзе.

— Чтобы убить его?

— Да. — Джордан кивнул, добавив: — И уничтожить Око навсегда. Отсюда есть выход вверх по склону. Если я смогу заколоть вампира, я уйду по нему. Если не смогу, то умру здесь, — спокойно сказал он. — Ты можешь идти, если я могу доверять тебе, что ты не предупредишь его.

Лиз глубоко вздохнула и отпустила холодеющую руку Томпсона.

— Я хочу помочь тебе.

— Вы уверены?

Элизабет энергично кивнула и встала. Она сняла пистолет с бедра Томпсона, и Кеттридж отступил назад, несмотря на себя.

— Тогда позвони ему. Скажи ему что-нибудь... убедительное.

Лиз уставилась на свой телефон. Номер Хеши — она набрала его и стала ждать.

— Да, — ответил богатый, глубокий голос, который она помнила. Элизабет посмотрела вниз на Томпсона. Никаких имен, подумала она. Я могу использовать его имя и предупредить его — Привет. — Где-то в лабиринте Хеша сделал паузу. То, что звонила женщина, было... необычно. — Доложите, — настороженно сказал он.

— Мы нашли кемпинг. Мой напарник осматривает его; мы думаем, вам стоит взглянуть. Без припасов, которые ты несешь, — сказала она, вспомнив о мешке с мокрой гангской грязью, — он боится лезть в мешки.

— Почему вы устанавливаете контакт?

— Телефон не будет работать в этом районе. Между вами и телефоном может быть слишком много камней — или объект может быть там и мешать. Он отправил меня обратно к последнему перекрестку, чтобы я попробовала. Она дала подробные указания, а затем прервала разговор. Кеттридж положил руку ей на плечо, завел за угол и усадил ее возле рюкзака и свернутого спального мешка. Кемпинг, удивленно подумала она. И правда. Затем профессор оттащил тело Томпсона подальше от дымохода, взвел и зарядил арбалет и устроился ждать.

Звуки из дымохода:

Ничего, почти час.

Слабый, скребущий звук шагов.

Кеттридж повернулся, прицелился и выстрелил. Спанг. Удар. Туд. Он зарядил в лук еще один кол, затем посветил ярким, нефильтрованным светом Томпсона на лежащую фигуру у края лестницы. Тело лежало неподвижно. Элизабет присоединилась к нему в углу, проверяя цвет кожи Хеши. Он был более тусклым и серым, чем тот, который он имел во время бодрствования… на самом деле это был оттенок, который она вспомнила из сна о своей смерти и ночь в Калькутте, когда он дал волю своей иллюзии. Татуировка выделялась при вспышке.

Лиз пробралась вперед и попыталась поднять тело. Оно поднялось целым и невредимым, жестким и неподвижным, как доска. Глаза Хеши жалобно посмотрели на нее, и она быстро отвела взгляд.

Джордан Кеттридж опустил арбалет. Он привел Хешу в центр камеры, которую использовал в качестве лагеря, и из сумки на поясе достал прозрачный пакет на молнии. Из него вывалилась бледная слизь и Глаз размером с бейсбольный мяч. Он положил его в трех футах от трупа Хеши.

— Мы уходим.

Он толкнул Лиз обратно в проход, накинул рюкзак и побежал вверх по боковой тропинке. Он достал серый металлический ящик с тремя лампочками и четырьмя кнопками из того же рюкзака, в котором лежал артефакт, нажал первую кнопку, вторую и оглянулся назад, чтобы увидеть, как огонь и камнепад поглощают комнату позади них. Он свернул в другой коридор и начал бежать, подталкивая девушку, когда она замешкалась. Он нажал кнопки один и три, и проход, который они только что покинули, обрушился. В конце туннеля появилось крошечное отверстие, выходящее на лунный свет. Лиз пролезла в него, Кеттридж толкнул перед собой рюкзак и сам вывалился головой вперед.

Склон под ними был травянистым и крутым, и они за считанные минуты спустились на дно долины. Тяжело дыша и

падая под тяжестью своей сумки, Джордан запустил последний заряд, и половина холма, казалось, содрогнулась и упала сама на себя.

Позже, в арендованной машине, направлявшейся в Манхэттен, Джордан внимательно следил за своей пассажиркой. В некоторые моменты она плакала и говорила о Томпсоне, пытаясь упорядочить для себя то, что, как ей казалось, она знала об этом человеке. В другие моменты она разглагольствовала, и хотя изрядная доля гнева приходилась на самого Кеттриджа, больше всего горечи и ярости она испытывала к Хеше. Она ненавидит его, подумал охотник. Она определенно не все еще находится под его контролем. С огромным облегчением Джордан расслабился за рулем. Хеша Рухадзе умер в последний раз рядом со своей жертвой, Роном Томпсоном. Хеша Рухадзе больше никогда не будет преследовать продавцов антикварных магазинов или непонятных профессоров антропологии из Беркли.

Пятница, 30 июля 1999, 2:43 PM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Снова дома, подумала Элизабет. Она остановилась на мгновение на пороге — ей и в голову не приходило снова увидеть свои комнаты. В этот миг они показались ей самым прекрасным местом на земле. Затем она опустила взгляд на себя, вздрогнула и побежала в спальню.

Лиз сняла с себя застывшую от крови одежду, выбросила ее в мусорное ведро и погрузилась под полную силу душа. Сначала он был слишком холодным, потом обжигающе горячим — она отрегулировала ручки, но ей было все равно — кровь Томпсона пропитала ее джинсы. Она была в ее волосах. Она была под ее ногтями. Она оттерла кровь, затем снова помылась, стараясь забыть о том, что Хеша когда-либо прикасался к ней, где бы то ни было. Через сорок минут она вылезла из воды, порезанная и натертая мочалкой. Она подошла к своему гардеробу и поняла, что большая его часть осталась в доме Хеши... вместе с ее диссертационными записями... и ее любимым платьем... и серебряными украшениями ее бабушки. Лиз натянула белую рубашку, которую купила, чтобы подарить невестке, и пару хакисов, которые каким-то образом избежали отправки в Балтимор.

Она побрела на кухню и включила автоответчик. Он сообщил ей, что есть сорок семь сообщений, и она нажала PLAY, открывая холодильник. Бывший бойфренд звонил, чтобы узнать, существует ли она еще, а холодильник был пуст. Внутри была записка от Эми, объясняющая, что она его вычистила. Серия щелчков означала неправильные номера и телемаркетологов. Лиз достала из морозилки картонный ужин и сунула его в микроволновку. Еще щелчки. Звонил ее брат. В музее хотели узнать, сможет ли она подменить его, пока постоянный сотрудник возьмет академический отпуск. Лиз сделала сок из замороженного концентрата и налила себе

стакан. Пообедав, она села за журнальный столик, чтобы просмотреть почту. Позже, удовлетворенная обыденностью этого хлама, купонов, предложений по кредитным картам, объявлений о распродажах — шубы и посудомоечные машины имели так мало общего с мертвецами в горах, — она перешла в свою мастерскую.

Антонио, мастер по доставке в Резерфорд-Хаус, оставил стопку маленьких кусочков и несколько записок. Лиз просмотрела их и отложила кусочки на потом. Она увидела, что формы для глаз все еще лежат на ее верстаке; она поспешно выбросила их.

Слейпнир поймал ее взгляд, и она радостно провела рукой по своему столу. Она села на полированную столешницу и посмотрела на огромные, великолепные окна. Ее мысли обратились к Эми... лучше позвонить ей завтра, когда все произошедшее немного уляжется. Подумав об этом, она поняла, что будет трудно говорить обо всем с кем-то посторонним — а сейчас Эми была посторонней. Кеттридж предложил свой номер телефона; дал ей выговориться, ей было очень нужно выговориться, и Джордан даже выслушал ее. После шока он все понял. Он все еще был напряженным и немного неловким, но очень милым, очень добрым. Параноик, как она поняла, тоже — пытался дать ей советы о солнечном свете и огне и о том, как достать нужное оружие, если оно ей когда-нибудь понадобится. Он испуганно бежал и не знал, как остановиться. Элизабет предполагала, что такая вещь, как Хеша, может так поступить с человеком.

Нью-Йорк погрузился в золотой полдень. Люди выходили из своих домов и шли к автобусам; отпирали и откупоривали свои машины. Местные жители спускались к продуктовым магазинам на углу и обратно, а бродяги просто шли. Элизабет наблюдала за всеми, и зловещее чувство закралось ей в спину. Поддавшись импульсу, она достала с полок баллончик с аэрозолем, нашла зажигалку у свечей в библиотеке и экспериментально соединила их вместе. Вполне

удовлетворительная струя пламени вознаградила ее. Она долго сидела на широкой спине Слейпнира, прижав баллончик к груди и держа зажигалку в левой руке.

Солнце начало меркнуть. Тень от склада становилась все длиннее и длиннее, и один за другим загорались уличные фонари. Внезапно Элизабет почувствовала призыв к действию. Она собрала все свои баллончики, спички, зажигалки, ламповое масло и свечи и разложила их по стратегическим местам. Она дважды проверила засовы на (слава богу!) стальной двери в свою квартиру толщиной в дюйм, плотно заперла все окна и навалила кучу легкого, шумного хлама перед распашным окном, ведущим на пожарную лестницу. Она спустила шторы и укрылась на диване, держа импровизированный огнемет под рукой. При малейшем шуме ее рука тянулась к ним; она начинала всякий раз, когда на нее опускалась необъяснимая тишина. Вампир приучил ее к дневному сну — наконец-то, чтобы исправить это, измученная и изможденная до костей, Элизабет поняла, что не сомкнет глаз, пока они не закроются сами собой.

Элизабет почувствовала, как напряглось ее левое плечо. Она вздрогнула и оглянулась, уверенная, что сзади что-то произошло. Но ничего не было — она посмотрела направо — и вдруг перед ней возникло лицо Хеши. Его глаза были желтыми, с нечеловеческими, щелевидными зрачками. Ее сердце подпрыгнуло, когда она уставилась на это наваждение. Она подумала об огне, но ее тело превратилось в свинец и отказывалось ей повиноваться. Она не могла даже отвести взгляд.

Хеша ничего не ответил.

Лиз застыла, как статуя, в параличе, настолько полном, что легкие давали ей только короткие, быстрые вдохи — когда она запаниковала, ритм ускорился, голова стала светлой. Ужас впился в нее глубокими когтями, а золотые глаза вампира

буравили ее мозг. Голова кружилась, хотелось упасть, но тело отказывалось даже рухнуть.

Наконец монстр заговорил.

— Добрый вечер, Элизабет. — Он протянул руку и взял у нее банку и зажигалку. — Умно, как всегда. И ты была внимательна во время нашего общения. То, что ты не справилась, не твоя вина; ты не можешь бороться с тем, чего не видишь. — Он положил руки ей на грудь и толкнул ее не сопротивляющееся тело обратно на диван. — Устраивайся поудобнее.

Одним взмахом руки он сбил с журнального столика весь женский арсенал. Банки ужасно звякнули о половицы, и шум эхом отразился от стропил. Хеша уселся на стол и немигающими глазами смотрел на своего пленника.

— Мне стало необходимо убить тебя. Я сомневаюсь, что ты оценишь многие из причин этого. Не в моем характере объяснять, и ты не сможешь понять меня, если я скажу тебе всю правду. — Он сделал паузу. — Однако, пока вы ожидаете своей смерти, вы можете захотеть чего-то, что отвлечет вас от вашей ситуации, и я предлагаю вам подумать об этом: Если бы вы не позволили Томпсону умереть — да, я знаю об этом — я бы не был здесь, чтобы убить вас сейчас.

— Ты предал меня. Я понимаю это, и я виню себя — мое отношение к тебе было небезупречным с самого начала. Я согрешил. Я почти впал в сострадание. Я позволил отвлечь себя и свои размышления на Око. Я недооценил смертного — того самого смертного — не один раз. Я видел ясные знаки и не понимал их.

— Ты убила Томпсона, Элизабет, — пробормотал он, озадаченный, — а я не видел в тебе даже тени этого. Я вижу большинство вещей... — Золотистые глаза приблизились, и Элизабет показалось, что она тонет в них. — Вам есть что сказать? Его радужные глаза медленно становились черными.

— Если вы будете сидеть спокойно, вы можете говорить шепотом.

Элизабет попыталась вскочить на ноги и закричать во всю мощь своих легких. Хеша выглядел разочарованным. Он поднял бровь.

— Как ты узнала о Роне? — Она сама едва слышала свой голос.

— Я нашел пещеру Кеттриджа в то же время, что и вы. Он считал, что там было только два входа. Он не обратил внимания на отверстия, через которые не может протиснуться человеческое тело. Я все это слушал.

— Почему вы позволили ему умереть?

— Почему ты это сделала? — спросил он тоном искреннего любопытства.

Она тяжело сглотнула.

— Как тебе удалось сбежать?

— Ты посадил меня на кол. Я не вампир; я — Дитя Сета. У меня нет сердца, чтобы Кеттридж пронзил меня копьем, и меня трудно уничтожить. Больше никаких вопросов. Больше никаких объяснений. Тебе есть что сказать?

Элизабет задумалась на мгновение.

— Убей меня быстро.

— Нет.

Взгляд Хеши снова стал золотым.

— Ты умрешь сегодня ради Томпсона, — произнес Сетит. — Ты умрешь сегодня, чтобы я мог искупить свою вину милостью Господа. Ты умрешь сегодня, потому что живая ты — искушение для меня. — Он начал говорить на языке, которого Элизабет не знала. Затем: — Ты неподвластна мне. Ты — бремя для моей воли. Странный язык снова зазвучал в ее ушах. Его голос повысился, повторил одну фразу полдюжины раз и затих.

Пальцы Хеши проследили линию ее челюсти. Его рука откинула ее голову назад, и его руки обхватили ее. Элизабет смотрела, как страшные, острые клыки, похожие на клыки гадюки, опускаются из-за его клыков. Она закрыла глаза и приготовилась к боли, к разорванному горлу и перерезанной дыхательной трубке; она молилась о том, чтобы поскорее потерять сознание, даже если чудовище решит, что смерть должна ждать его собственного плана.

Она почувствовала на своих губах неожиданную мягкость, нежный поцелуй, и потрясение было хуже раны. Хеша, притворяющийся, что хочет ее, в комнате в Калькутте... его губы скользнули по ее щеке, снова поцеловали под ухом и, наконец, вгрызлись в вену.

Элизабет кричала, казалось, целую вечность, но это было меньше секунды; крик так и не вырвался из ее губ. Ее дыхание перехватило. Она задыхалась. Самым страшным приступом была не боль, а душераздирающий, горько-сладкий экстаз. Она отчаянно прижалась к нему, притягивая его ближе, и забыла обо всем... она прижалась к нему... ее сердце болело — оно не могло биться достаточно быстро..... Ее щека потерлась о его щеку, и она почувствовала, его кожа стала теплой от того, что он украл у нее. На мгновение она покраснела, но потом почувствовала, как кровь покидает ее. Элизабет потеряла силы, чтобы удержать его, и обмякла в крепком коконе его рук. Время замедлилось — или Хеша сделал глоток более деликатным, — и ей показалось, что она плывет в роскошном море. В ее ушах звенели колокольчики, а перед глазами плясали огоньки. Через мгновение звон и краски остались позади, и не

осталось ничего, кроме моря — она не чувствовала ни давления его рук, ни покалывания собственных кончиков пальцев — было только море экстаза, темнота и слабое воспоминание о теле... где-то... с крошечной, жгучей болью в горле. Она держалась за это еще минуту, с головокружением и замиранием, думая не о том, что ее жизнь заканчивается, а о том, что его прикосновение уходит навсегда... она могла вспомнить его руки...

Потом не было ничего — достаточно долго, чтобы она всегда знала, что такое ничто...

...и одна капля огня попала ей в рот.

У нее был рот, у нее было тело. Это была масса острой боли и холода, жесткой, тупой агонии. Она пиналась и царапалась о что-то, чего не могла видеть — оно рвалось назад, пытаясь уничтожить то немногое, что в ней было, и огонь вернулся в ее рот. Вино, чистая вода, клубника, кислота, сгущенная страсть, материнское молоко, горькая желчь, уксус, жгучая ненависть... поющая вина... сила... воспоминания других мужчин... вкусно и невыразимо неправильно пить, но невозможно не глотать. Дрянь заполнила ее сердце и потекла по венам, и острые боли прошли. Оно продолжало течь, и агония утихла.

Элизабет открыла глаза.

Она сидела в старом офисном кресле своего отца. Лишенное всякого выражения лицо Хеши смотрело на нее. Его глаза были золотыми. Его руки держали цепи и кандалы, и пока она пыталась понять, почему он еще не убил ее, он зажал их на ее запястьях, через спинку кресла и вокруг стального столба в центре ее квартиры.

Хеша ушел, не сказав больше ни слова.

Суббота, 31 Июль 1999, 3:56 AM
Однокомнатная квартира в Ред Хук, Бруклин
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Элизабет Димитрос сидела в самом центре своей квартиры и ждала. Она закончила вспоминать. Она не могла даже предположить, сколько света будет слишком много — сумерки, предрассветный свет или полные лучи солнца — но скоро она узнает, сколько нужно, чтобы убить вампира — насколько смертелен Ра для тела младенца, Дитя Сета.

Время от времени она прислушивалась к шагам в коридоре. Если кто-то из других жильцов проходил мимо, она могла крикнуть и попытаться найти убежище до рассвета. Антонио иногда начинал обход в пять часов — не будет ли это слишком поздно? Если Хеша собирается вернуться (а Хеша не собирается возвращаться, с горечью подумала она), он может воспользоваться дверью, как он это делал, уходя.

Небо становилось все бледнее.

Возможно, лучше было бы так....

Шаги приближались. Сердце Элизабет подпрыгнуло. Должна ли она позвать? Нет, ходячий уже приближался к ней — в этом конце коридора больше ничего не было. Она повернулась на стуле и в отчаянии посмотрела на открывающуюся дверь.

Сначала она не узнала его — только поняла, что не видит Хешу.

Мужчина улыбнулся, медленно осмотрел ее с ног до головы, взглянул на кандалы и облизал скривившиеся губы.

— Привет, милая, — сказал Халил Равана. Он лукаво усмехнулся. — Ты скучала по мне?